

INSPIRIA

НИКТО
НЕ ЗАЩИЩЕН
ОТ ЧАР ВЕДЬМИНОГО
ЦВЕТКА

ДОМ ШЕЛКА

КЕЙТ НАНН

INSPIRIA

Annotation

Завораживающая история загадочной школы-интерната, хранящей многовековую тайну...

2019 год. Австралийская учительница истории Тея Раст приезжает в элитную школу-интернат в Оксли. Ей предстоит присматривать за первым потоком девочек за всю 150-летнюю историю учебного заведения. Вместе с юными воспитанницами Тею селят в Дом шелка, где тени прошлого скрывают гораздо больше мрачных секретов, чем она могла себе представить.

1768 год. Четырнадцатилетняя Роуэн Кэзвелл устраивается горничной в Дом торговца шелком в провинциальном, но богатом городке Оксли. Вскоре она обретает славу местной знахарки. Только в Англии XVIII века еще слишком сильны отголоски охоты на ведьм, чтобы люди могли оставить девушку в покое...

В это же время, в Лондоне, Мэри-Луиза Стивенсон мечтает стать художницей по шелку, создавая невероятные рисунки из ядовитых цветов пурпурной белладонны, пятнистой наперстянки, алых маков и прелестного аконита. Один отрез такой ткани женщина провозит в Оксли, не подозревая, что темная энергия ее узора уже выбрала себе первую жертву...

«Изысканно написанная, эта яркая история может околдовать вас». – Woman

«Совершенно завораживающий». – Наташа Лестер, автор бестселлеров New York Times

«Плавно переходя от прошлого к настоящему и используя мощные повествовательные голоса трех очень разных женщин, Нанн создает потрясающую атмосферу... Многослойная и насыщенная неизвестностью история о привидениях, полная фигур, теней, неземной музыки, скрипов в ночи и беспокойных духов». – Lancashire Post

-
- [Кейти Нанн](#)

-
-

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)

- [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

Кейти Нанн

Дом шелка

Kayte Nunn
THE SILK HOUSE

Copyright © 2019 Kayte Nunn

© Осминина А.С., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Посвящается Шарлотте, которая любит пугать меня своими собственными историями

«От любви, воров и страха появляются привидения» – немецкая пословица

Глава 1

Сейчас

Призрачное эхо женских голосов – сопрано, альто и контральто – звучало гармонично, естественно сочеталось в песне. Безупречный ясный звук лился из открытых окон, через покрытые шифером крыши, вдоль старых стен из красного кирпича, за прошедшие столетия гладко отполированных дождем и ветром; он летел над ровно подстриженными лужайками и спортивными площадками все дальше, туда, к широкой, усаженной деревьями аллее, где стояла Тея. По ее коже побежали мурашки: с порывом ветра, обогнувшим здание, мелодия зазвучала громче и будто совсем близко. Слева, в квадратных стеклах окон, виднелись расплывчатые тени. В сгущающихся сумерках явление казалось неземным, потусторонним. Ангельский хор. Слова «... пусть принесет вам покой» кружились в воздухе, летели дальше.

Тея остановилась и поправила очки на переносице, разглядывая здание перед собой: английская частная школа выглядела именно так, как она всегда себе и представляла. Все вокруг дышало историей: стены из камня светло-медового оттенка, увитые плющом и глицинией, безукоризненные газоны (за которыми, без сомнения, ухаживал целый отряд садовников), окаймленные аккуратными рядами лиловых анютиных глазок и белого алиссума, высокие ворота, арочный портик и дубовая дверь, тяжелая и обитая железом. От этого места веяло традициями, привилегиями и деньгами. Среди таких внушительных зданий Тея казалась самой себе просто взъерошенной самозванкой, и ощущение было резким, точно пощечина.

Пение стихло, и она двинулась вперед, волоча чемодан и ругаясь себе под нос, когда тот цеплялся колесиками за гравиевую дорожку.

Полчаса назад автобус высадил ее на главной улице города, широкой, с плавными поворотами, но Тея и так знала, куда идти, уже побывав в колледже на итоговом собеседовании три месяца назад. Она была почти на месте, но из-за мелких камушков последние шаги долгого путешествия давались сложнее, чем ожидалось. Большинство

посетителей, скорее всего, не приходили, как она, пешком, а приезжали на машинах, и тогда гравий приятно шелестел под дорогими шинами.

С последним рывком втянув за собой чемодан, она вошла под каменные своды и, обнаружив ручку, ухватилась за нее. Под нажимом плеча дверь поддалась, и Тею окутал аромат пчелиного воска, лилий, старых книг и слабый запах потных кроссовок, которые ее отец назвал бы «парусиновыми туфлями».

Она сделала пару шагов внутрь, и дверь за ней закрылась с гулким стуком, раскатисто разнесшимся по громадному холлу. Тея оказалась в прихожей с высокими потолками. По одну сторону стоял отполированный до идеального блеска прямоугольный стол, на котором виселась хрустальная ваза с теми самыми лилиями. Невероятно изящные лепестки цветов загибались наружу – кремовые, без единого пятнышка, с ярко-оранжевой пыльцой на каждой тычинке. Еще несколько дней – и они бы уже поникли, готовясь к скорому увяданию, но сейчас перед ней было само совершенство.

Дальше тянулся холл, заканчивающийся широкой извилистой лестницей с затейливой балюстрадой, которая вела вверх, в темноту.

– Вы опоздали, – раздался из тени глубокий, тягучий голос. Тея попыталась разглядеть, откуда он доносился, но уже через мгновение перед ней стоял высокий худощавый мужчина с залезшими назад волосами и изборожденным морщинами лицом, напоминавшим высохшее русло реки. Старомодный сюртук болтался на нем, точно сшитый для владельца покрупнее, но галстук на чистом белом воротничке был завязан безупречно. Брови насуплены, плечи сгорблены, точно от воображаемого холода. В глаза он ей не смотрел.

– Прошу прощения... автобус не сразу отправился. – Проверив часы, она добавила: – Но всего на пятнадцать минут позже.

– Конечно, вы же из... колоний, – неприязненно выделив последнее слово, произнес он так, будто это все объясняло. – Мы ожидали вас вчера, мисс Раст.

– А разве семестр начинается не завтра? – вспыхнув от негодования, уточнила Тея.

– Завтра, но тем не менее мы ожидали вас вчера, – медленно, словно она была не только иностранкой, но еще и слабоумной, повторил незнакомец.

Она вновь принялась извиняться, но мужчина уже исчез во мраке. Не успела Тея его окликнуть, как он вернулся с ключами на большом железном кольце.

– Ключа три. Один от входной двери, второй от боковой, и третий... что ж, думаю, сами разберетесь. Если, конечно, сообразите. – Одной рукой он протянул ей ключи, а другой потер подбородок. На лацканы пиджака посыпались белые частички кожи, и Тею внутренне передернуло.

– Ученицы будут жить ближе к главной улице, в доме номер пятьдесят восемь. – Голос у него дрогнул, точно само слово «ученицы» причиняло ему физическую боль. – Меня доподлинно проинформировали, что вы разместитесь там же – по крайней мере, на первый семестр.

Юноши, точнее, как хвастался веб-сайт школы, наследники знатных семей, обучались в Оксли-колледже с середины девятнадцатого века. Исходя из истории, его основали в последней отчаянной попытке спасти город. Некогда все путешественники по дороге в Бат останавливались в Оксли, но добираться из столицы до курорта оказалось быстрее и практичнее на поезде, и городок опустел. Бывший постоялый двор превратился в главное здание колледжа, все остальные корпуса построили вокруг него, и так все осталось и поныне. Школа процветала, дав вторую жизнь и городу тоже.

Однако только в этом году колледж соизволил принять на обучение девушек. Продержавшись дольше, чем другие такие же школы, которые ввели совместное обучение еще десятки лет назад, Оксли все же пришлось идти в ногу со временем, чтобы не потерять учеников – во всяком случае, так предполагала Тея. Было очевидно, что этого мужчину, кем бы он ни был, такое решение вовсе не радовало.

Забрав ключи левой рукой, правую она протянула для рукопожатия:

– Тея. Новая учительница истории.

– Об этом я прекрасно осведомлен, мисс Раст, – не обращая внимания на протянутую руку, ледяным тоном отрезал он. – Баттл. Для вас мистер Баттл. Привратник.

– Да, разумеется, – произнесла Тея, опуская руку, когда мужчина отвернулся, показывая, что разговор закончен.

– В таком случае я пойду обратно к главной улице? – непринужденно, хоть и не без усилий, уточнила она.

– Зеленая дверь. Через одну от «Джорджа и Дракона». Не заблудитесь, – проворчал он через плечо, вновь исчезая в сумраке коридора.

В свой предыдущий визит Тея не успела почти ничего рассмотреть, поэтому сейчас уходить не спешила, наоборот сделав шаг вперед и с любопытством разглядывая обстановку. Глаза уже привыкли к тусклому освещению, и теперь на обшитых деревянными панелями стенах она различала большие, написанные маслом портреты – ученых, судя по виду. Один, темноволосый, с тонзурой, в очках в тонкой оправе и с пером в руках сидел за столом. Другой был в мантии с алым капюшоном и в квадратной академической шапочке. На третьем портрете, выглядевшем уже более современно, довольно молодой мужчина с песочного цвета волосами сидел на скамейке с лабрадором у ног, на фоне садов и зданий колледжа за ним. Она подошла ближе, чтобы прочитать подписи. Над каждым именем значилось также: «Глава колледжа» и даты службы. У последнего портрета нынешнего директора, доктора Александра Фокса, под именем стояло только начало службы: 2011 год, без второй даты.

Тея познакомилась с ним на собеседовании; ей понравилось его открытое лицо и непринужденное обращение без строгого этикета.

Оксли-колледж был оплотом влиятельных кругов Британии в сердце английской глубинки, но Тея с тем же успехом могла отправить резюме в школу на Марсе, потому что опыта работы в таком месте у нее не было. Она удивилась, что вообще прошла первый этап собеседования. Была, конечно, еще одна причина, по которой она в первую очередь зашла на веб-сайт именно этой школы и, увидев размещенную вакансию, импульсивно направила свое резюме. Но не стоило об этом задумываться именно сейчас.

Уже повернувшись к выходу, она покрутила в руке металлическое кольцо, рассматривая гладкий, истертый от многолетнего использования металл. Все три ключа были большими, у одного головка в форме пятиугольника, внутри звезда в кольце, вершины упираются в круг – знакомый узор. У второго – переплетенные круги, точно маленький лабиринт, со звездой в центре, а на третьем – колчан со стрелами, по шейке плетение, точно крученая нить. Тея провела

большим пальцем по пентаграмме, задумавшись, когда же их впервые отлили и почему с таким орнаментом.

Убрав связку в карман куртки, она закинула сумку на плечо, ухватила чемодан и потянула на себя дверь. Кроны деревьев беспокойно шелестели, и желудок отозвался ответным урчанием. Вместо обеда она перекусила в поезде, всего пара сэндвичей с водянистым кофе, и то уже давно. Где-то в сумке валялась шоколадка, но можно было и еще немного потерпеть. Нужно вернуться в город и найти, где им с девочками предстоит жить.

Вмонтированные в землю вдоль аллеи прожекторы освещали путь до ворот, и от деревьев по газону длинными пальцами тянулись тени. Вдалеке почти неслышно шумели машины. Но что-то изменилось. Сперва Тея не могла определить, что именно, и вдруг ее поразила тишина: музыка смолкла. Ей вспомнились слова мистера Баттла. Если студенты еще не приехали, то кто же пел?

Глава 2

Сентябрь, 1768 год, Оксли

Сперва Роуэн заметила жилет господина, вытканый узором, который она прежде не видала: оранжевые лепестки сияли в тускнеющем свете послеполуденного солнца, листочки плелись зеленой лозой. Затем она обратила внимание на бриджи, белоснежные, точно брюшко сороки, такие же белые чулки и начищенные кожаные туфли с блестящими серебряными пряжками. По всей видимости, это был очень состоятельный джентльмен.

Неторопливо, с важным видом он подошел, остановившись неподалеку, убирая что-то в карман. Роуэн разгладила юбки и заставила себя улыбнуться, усмирив порыв сбежать и спрятаться. Как бы ей хотелось, чтобы ботинки у нее были чистыми, а не заляпанными грязью, а красный плащ с капюшоном, когда-то принадлежащий матери, не таким изношенным и в заплатках. Уставившись себе под ноги, Роуэн поспешно спрятала руки за спину: по дороге она собирала травы, и зеленый сок впитался в кожу.

– Ты, девочка. Ты сильная? Здоровая? – осведомился мужчина, вынужденно опустив взгляд: она была тоненькой и невысокой, на фут или больше ниже его.

– Да, сэр, – нашла в себе силы ответить Роуэн. – Два года служила горничной и прачкой у семейства из девяти человек. – Она не стала упоминать, что дом тот принадлежал ее дяде и тете и за работу ей не платили. Ей хотелось показать, что дело она свое знает лучше, чем можно судить по внешнему виду. – Ни дня не пропустила.

– Я искал камердинера, – вздохнул он, поглядывая на другую сторону лужайки, где группками стояли женщины со швабрами и метлами и мужчины с косами, мотыгами или лопатами. Роуэн разглядела и обрывки ярко-голубых ленточек на груди у большинства из них, знаки, что их уже приняли на службу. – Но, похоже, в такой поздний час это бессмысленно.

На Михаэльмас в городе проводилась ежегодная ярмарка^[1], куда стекались люди со всех окрестностей в надежде получить работу на год, и Роуэн сама два дня шла пешком из своей деревушки, спала в лощине у дороги и с рассветом вновь пускалась в путь. Солнце давно уже клонилось к закату, она простояла на лугу с раннего утра, но все, кому нужны были горничные, прачки и кухарки, спешили прочь, стоило им увидеть ее лицо и обезображенный шрамом левый глаз, из-за которого веко у внешнего уголка сползло вниз. Ей хотелось бы знать, почему и этот господин не поступил так же, но она благодарила звезды, что этого не произошло: болезненная пустота в желудке напомнила о том, в каком незавидном положении она очутилась. Если Роуэн не примут на службу, сил на долгую обратную дорогу до дома тетушки уже не останется, да и рад ей никто не будет – ее и отправили сюда зарабатывать на содержание младших братьев.

С места, где она стояла, открывался вид на распростертый внизу город Оксли. Столько домов сразу всех видов и размеров плотно прижимались друг к другу, точно кусочки мозаики: из кирпича, с прочной черепичной крышей – не то что домики из прутьев и глины и с соломой вместо крыши у нее в деревне. Главная улица казалась шире иной реки, которую только можно было вообразить, она мягко петляла вниз по холму, точно колечки яблочной кожуры. Размер города внушал ей благоговейный страх точно так же, как и знатный джентльмен перед ней.

– Полагаю, горничная мне подойдет. – Его слова вернули ее в настоящее время, позволив огоньку надежды вспыхнуть сильнее. Он помедлил, раздумывая, а Роуэн изо всех сил старалась выдержать его взгляд с твердостью, которую не ощущала, так как сердце ее колотилось быстрее, чем если бы она пробежала целую милю. Никак не показав, что заметил ее увечье – паутиной разбежавшиеся от уголка глаза шрамы, – он произнес:

– Если моя супруга даст согласие. Идем. – Повинуясь знаку, Роуэн подобрала узелок с чистой одеждой и несколькими дорогими ее сердцу сокровищами – все свое скромное имущество и поспешила за джентльменом по направлению к главной улице. Прямо на ней расположился рынок, и Роуэн влилась в людской поток, торопливо отступая и уворачиваясь, пока покупатели придиричиво осматривали жирный костный мозг, вилки капусты размером с голову, корзины яиц,

тяжелые мешки с зерном и солодом, башни яблок и цыплят со свернутыми шеями, еще не ошипанных и не разделанных.

Не упуская мужчину из виду, она аккуратно огибала прилавки, нагруженные кусками масла, творогом, всеми видами сыров, трепыхающейся форелью с прозрачными глазами и серебристо-коричневой крапчатой кожей, пучками кресс-салата, душистыми травами и цветами, глиняными кувшинами с медом, свернутыми лентами. Неподалеку она заметила скрипача, а вокруг него робкие пары влюбленных. Музыкант управлялся с инструментом столь искусно, что только смычок и мелькал, и собравшаяся толпа притопывала и покачивалась в такт мелодии. Слушатели были самые разные: низкие и полные, как хлебные печки, круглые, как головка уилтширского сыра, или тонкие, точно оконное стекло.

Роуэн чуть не споткнулась о корку пирога, кем-то выброшенную, но не раздавленную. Последний раз она ела утром прошлого дня. Украдкой посмотрев по сторонам и убедившись, что никто не видит, она быстро нагнулась и схватила остатки выпечки, тут же затолкав в рот, пока никто не заметил – еще несколько секунд, и от корки остались бы лишь крошки на булыжной мостовой. Когда она вновь выпрямилась, мужчина в ярком жилете почти скрылся из виду, и ей пришлось пробиваться сквозь толпу, догоняя его.

У нее уже кружилась голова от такого большого города, непривычных ароматов и странных окликов, обрывков разговоров, дразнящих, точно запах жаркого в холодный день. В родной деревушке, во Флоктоне, все были ей знакомы и в лицо, и по имени, и она им, а теперь... кто знал, что в одном месте может собраться столько незнакомцев? Мельком она заметила мальчика-подрочного из мясной лавки, бегавшего с поручениями через рынок: ручная тележка была доверху нагружена свертками с мясом, связками сосисок, брусками сала и бекона. Что-то в повороте его головы, линии челюсти напомнили ей об Уилле, старшем из ее братьев, и тоска по дому и тишине родной деревни кольнула острой болью.

Мужчина неожиданно остановился перед особняком в отдалении от дороги, и она замерла на шаг позади него.

– Пришли, – произнес он с явной гордостью. – «Тончайшие шелка Холландера».

Роуэн во все глаза уставилась на здание. К нему примыкали два строения поменьше, будто поддерживая, как подпорки. Высокий, с рядами окон дом был построен из красного кирпича и имел крутую остроконечную крышу. По обе стороны от широкого дверного проема поблескивали квадратиками стекол два больших окна в дубовых переплетах, над притолокой – табличка с изображением пары ножниц. Хотя она видела город только мельком, было очевидно, что это одно из его самых впечатляющих сооружений.

Первый этаж был отведен для торговли. В окне слева от себя Роуэн увидела отрезки прекрасных тканей: однотонных и в полоску, богато расшитых экзотическими птицами и букетами. Только через несколько месяцев она узнает, что так восхитившие ее цвета называются бирюзовый, фишашковый, лиловый и багряный, но уже через пару недель она возьмет в руки нежнейший шелк, до этого имея дело только с грубым льном и шерстяным полотном.

Роуэн заставила себя отвести взгляд от тканей и задрала голову к небу. Особняк был настолько высоким, что, казалось, задевал облака. Она насчитала три ряда окон, одно над другим, при этом на втором этаже стекла были не квадратами, а ромбами. Над наклонной крышей виднелось шесть дымоходов, в ней самой – четыре мансардных окна, и по высоте было ясно, что ступенек до самого верха придется преодолеть изрядно.

Ее будущий господин достал из кармана камзола ключи и провел Роуэн в небольшую прихожую. Тускло освещенный холл с дверями по обе стороны тянулся в глубь дома.

– Мы живем в дальней части дома и наверху. Твоя комната, если моя супруга согласится принять тебя, будет на чердаке, поделишь ее с Элис. Иди за мной, миссис Холландер где-то здесь.

Он провел ее по коридору в просторную квадратную комнату. На обитых деревянными панелями стенах висели канделябры, ноги ее утопали в толстых коврах, устилающих пол. В дальнем углу был разожжен камин, выложенный из камня медового оттенка, и сырое дерево немного чадило, шипя и потрескивая. Роуэн знала, что у торговцев есть дрова и получше.

В кресле у огня читала молодая женщина. Ее прическа из колечек и завитков сияла в оранжевых отблесках, щеки разругнулись от тепла. На ней было платье цвета осеннего сидра, кружева пенились на

тонких запястьях, точно взбитые сливки. Не считая заостренного подбородка, черты лица у нее были мягкие, рот маленький, с розовыми губками. Родинка на скуле, которую можно было бы спутать с мушкой, привлекала внимание к ее ярким сине-зеленым глазам. Роуэн никогда прежде не встречала таких женщин, она выглядела такой хрупкой, словно могла сломаться от малейшего давления.

– А, моя дорогая Кэролайн, – обратился к ней супруг, потирая руки, будто от неуверенности. – Что скажете о нашей новой горничной?

– Роуэн Кэзвелл, мэм, – подала голос Роуэн, так как мистер Холландер – ведь, как она решила, это был он – не удосужился узнать ее имя. Она вспомнила, что принято делать книксен, и смущенно поклонилась.

Дама повернулась, отложив книгу, которую читала, и теперь изучающе рассматривала ее с ленивым интересом. Роуэн порадовалась, что стоит в тени и ее шрам не сразу бросится в глаза.

– Так не годится. Совсем не годится.

Роуэн похолодела.

– Разве мы искали не мальчика, чтобы выучить его на камердинера? – миссис Холландер покачала головой так, словно ее супруг нередко возвращался домой вовсе не с тем, за чем уходил.

– Никого подходящего не было.

– Как? Даже рано утром?

– Боюсь, что нет.

Но они были. Роуэн помнила, что несколько мальчиков примерно ее возраста и даже взрослые мужчины искали место.

Кэролайн Холландер вздохнула, приглядываясь к ней повнимательнее. По тому, как она прищурилась, Роуэн поняла, что шрам уже был замечен.

– Она не красавица, но, может, это и хорошо, – решила наконец хозяйка дома. – Что ж, раз в самом деле никого больше не было, придется нанять ее, хотя бы на какое-то время. Только прежде отмыть. Эта девочка, похоже, уже давно не видела горячей воды. У нее могут быть вши, и кто знает, что еще.

Несмотря на ласковую улыбку, резкие слова все равно прозвучали как оскорбление, но Роуэн была не настолько глупа, чтобы это показывать. Возможно, после долгого путешествия она и выглядела

измученной, но у нее всегда была с собой настойка розмарина, перечной мяты, гвоздики и герани: она отпугивала вшей и придавала волосам блеск. По мере надобности Роуэн также растирала тело кашицей из семян пажитника и горчичного масла, которая хоть и не так сладко пахла, но была определенно действенной. Может, она и была простой девочкой из бедной деревушки, но уж точно не крестьянкой.

– Пруденс сегодня же этим займется. Но ради всего святого, Патрик, пусть сначала ее обязательно накормят. Она такая тощая, будто месяцами не ела.

Роуэн смогла наконец выдохнуть. Похоже, госпожа Холландер все же согласилась взять ее хотя бы на испытательный срок.

– И ей понадобится новая одежда. Мои слуги в лохмотьях ходить не будут. А пока пусть ей дадут старое платье Элис. – И Кэролайн Холландер вновь взялась за книгу, словно в комнате уже никого не было.

– Конечно, моя дорогая, – ответил ее супруг, а затем обратился к Роуэн: – Ну, идем. Покажу тебе комнату. – Он взял с буфета масляную лампу и повел ее обратно по коридору. Выходя из комнаты, Роуэн оглянулась и увидела тени, окружившие ее новую хозяйку. Но стоило моргнуть, как они исчезли, и она убедила себя, что это просто из-за незнакомой обстановки.

Глава 3

Сейчас

Асфальт уже запестрел мокрыми точками от морозящего дождика, и Тея укрылась под притолокой, крутя в руках ключи и пытаясь решить, какой же подойдет к свежеекрашенной двери.

Особняк высился в конце длинной главной улицы, которая дальше сужалась и вилась по склону, как Тея помнила, по направлению к далеким холмам – их она видела в свой первый приезд, когда еще было светло. Остроконечная крыша квадратного трехэтажного дома красного кирпича была покрыта бурой, точно ржавчина, черепицей в пятнах лишайника, от входа виднелось четыре мансардных окна и дымоходы с торцов. Большие окна в белых рамах с квадратными стеклами по обе стороны от двери соседствовали с элегантной дощечкой с надписью: «Дом шелка». Табличка поменьше и поновее, внизу, предупреждала: «Частная собственность». Внутри было негостеприимно темно, ни единого огонька.

По дороге к особняку Тея прошла несколько пабов, куда то и дело ныряла очередная парочка, и тогда из открытых дверей доносились обрывки разговоров, запахи дымка и горького эля. Ей мучительно хотелось тоже зайти внутрь, взять пинту и что-нибудь на ужин, но она передумала, даже несмотря на накапывающий дождь. Важнее было найти дом, где ей теперь предстояло жить.

Вновь посмотрев на ключи, она выбрала один и уже собиралась вставить в замок, но неожиданно дверь перед ней оказалась приоткрыта. Тея уставилась на нее, совершенно уверенная, что пару секунд назад та была заперта. Толкнула створку кончиками пальцев, осторожно, вдруг кто-то бы стоял за ней, и позвала:

– Ау? Есть кто-нибудь?

Неподалеку на тротуаре горел уличный фонарь, но внутри дома царил непроглядная темень. Ей никак не удавалось избавиться от ощущения, что за ней следят; она обернулась через плечо, но ничего не заметила. Решительно переступив порог, Тея принялась: резкий

запах лекарственных трав и дыма, будто камин топили сырыми дровами. Напугать ее было не так-то легко, но от пустого дома темной ночью в незнакомом городе у нее появилось устойчивое чувство тревоги. Отмахнувшись от смутных предчувствий, Тея прошла дальше, везя за собой чемодан. Через несколько шагов она остановилась, поставила вещи и сбросила с плеча сумку с хоккейными клюшками. Обернувшись, на ощупь поискала выключатель у двери и щелкнула круглой выпуклой кнопкой. Мигнув, лампа тускло засветилась.

– Мисс Раст?

От звука голоса за спиной Тея подпрыгнула и резко развернулась.

В противоположном конце коридора стояла высокая сухопарая женщина в очках, с седыми, забранными в прическу волосами. От включенного света по холлу плясали тени, скрадывая очертания, и сама женщина сливалась с мраком вокруг.

– Да, я Тея. Тея Раст, – кивнула Тея, подавив желание вернуться в тот паб на главной улице, к свету и теплу жизни.

Женщина словно скользила по полу, пока наконец не остановилась на расстоянии вытянутой руки. Слишком большие, с затемненными линзами очки и строгая прическа не сочетались с красивой шелковой блузой, со вкусом расшитой цветочными узорами.

– На вид вы едва ли старше наших будущих учениц. Я миссис Мэри Хикс. Дом шелка находится в моем ведении, – представилась она, убрав руки за спину. Большая дымчатая кошка терлась об ее ноги, периодически залезая и выныривая из-под юбок и яростно шипя на Тею.

Теперь, когда женщина приблизилась, она уже не казалась такой устрашающей, и все же было в ней что-то, от чего Тею пробрала дрожь.

– Рада познакомиться, миссис Хикс, – изо всех сил стараясь говорить искренне, ответила Тея. – А я подумала, что здесь и нет никого, так темно...

– Ну конечно же я здесь, мисс Раст. Девушки приезжают уже завтра. У меня достаточно забот с подготовкой дома, так что времени включить свет у крыльца просто не было. Вот и все.

Это прозвучало снисходительно, и Тея прикусила губу, но промолчала. Ей не хотелось сразу ссориться с женщиной, так толком и

не познакомившись.

– Какая милая кошечка, – в итоге произнесла она дружелюбно и наклонилась погладить питомицу, но та только юркнула обратно в убежище юбок своей хозяйки, и Тея, чувствуя себя страшно глупо, выпрямилась.

– Ее зовут Исида. Отлично ловит мышей. – Миссис Хикс смерила Тею взглядом, будто оценивая, и уголок губ у нее дернулся. – И все же будьте осторожны, она царапается.

– Поняла. – С древнегреческой мифологией Тея была знакома поверхностно, но знала, что кошку называли в честь богини.

– Так, нам надо вас устроить. Спальня и ваш кабинет находятся на верхнем этаже, – сообщила миссис Хикс, указывая на лестницу в глубине холла. – Наверху повернете налево, предпоследняя дверь. Моя комната находится в задней части дома, здесь слева. Девушки разместятся на втором этаже, а также в комнате рядом с вашей, общие комнаты и столовая – на первом этаже. Дверь за столовой ведет в сад, в пруду разводят рыб; сам двор обнесен оградой, за ней начинается река. Выходить за ограду категорически запрещается.

Тея почувствовала, что запрет распространяется и на нее тоже.

– Также я хотела бы, чтобы в будущем вы называли меня «настоятельница» или «дама Хикс». Это традиция Оксли. – Женщина улыбнулась, но только губами: из-за очков настоящие эмоции было не угадать. – Весь дом покажу вам завтра, – добавила она. – Придется встать пораньше, чтобы успеть до приезда девушек.

– А во сколько они приезжают? – уточнила Тея.

– С трех часов дня. Достаточно времени, чтобы устроиться и распаковать вещи перед ужином.

Из многочисленных инструкций и справок, которые ей направили, Тея знала, что все четырнадцать девушек будут завтракать и ужинать у себя, а на ланч и обед оставаться в главном здании вместе с остальными учениками.

– А как же миссис Джексон? Заведующая? – Очаровательная женщина, домашняя и уютная, как пирожок, пахнувшая мятными леденцами и тальком, присутствовала на собеседовании Теи. Ей пришло в голову, что, окажись там миссис Хикс или, если уж на то пошло, привратник, она вполне могла передумать по поводу этой

работы. Оставалось надеяться, что миссис Джексон поможет ей освоиться.

– Боюсь, здесь небольшая загвоздка. Миссис Джексон крайне неудачно упала, играя на прошлой неделе в бадминтон. Споткнулась о воланчик. Судя по всему, повредила спину, – сообщила дама Хикс. – Разумеется, за такое короткое время школе не удалось найти никого на замену, и меня уведомили, что, пока ей не станет лучше, ее обязанности возьмете на себя вы. Как мне сказали, как минимум на несколько недель.

Тея, на секунду отвлекшаяся на мысли о припасенной шоколадке, вздрогнула. Она правильно расслышала? Ей придется отвечать за всех учениц? Даму Хикс подобная перспектива радовала ничуть не больше, и настроение Теи упало: получается, на ней будет ответственность за здоровье и благополучие девушек. Она любила преподавать историю, делиться своей страстью к предмету, но в психологической помощи ученикам или, как ее называли в таких частных школах, «пастырской заботе» опыта у нее не было никакого, да и терпения по отношению к пустяковым драмам и подростковым эмоциям не сильно больше. Она еще помнила свои шестнадцать лет, эти скачки от парализующей неуверенности в себе до безграничной веры в собственные силы, и порой все это за одну минуту. Вероятно, это расценивалось как повышение, но она представляла его совсем по-другому.

– Разумеется, я тоже буду здесь, – пояснила хозяйка. – Но моя задача – следить, чтобы все работало как положено, следить за кухней, уборкой, стиркой и тому подобное. Следуйте за мной, – пригласила она, бросив взгляд на часы. – И багаж свой возьмите. Ни к чему терять время попусту.

Дама Хикс быстрым шагом двинулась вперед, зажигая свет по дороге, даже не оглядываясь проверить, идет ли Тея за ней.

– На этом этаже столовая: до того, как дом выкупил колледж, здесь был ресторан отеля. – Она указала на комнату справа, и Тея, заглянув в приоткрытые двойные двери, увидела два длинных стола с рядами стульев, сервировочные столики и шторы с ярким узором. Пахло свежей краской.

– Кухня вон там, – указала хозяйка на другие двойные двери в дальнем углу столовой. – А теперь пойдете наверх.

На второй этаж вела широкая дубовая лестница, балясины отполированных временем перил украшал узор из желудей. Подхватив чемодан и сумку, Тея подняла их по неровным ступенькам, радуясь, что не поддалась искушению и взяла с собой только самое необходимое.

На втором этаже от лестницы вправо тянулся коридор с пятью дверьми, две по одну сторону, три по другую.

– Девушки поселятся по двое и по трое, – объяснила дама Хикс, показывая Тею комнату с двумя односпальными кроватями с белыми пуховыми одеялами и взбитыми подушками, где также стояли два письменных стола с удобными на вид креслами. Над каждым рабочим местом на стене висели пробковые доски, между кроватями лежал круглый коврик, а по дальней стене были расставлены шкафы. По мнению Теи, спальня выглядела слишком безличной, единственным дополнением был приплюснутый шар на одном из столов, размером и формой напоминающий гальку. Комната Теи в подростковом возрасте была примерно такого же размера, хотя и завешана от пола до потолка постерами с хоккеистами, скаковыми лошадьми и звездами тенниса. Она со стыдом вспомнила, как все те годы была влюблена в Андре Агасси и задумалась, разрешат ли девушкам украсить свои комнаты. Как она уже начала подозревать, вероятнее всего, их попросят ограничиться пробковыми досками.

Ее провожатая указала на винтовую лестницу в дальней части коридора:

– Она ведет на чердак, а также вниз. Полагаю, раньше ею пользовались слуги. Две девушки займут комнату наверху, ту, что побольше, затем будет ваша спальня и кабинет.

– Супер. Думаю, теперь я сама справлюсь, благодарю вас, – кивнула Тея, которой уже не терпелось найти свою комнату и поставить тяжелые сумки.

– Хорошо. В таком случае увидимся утром. – И дама Хикс исчезла так же бесшумно, как и появилась.

Тея перехватила чемодан другой рукой, поправила хоккейную сумку на плече и двинулась дальше по коридору. На первой двери значились имена будущих учениц: Арадия Бьянки, Морган Эддингтон-Клэй, Сабрина Фокс. Она приоткрыла дверь, чтобы посмотреть: два мансардных окна выходили на главную улицу, и несмотря на покатые

стены, в просторной комнате удобно размещались три кровати, столы и большой шкаф. Осталось даже место для пары кресел с обивкой в красную клетку у низкого столика. В одном углу стояла раковина и разделочный столик с чайником, чашками и парой стеклянных банок для печенья. Другие комнаты вряд ли чем-то отличались.

Увидев все, что нужно, Тея прикрыла дверь и уже с трудом двинулась к ведущей на чердак лестнице, где и нашла отведенные ей комнаты в конце коридора, за дверью с табличкой Фенелла и Камилла. Она бы не удивилась, окажись на других дощечках такие имена, как Арабелла, Генриетта или Кларисса: в Оксли-колледж приедут девушки именно такого типа. Тут она одернула себя. Ее собственное имя, Теодора, не сильно отличалось.

Закатив чемодан в комнату, она огляделась. Односпальная кровать, заправленная, как и другие, пуховым одеялом, в ногах сложен шерстяной плед в темно-синюю клетку – слава богу, не розовый. У единственного слухового окна также стояло кресло и вместительный комод, а на нем тот же предмет в форме гальки, что и в других комнатах. С любопытством повертев его в руках, Тея обнаружила надпись «Екко» на боку и мигающие по кругу огоньки. Похоже, одно из тех умных устройств, которые записывают разговоры и передают информацию невесть кому. В случае чего, всегда можно вытащить батарейки, а пока пусть лежит.

В дальней части комнаты, где наклонные стены соединялись так, что Тея чуть не стучалась головой, была еще одна дверь, ведущая в крошечную ванную. Пол недовольно скрипел под ногами, точно старичок, с оханьем выбирающийся из кресла. Не особенно ровный, пол, казалось, шел под уклоном, создавая ощущение каюты на корабле, а не стоящего на земле дома. Что ж, особняк старый, этого и следовало ожидать. Как историка, возможность жить здесь приводила Тею в восторг, так как здание, судя по внешнему виду и кривым полам, явно было построено не позже восемнадцатого века.

Сбросив с плеча спортивную сумку, Тея вытащила из бокового кармана яблоко и шоколадку – оба после долго путешествия выглядели не лучшим образом. В конце коридора она заметила еще одну дверь, вероятно, в ее кабинет, но туда она успеет и потом. А пока она скинула ботинки, упала на кровать, вгрызлась в яблоко и задумалась.

Каждая клеточка ее тела болела, а от долгого перелета вкупе с двумя днями в Лондоне, где она бегала по музеям и выбирала, куда можно будет сводить учеников, ее обычно спокойное настроение упало вместе с уровнем сахара в крови. Может, именно поэтому она засомневалась, правильно ли поступила, приехав сюда. Школа эта с призраками прошлого, привилегированные ученики (а теперь и ученицы), другие учителя, стопроцентно из того же теста, что и привратник мистер Баттл – что у нее может быть общего хоть с кем-то из них?

Иногда она правда себя не понимала.

Нервно дожевывая яблоко, она бросила огрызок в корзину для бумаг в дальнем углу комнаты и чуть улыбнулась прямому попаданию. Поднявшись, кинула очки на кровать и отправилась в ванную умываться. Встав на цыпочки, всмотрелась в отражение, добросовестно показавшее глубокие тени под глазами и длинные, сейчас слипшиеся в отдельные пряди прямые волосы. За спиной отражения промелькнула тень, и Тея резко обернулась: ничего. Она даже не успела разглядеть, что это было.

Только ветер стучал ставнями.

От усталости и отнюдь не теплого приема она превратилась в параноика.

«Ну-ка, Раст, соберись».

Вытерев руки, она надела очки и направилась в свой рабочий кабинет. Маленький, хотя и с окном в сад, он больше походил на каморку. Раздвинув шторы, в темноте она все равно ничего не увидела; только какое-то пятно на стекле, оказавшееся отпечатком руки с растопыренными пальцами. Тея потеряла его рукавом, но ничего не произошло: наверное, он был снаружи, но как можно было забраться так высоко? До чердака не достала бы и самая длинная лестница.

Отвернувшись от окна, она прошла туда-обратно, разглядывая обстановку. Почти весь пол занимал разноцветный ковер, в стену были вкручены крючки для одежды – и, судя по щепоткам пыли на полу, совсем недавно.

На столе ее ждала стопка бежевых папок с именами новых учениц Оксли, которые она с любопытством пролистала и решила забрать с собой в комнату. Главной задачей сейчас было распаковать вещи, с чем Тея справилась быстро, разложив одежду в комод, а туалетные

принадлежности – в ванной. Со дна сумки Тея достала металлический цилиндр, небольшую фотографию в деревянной рамке и пару книг: все уместилось на книжной полке у стола. На форзаце верхней книги значилось: «ГАР, сентябрь 1965 года, Милл-хауз, Оксли-колледж».

Она знала эту надпись наизусть, «ГАР» – Генри Адам Раст. Вот почему она сначала открыла веб-сайт Оксли-колледжа и не раздумывая приняла решение.

Воспоминание всплыло в памяти непрошеной картинкой. Они сидели вместе на заднем крыльце их загородного дома в Мельбурне, и отец терпеливо чистил отбеливателем фирменные белые кеды в ожидании традиционной воскресной партии (и хотя для всех это было просто развлечением, отец всегда боролся с самоотверженностью игрока Уимблдона). Рядом всегда ждала наготове тлеющая сигарета и запотевший бокал пива. Как он всегда хотел победить! Тея нахмурилась, вспоминая: они с младшей сестрой Пип никак не могли его обойти. «Пленных не брать!» – был его любимый клич, когда бы они ни оказывались по разные стороны поля. Нуждаясь в его одобрении и внимании, они терпели поражение за поражением: Тея сомневалась, что одной из них удалось хоть раз его обыграть, будь то теннис, карты, шахматы или вообще что угодно. И хорошо, потому что проигрывать он терпеть не мог и несколько дней потом ходил мрачнее тучи.

Тея закрыла книжку и уже собиралась ложиться, как вдруг везде погас свет. Повисла гнетущая тишина, и волосы на шее встали дыбом. А затем, откуда-то из глубин дома, раздался пронзительный необъяснимый скрип.

Глава 4

Сентябрь, 1768 год, Оксли

В отличие от сумрака и тишины остальных помещений в пропахшей дымом кухне ярко горел огонь, в громадном камине шипел на вертеле окорок. Несомненно, самая теплая и гостеприимная из всех комнат, через которые Роуэн провел новый хозяин.

– Господь всемогущий, кто тут у нас? – удивилась стоящая у огня низенькая пухлая женщина, чьи пышные бедра обтягивал засаленный передник, а руки размером с уилтширский рулет крутили вертел. Из-под чепца выбивались пряди медных, точно новый пенни, волос, кожа загрубела, а щеки напоминали переспелые осенние яблоки, чуть увядшие, но еще румяные.

– Пруденс, у нас новая горничная, – сообщил Патрик. – Будет выполнять любые поручения и прислуживать мне, а Элис – госпоже Холландер.

– Очень хорошо, сэра. – Кухарка смахнула пот со лба, разглядывая Роуэн. – Такая тощая! Хотя кажется вполне сильной. Что с твоим глазом, девочка?

– Зацепилась за мясной крюк, госпожа, – робко ответила Роуэн. На самом деле правда была мрачнее, так как Роуэн родилась такой. Она так и не узнала, была ли это травма из-за тяжелых, по словам матушки, родов, или она потом стала такой безобразной. Простое объяснение всегда лучше, этот урок она усвоила, так как к родившимся с уродством часто относились с подозрением. А Роуэн и так сильно отличалась от остальных.

Кухарка поморщилась.

– Госпожа Холландер велела ее отмыть. После ужина – вполне приемлемо, – закончил Патрик и вышел.

– Ну садись, девочка. – Пруденс указала Роуэн место за большим столом, занимавшим большую часть кухни. – Тебя что, прошлые хозяева не кормили? Уличный оборвыш и то не такой костлявый. – Она

поставила перед ней миску с ячменной кашей с морковью, в которой темнели кусочки мяса, и передала ломоть хлеба от каравая на буфете.

Роуэн не нужно было упрашивать.

– Я могу вам чем-то помочь? – с набитым ртом спросила она, стараясь сразу же быть чем-то полезной.

– Скоро у тебя будет забот полон рот. Я справлялась на кухне одна вот уже семь лет, еще один день погоды не сделает. Сначала с хозяином, пока он жил в Лондоне, а теперь здесь.

– Он жил в Лондоне? – проглотив очередную ложку, спросила Роуэн. Она слышала множество историй о столице, этом городе воров и карманников, гулящих девок и нищих, шайках вербовщиков и похитителей трупов, жуткие рассказы о распущенных нравах и алчности. У нее Лондон вызывал откровенный ужас. Даже Оксли, многолюдный и оживленный, вымотал ее, привыкшую к тишине и спокойствию, и у нее никак не выходило представить такой же, только в двадцать раз больше.

– Да, до женитьбы, – вдруг резким тоном отрезала кухарка. – Ну, довольно, нечего болтать попусту.

Роуэн доела кашу, выскребя из миски все до зернышка. Она и не помнила, когда прежде получала столько еды; грубая ткань платья даже начала давить на живот.

Закончив, она заворуженно наблюдала, как Пруденс суетится на кухне, меняя сковороды и кастрюли, сливая кипящую воду и расставляя сервировочные блюда с поразительной быстротой. На столе готовился целый пир, и всего лишь на двоих – Роуэн никогда не видела столько еды сразу. Ей повезло найти место в состоятельном доме.

От тепла кухни и сытной еды ее разморило, и она, опустив голову на руки, решила всего минуточку отдохнуть.

– Поднимайся, соня. – Кто-то легонько подергал ее за рукав, и Роуэн через силу подняла голову. Поморгав, она заметила, что на кухне почти не осталось следов бурной подготовки к ужину. – Сейчас тебя отмоет. – Кухарка исчезла в проходе позади кухни, но ее не было так долго, что Роуэн слегка забеспокоилась. Наконец Пруденс вернулась, неся хлопковую сорочку, сложенный кусок ткани, щетку и кусочек светло-коричневого мыла.

– Слева по коридору, в прачечной, есть корыто, я натаскала туда воды из колодца, – сообщила Пруденс, вручая Роуэн вещи. – Горячая

вода только всякие болячки приносит.

– Да, мэм, – согласилась Роуэн. Ее мать считала так же.

– Тогда поторопись, рассиживаться тут некогда.

– Да, Пруденс. – Роуэн поспешила в направлении прачечной.

Когда она наконец отмылась дочиста, вытерлась и отжала волосы, зубы у нее стучали от холода. Переданная ей сорочка когда-то явно была господской, и теперь, несмотря на заштопанные рукава и слишком длинный подол, приятно и мягко касалась кожи. Подхватив подол одной рукой и собрав грязные вещи другой, Роуэн вернулась в кухню.

– Ой! – Она чуть не выронила свой сверток. За столом сидел юноша, тот рассыльный из мясной лавки, которого она заметила днем в городе. – Просту прощения. – Пунцовый румянец залил щеки, ее перестала бить дрожь, сменившаяся столь же неприятным жаром. Она не привыкла, чтобы ее видели незнакомцы, особенно в ночной рубашке.

Мальчик уставился на нее, точно на привидение.

– Ты кто? – придя в себя, спросил он.

– Роуэн Кэзвелл. Служу здесь, – произнесла она, с удовольствием услышав, как это звучит.

– Томми Дин, а ты что здесь делаешь? – Вошедшая в кухню Пруденс плюхнулась за стол с пузатой бутылкой в руке и плеснула себе в стакан прозрачной жидкости.

Даже с такого расстояния Роуэн безошибочно узнала запах джина: ее тетка тоже любила выпить стаканчик-другой.

Тут Пруденс заметила Роуэн и ахнула.

– Твои волосы...

Роуэн машинально коснулась головы. До этого на ней был чепец, и она поняла, почему остальные так отреагировали: волосы у нее были редкого оттенка, светлые до белизны и мягкие на ощупь, точно осенняя паутинка. Сейчас они закрывали поврежденный глаз, спадая волной почти до талии. Братишки часто дразнили ее: «Королева снега, где твоя телега!» – приговаривали они без конца, а потом удирали от нее, хохоча и падая, налетая друг на друга. Вечерами мама сажала ее перед камином и расчесывала спутавшиеся пряди, а когда на них падал отблеск огня, даже отец не мог отвести взгляд.

Пруденс смотрела на нее с опаской, потому как все знали, с такими волосами ничего хорошего не жди, а другие прямо говорили: «к несчастью». Прикусив губу, она только сказала:

– Лучше поднимайся-ка наверх, да чтоб не увидел никто. Держи. – Она протянула Роуэн мужской халат, который, как она тут же подумала, когда-то мог принадлежать мистеру Холландеру. Тонкое мягкое сукно, и только потрепанные краешки манжет выдавали, что его вообще носили. – Набрось сперва. Сорочку и приличной-то едва назовешь.

Придерживая накинутый халат, Роуэн уже повернулась, чтобы выйти, но остановилась. Юноша за столом будто едва терпел боль. Выражение его лица оставалось спокойным, но Роуэн чувствовала исходящее от него невыносимое страдание столь же ясно, как тепло от огня.

Такое случалось с ней прежде. Как-то летом, когда ей исполнилось десять, она была на лугу с братьями, и вдруг ее словно что-то толкнуло: «Беги домой». Она бросилась по тропинке к дому, а вбежав на кухню, увидела маму с перекошенным от боли лицом и залитой кровью рукой.

– Нужна ткань, – сквозь зубы выдавила она. Роуэн вернулась с холщовой блузой – первое, что попало под руку, – и помогла перевязать рану. – Нож соскользнул, – объяснила тогда матушка.

Чуть позже она спросила:

– Как ты узнала?

Роуэн пожалала плечами.

– Почувствовала, будто что-то острое пронзило меня насквозь, и не успела опомниться, как ноги сами понесли сюда.

– Так ты видишь, – задумчиво произнесла мама. – У тебя есть дар.

– Что? – непонимающе переспросила Роуэн.

– У твоей бабушки он тоже был. Тебе придется всегда быть настороже. Ни слова об этом, ни единой живой душе – ни братьям, ни отцу, ты поняла? С такими волосами все вокруг непременно решат, что ты ведьма.

Это слово вселяло страх; Роуэн хорошо знала, что случалось с теми, кого обвиняли в колдовстве. Их сторонились, винули за неурожай или падеж скота, за любое несчастье или болезнь. Не нужно было доказательств, их выгоняли из собственного дома, из деревень

или того хуже, бросали в ближайшую темницу. В мгновение ока слухи становились сплетнями, а те – фактами.

Не так давно, рассказывала матушка, ведьм топили или сжигали на костре на глазах у всей благоговейно наблюдающей деревни. Самое меньшее – пытали, дробили кости в тисках, пока они не сознавались в преступлениях, настоящих или надуманных при первом же подозрении. Даже просто за открытые и смелые высказывания могли надеть маску позора с железным кляпом, чтобы заставить замолчать. Менее двух поколений назад в городке Малмсбери милях в сорока от Оксли жители обвинили трех женщин в колдовстве за наведение хворей, их заклеямили как ведьм и повесили за изготовление зелий и якобы ворожбу. А матушка Роуэн была еще совсем девочкой, когда сестер Хандсель из Дании, живших неподалеку от Флоктона в деревушке Уилтон, обвинили в том, что они наслали на деревню оспу, и забили камнями в ближайшем лесу, даже судебного слушания не было.

С упразднением законов о колдовстве уничтожили далеко не все позорные стулья: на них сажали гулящих девок, падших женщин и ведьм. Их прятали в коровниках и хлевах, на чердаках и в прачечных. Роуэн никогда их не видела, но содрогалась при воспоминании о рассказах матушки о том, как обвиняемых привязывали к таким стульям толстыми кожаными ремнями и опускали в воду, представляла тот ужас, который им приходилось пережить, обездвиженным, лишенным воздуха. Она всегда боялась воды: стремительных рек, извилистых потоков, подхватывающих камни и палки, и глубоких заводей от упавших во время грозы деревьев.

Матушка уже показывала Роуэн, как приготовить простые снадобья из целебных трав, растущих на холмах и опушках, но после того случая с ножом стала учить ее и некоторым чарам, и Роуэн не нужно было объяснять, что говорить об этом вне дома или с кем-то кроме матушки нельзя, даже с Уиллом, ее любимым братом.

Юноша неловко шевельнулся на лавке, и Роуэн вновь ощутила исходящие от него волны боли. Случилось что-то очень плохое.

– Сестрица небось гадает, что там с тобой, – укорила Пруденс мальчика. – Надеялся получить что-то с ужина?

– Нет, тетя Прю, смотри. – Он осторожно подвинулся, показывая левую ногу из-под стола.

Кухарка, только что сделавшая глоток из стакана, поперхнулась и раскашлялась.

– Боже всемогущий! – вскричала она. – Как, скажи на милость, это могло случиться?

На голени вздулся рубец круглой формы, ниже из глубокой раны сочилась кровь, и кожа вокруг уже побелела.

– Лошадь лягнула, – ответил юноша, скрипя зубами от боли.

Едва лишь заметив рану, Роуэн нашла узелок со своими вещами и вытащила горшочек с целебным бальзамом.

– Вот, – нерешительно сказала она, протягивая мазь Пруденс. – Может помочь. И нужно перевязать, держать рану в чистоте. Есть что-нибудь? – Еще бы, в доме торговца шелком.

– Есть муслин, соусы процеживать, – с сомнением в голосе протянула Пруденс.

– Если чистый, принесите, пожалуйста, – попросила Роуэн уже увереннее.

– Откуда ты это взяла? – Пруденс указала на мазь.

– Это мое. То есть я сама сделала, – ответила Роуэн. Когда минувшее лето было в самом разгаре, Роуэн измельчила сальный корень, тысячелистник, мелиссу и календулу, добавив ланолин из овечьей шерсти, собранной с живых изгородей. Матушка хорошо ее обучила; она умела готовить лечебные и болеутоляющие мази и примочки из трав, которые находила на лугу и по обочинам, пчелиного воска и меда, размоченных отрубей и хлеба. Она не забыла и рецепты других, более сложных составов, хотя тетя Уин, забрав ее с братьями к себе, настаивала, чтобы под ее крышей «никакой волшбы и в помине не было». И Роуэн оставалось готовить только что-то самое простое.

Кухарка недоверчиво подняла бровь.

– Матушка научила меня. Она была... она многое умела, – ответила Роуэн как можно невиннее, надеясь рассеять мелькнувшее в глазах женщины подозрение.

– Выкладывай, – подозрительно прищурившись, потребовала Пруденс. – Ты знахарка?

Роуэн затаила дыхание. Знахарками называли тех, кто готовил травяные настои и лечебные отвары, не совсем магия, но даже в таком она боялась признаться: и малейшего намека на нечто предосудительное было достаточно, чтобы разрушить чью-то жизнь.

Тем более что она была чужаком, только-только появившись в доме, и ей еще предстояло показать, на что она способна.

– Это самое обычное снадобье, – тихо ответила она.

Мгновение помедлив, кухарка протянула руку:

– Хорошо. Что ж, тогда давай его сюда. И тебе пора ложиться, завтра долгий день.

Роуэн передала женщине заветный горшочек и повернулась к двери.

– Спасибо, Роуэн Кэзвелл, – произнес Томми.

Она обернулась с благодарной улыбкой: он так напоминал ей Уилла. Та же копна светлых как лен волос и глаза орехово-карие – он не мог не вызывать симпатию.

– Не стоит, – смущенно ответила она и бросилась вверх по черной лестнице.

Добравшись до последнего этажа, Роуэн в этот раз самостоятельно нашла отведенную ей комнатку на чердаке – небольшую и темную, с наклонным потолком и слуховым окном, выходящим на улицу. Загадочная Элис так и не появилась. Кровать была одна, с железным каркасом, заправленная узорчатым стеганым покрывалом, с льняными простынями и парой тонких подушек. Еще из мебели был бельевой шкаф и шифоньер, на котором стоял умывальник и кружка. Для Роуэн, в доме дяди и тети спавшей на соломенном тюфяке в кухне, а до этого – вместе с двумя братиками, когда они были маленькими, комната казалась роскошной.

Положив свои скудные пожитки у кровати, Роуэн устроилась на стороне подальше от двери. И хотя матрас и подушка были совсем тонкими, после ночи в рошице по пути в Оксли они казались гусиным пухом. Она лежала, наслаждаясь ощущением, события прошедшего дня крутились бесконечной бурной чередой. Вдруг вспомнив, Роуэн потянулась к своему узелку и вытащила небольшой крест из двух прутиков, перевязанных в центре шерстяной ниточкой, красной – вымоченной в растворе коры дикой яблони. Веточки были из рябины – дерева, в честь которого ее называли^[2]: отец сделал ей этот крестик в детстве и для каждого из братьев тоже. Пальцы коснулись знакомой поверхности, и в голове раздался голос матери: «Он тебя защитит». Роуэн надеялась, что эти чары не потеряли своей силы, что они действительно защитят ее в этом странном новом месте. Ей вдруг

очень захотелось оказаться снова во Флоктоне, свернуться у мерцающих углей, и чтобы рядом, точно сбившиеся в клубок щенята, лежали братья. Но не успела она глубже погрузиться в эти мысли, как крепко заснула, прижимая крестик к груди, и даже не почувствовала, как много часов спустя с другой стороны кровати осторожно легла молодая девушка.

Глава 5

1768 год, Лондон

Лепестки цветов были усыпаны бисеринками росы, в которых, если приглядеться, все отражалось в перевернутом виде, точно иллюзия фокусника. Мэри-Луиза Стивенсон сидела за столом у окна в гостиной, устраивая в вазе только что собранный букетик и аккуратно развязывая тугой узел, чтобы не повредить и не стряхнуть оставшуюся росу.

Этим утром она вызвалась сходить на рынок, находившийся через несколько коротких улочек от их дома в Спитал-Ярд, и, купив репы и моркови, по дороге собрала немного полевых цветов, в изобилии росших вдоль канав. Они нравились ей больше всех, и тем лучше, ведь из-за мизерного дохода им с сестрой редко удавалось позволить себе даже мясо, не говоря уже об изумительных розах, пышных пионах и лилиях, от аромата которых она чуть не теряла сознание, проходя мимо цветочной лавки. Позже ее сестра Фрэнсис, добавив воды и горстку зерна, приготовит из купленных овощей суп на ужин, в дополнение ко вчерашнему хлебу. С должной осмотрительностью они смогут растянуть нехитрое кушанье до конца недели.

Не обращая внимания на тянущее чувство голода, Мэри переворачивала цветы и так, и эдак в поисках наилучшего ракурса для солнечно-желтой мать-и-мачехи и ярко-лиловых диких фиалок. Она думала использовать эту противоположность цвета и формы в узоре, добавив еще несколько оттенков. Сначала она рисовала цветок, а затем составляла схему узора для вышивки на ткани. С иглой она управлялась не так хорошо, чтобы искать работу в этой области, да и оплата была совсем невысокой: семь пенсов за день, при этом вышивальщицы начинали трудиться на рассвете и порой не заканчивали до поздней ночи. Но так она могла показать, как узор мог выглядеть, вытканый на шелке. По крайней мере, она на это надеялась.

Это ее сестра Фрэнсис посоветовала Мэри обратить ее любовь к рисованию во что-то более доходное. Они жили на окраине ткацкого квартала, в самой дальней его части. На этих запутанных улочках почти в каждом доме на верхнем этаже находился ткацкий станок, за которым работал подмастерье или сам ткач, и воздух гудел от перестукивания и треска дни напролет, не стихая даже ночью. Там ткали шелка и дамаст с пышными броскими узорами из цветов, экзотических фруктов и листьев. Среди тканей встречалась и блестящая тафта, и рубчатый шелк, и плотные шелка в полоску; в самые дорогие из них вплеталась тонкая золотая или серебряная нити. Узорчатый шелк стоил вдвое дороже, чем простой однотонный: чтобы соткать такое, требовалось куда больше навыков.

– Пара лишних шиллингов были бы для нас подарком судьбы, – сказала тогда Фрэнсис. – Не знаю, как мы сможем платить ренту в будущем году. – Она утверждала, что Мэри столь же талантлива, как и любой ткач, тем более что уже и рисует, и вышивает. – Бьюсь об заклад, только ты научишься – в мастерстве им с тобой не сравниться.

Создание узоров для ткани, как и многие другие интересные, да и более высокооплачиваемые занятия, обычно были, как казалось Мэри, прерогативой мужчин. Художники по тканям, ткачи и торговцы шелком вели себя как любовники, собственнически защищая свою работу и близко не подпуская к ней чужаков. За последние десятилетия была только одна женщина, сумевшая пробиться в этой среде, легендарная Анна Мария Гартуэйт, но ее уже пять лет как не было в живых. Мэри мечтала однажды занять ее место.

Сестрам повезло, что покойный муж Фрэнсис, Сэмюэль, работал у ткача, так что у них были друзья среди этого сонма ремесленников, заполнявших все окрестные улицы. Фрэнсис обратилась к одному из них, Гаю Ле Мэтру, гугеноту, чей отец бежал из Лиона от преследований, и попросила посвятить их в тайны ткачества. Однажды утром он привел их к себе на чердак – светлую комнату под скатами крыш с длинными окнами в наклонных стенах. Там он продемонстрировал им работу рамных шнуров и батана^[3], иглок на направляющих пружинах, показал, как укладываются поперечные и основные нити, используя в качестве шаблона узор на квадратике бумаги.

– У нас челнок роликовый, – рассказал он, указывая на ручной ткацкий станок и небольшой предмет на колесиках, формирующий двусторонний узор. – Теперь можно ткать полотно шире, чем размах руки. Большая экономия.

Мэри кивнула, одурманенная сухим насыщенным запахом мотков шелковых нитей и молниеносными движениями челнока.

– Но это не столько ткачество, сколько тонкая вышивка, – заметила она, осторожно подходя ближе к станку. – Как это возможно?

– Детали, – пояснил мастер. – Самые затейливые узоры можно и несколько недель устанавливать.

Мэри непонимающе нахмурилась, но по мере объяснений кивнула.

– Этот конкретный узор, видите, на ткани повторяется часто, будь то жилет или бальное платье.

По всей комнате были расставлены бобины шелков самых разных насыщенных цветов: ярко-желтых, точно лютики, малиновых, как цветы шиповника, персиковых, алых и пурпурно-голубых, в точности как лепестки ириса, и Мэри залюбовалась.

– Если деталей больше, узор смотрится как живой, но и ошибку допустить легче, ту же нить уронить. Поэтому нужен баланс, – пояснил он. – При составлении рисунка необходимо иметь представление о геометрии и пропорциях, как и об искусстве.

– А сколько ткани одного узора вы делаете? – спросила Мэри, хотя Фрэнсис, молча стоявшая рядом, уже успела многое рассказать ей о том, как все устроено. Мэри уже выбрала тактику, решив польстить самолюбию месье Ле Мэтра, его чувству собственной значимости, чтобы он стал общительнее.

– Обычно всего наряда на четыре, столько, сколько заказал торговец и сколько он может продать. На каждое платье уйдет от девяти до шестнадцати ярдов^[4] ткани.

– Получается, всего от тридцати до шестидесяти ярдов одного узора, – быстро посчитав в уме, подвела итог Мэри.

Мастер в удивлении вытаращился на нее, не ожидавший такой быстрой реакции, но уже через секунду лицо его приняло прежнее непреклонное замкнутое выражение.

– А сколько времени на это уходит?

– Несколько месяцев.

– Понимаю, ни одна леди не захочет увидеть на ком-то такое же платье, – пробормотала Мэри. – И цена оправданно высокая.

– Именно так.

– А кто решает, какие будут цвета? И узор? Как вообще выбирается схема?

– Иногда ткач заказывает орнамент у художника, в других случаях торговец делает заказ и решает, какая ткань нужна. Должен, однако, признать, – проворчал он, – что порой художник не имеет ни малейшего представления о наших станках, что можно на них выткать, а что нет, и порой нам приходилось останавливать работу и ждать, пока не поменяют весь рисунок. Иногда даже весь заказ шел в утиль.

– Могу представить, сколько это стоило времени и материалов, – согласилась Мэри.

Гай кивнул, с виду такой же невозмутимый, несмотря на все ее расспросы.

– Торговец дает нам заказ, хотя можно выткать отрез и надеяться самим найти покупателя, – продолжил он. – Простаивать станок не должен.

– Наверное, непросто перенести рисунок в схему, да? – спросила Мэри.

– Это поначалу, – признал он. – Но вот, поглядите на эту саржу...

Тем вечером Мэри вышла из дома ткача с кружащейся головой, представляя, как она может превратить свои наброски трав и полевых цветов в узоры, которые когда-нибудь будут украшать наряды знатных дам и господ, возможно, даже королевских кровей, замечталась она.

Все часы Мэри теперь проводила над рисунками, с карандашом и красками, пока огарки свечей уже не расплывались в лужицах воска, пальцы не немели и перед глазами все не расплывалось. Она рисовала примулы и крокусы, а потом, когда весна уступила место лету – васильки, наперстянки и лесной купырь. Затем Мэри переводила узоры на ткань, вышивала, пока они не начинали казаться объемными, и потом уже пыталась рисовать схему на канвовой бумаге, как показывал Гай, которую ткач смог бы использовать как лекало. Первые попытки закончились разочарованием: ей никак не удавалось перенести завитки на схему, но она не сдавалась, наконец создав несколько вариантов, которые могли подойти.

– Очень живой и милый рисунок, – похвалила Фрэнсис, когда Мэри показала ей папку с работами. – Я была бы рада надеть платье с таким изящным узором, очень красивые цветы.

– Но они так отличаются от работ других, – с сомнением протянула Мэри, неожиданно задумавшись, не потратила ли она время впустую с настолько простыми растениями. Вдруг на роскошном шелке они будут смотреться смешно, как и в виде рельефного узора на дамассе, вытканые золотом и серебром? Цветы с обочины дорог и тропинок, которые все пренебрежительно считают сорняками? В высшем обществе господствовала мода на более броские цветы: розы, лилии, камелии и тому подобное. Нет, строго напомнила себе она, ее тщательно собранные полевые по-своему прекрасны. Она убедит мастеров выткать ее узоры.

– Моя работа будет выделяться своей оригинальностью, – решительно объявила она.

– Очень надеюсь, что ты права, – вздохнула Фрэнсис все с тем же обеспокоенным выражением. – У нас осталось всего несколько фунтов, надолго их не хватит.

Мэри не могла позволить мысли о деньгах отвлечь ее от цели: подготовить папку с набросками и схемами, которые можно выткать на шелке. Как красиво такие наряды смотрелись бы на леди и джентльменах из высшего общества!

Только уже перед рассветом сомнения начинали терзать ее кипящий разум, не давая уснуть, а там уже и с мелодичным щебетанием первых птиц начался новый день. Кто она такая – старая дева, получившая образование в доме священника, – чтобы думать, будто сможет пробиться в мире мужчин, не говоря уже о том, чтобы преуспеть?

Глава 6

Сейчас

Тея не сразу вспомнила, где находится. Плохо понимая, что происходит, она дотянулась до очков и неуверенно выбралась из кровати. Пошатываясь, дошла до окна, раздернула занавески и выглянула на улицу, плавно извивающуюся по холму. В сером утреннем свете виднелись очертания крыш Оксли-колледжа, а за ними зеленели площадки для игр. По другую сторону улицы тяжело прогрохотали несколько грузовиков, скрипя тормозами на ведущем к подбрюшью города спуске.

Когда ночью выключилось электричество, Тея уже собиралась ощупью спуститься вниз, но тогда свет снова загорелся – и вновь погас, и так несколько раз, пока наконец напряжение не стабилизировалось. Списав все на сомнительную проводку старого дома, а пробирающийся до мурашек скрип – на запертую внутри кошку, ей все же не удалось избавиться от тревожного ощущения. Поэтому, несмотря на тяжелый день и крайнюю усталость, уснула она не сразу.

Отойдя от окна, Тея взглянула на часы: до встречи с директором еще полно времени. Найдя телефон, она нажала на кнопку включения, но экран решительно не хотел оживать. Тея проверила зарядку и провод: ничего. Может, розетка не работала или ночью снова отключали электричество? Она выругалась про себя: надо было проверить почту – еще не хватало пропустить что-то в первый же день. По дороге в душ ей попался на глаза комок одежды в углу комнаты, в котором Тея узнала куртку, хотя могла поклясться, что повесила ее за дверь. Должно быть, вчера она устала больше, чем ожидала. На полу рядом валялась обертка из-под шоколадки, все-таки не попавшая в мусорную корзину, и Тея решила, что после душа первым делом позавтракает, желательно не в компании дамы Хикс. Перед встречей с этой загадочной женщиной ей нужно было подкрепиться.

Кухня оказалась большой, чистой до стерильности и, к счастью, пустой. Часы на стене показывали без четверти двенадцать – они давно остановились, даже проверять не нужно. Тея огляделась в поисках батареек; хотя, вероятно, следить за часами было обязанностью дамы Хикс.

Тея прошла до конца кухни, туда, где короткий коридор вел к черному ходу, и выглянула в сад: тесноватый и вытянутый в длину, он был обнесен по периметру высокой каменной оградой. В центре разместился цветник, вычурно разделенный на части старыми кирпичами и подрезанной живой изгородью: вероятно, аптекарский огород или сад-лабиринт^[5]. За ним находился прудик с рыбками. Тея какое-то время смотрела на клумбу, и только через несколько секунд мозг догнал зрение: знакомая фигура, пентаграмма, такая же, как и на тех ключах, что дал ей мистер Баттл. Ветер разбросал по сырой траве остатки листьев, на холодном утреннем воздухе было зябко, и Тея обхватила себя руками.

Вернувшись обратно в тепло кухни, она заглянула в ящики и шкафчики, батареек для остановившихся часов не нашла, зато обнаружила чай, хлеб, джем и разнообразные крупы в картонных упаковках. Два больших холодильника были щедро заполнены припасами, в том числе маслом, молоком, сыром и овощами. В буфетах полки прогибались под тяжестью чашек и тарелок, а столовые приборы были аккуратно разложены в длинном ящике сбоку. Воспрянув духом, Тея поджарила себе хлеб и вскипятила чайник на плите, а затем устроилась в конце одного из двух длинных дубовых столов, греясь в солнечных лучах, заливавших столовую сквозь эркеры.

Только она откусила первый кусочек тоста, как открылась дверь. В дневном свете дама Хикс выглядела не так устрашающе, на ней была похожая на вчерашнюю блузка, но в этот раз с орнаментом из красных ягод. Для первого рабочего дня Тея выбрала серые брюки мужского покроя и простую рубашку и даже добавила непривычный штрих – помаду, но все же по сравнению с нарядом пожилой женщины ее костюм казался мрачноватым. Отложив тост и поспешно проглотив кусок, Тея пожелала ей доброго утра. Нет уж, она не даст себя запугать.

Тишина затягивалась. Тея заметила у дамы Хикс необычную оловянную брошь на воротничке под горлом, круглую, с узором из стрел, почти как на ключах. Заинтригованная, она уже хотела спросить про ее историю, так как брошь казалась старинной, но прикусила язык. Выражение лица хозяйки не располагало к расспросам, хотя по сравнению со вчерашним голос ее звучал уже мягче:

– Полагаю, вы отдохнули.

– Да, благодарю, я спала как убитая.

Дама Хикс бросила на нее быстрый взгляд:

– Вероятно, до приезда девочек мы могли бы обсудить управление домом и наши обязанности?

Тея кивнула.

– Может, в одиннадцать?

Женщина кивнула в ответ:

– Мне надо проследить за доставкой провизии, персонал на кухню прибудет после ланча, так что времени все проверить будет достаточно. – С этими словами она вышла из комнаты, оставив Тею завтракать.

Уже убирая посуду, Тея услышала скрип двери и последовавший за ним пронзительный мявк. Исида. Кошка тут же начала тереться об ее ноги, выписывая восьмерки вокруг щиколоток. Судя по всему, она, как и дама Хикс, с утра была в гораздо более дружелюбном настроении. Тея наклонилась погладить ее и была вознаграждена раскатистым мурлыканьем.

– Ну что, это ты орала прошлой ночью? Что там случилось? – тихонько и ласково спросила она, оглядываясь, нет ли на полу кошачьей миски. – Лучше мне тебя не кормить, – прошептала она. – А то нарвусь на неприятности в первый же рабочий день.

Она взглянула на часы: восемь тридцать. Куча времени побродить по окрестностям – в первый свой приезд у нее не было возможности осмотреться, тогда после собеседования она спешила на автобус, надо было успеть на поезд, и теперь ей не терпелось погулять по городу. В конце концов, именно по этим улицам ее отец так часто ходил еще мальчиком, боролся за победу на этих футбольных полях, играл в театре, жил в одном из особняков колледжа. Они с сестрой слушали его рассказы о том, как морозным зимним утром он успевал пробежать восемь километров и принять холодный душ до завтрака, как его до

крови били по рукам деревянной линейкой за малейший проступок. О том, какие замечательные это были годы, одни из лучших в жизни.

Отец описывал им и рынок, открывавшийся два раза в неделю прямо посреди широкой главной улицы города: «Третьей по ширине в Англии, – убеждал он. – Специально задуманной так, чтобы могла развернуться карета с шестеркой лошадей». Он описывал незнакомую им с сестрой еду: пряные пироги со свининой, яйца по-шотландски размером с голову ребенка, кексы на сале, усыпанные смородиной и апельсиновой цедрой.

Поглощенная воспоминаниями, Тея вышла из дома прямо на центральную часть улицы и всего через пару метров заметила булочника, чей прилавок ломился от кишей и тартов, эмпанадас и да, яиц по-шотландски и пирогов со свининой. Она не могла сдержать улыбку, и если бы не завтрак, еще и с добавкой, шансы поддасться соблазну были бы велики.

Пару минут спустя, проходя через арку к территории колледжа, она заметила других женщин и мужчин разных возрастов и комплекции, спешащих к главному дому. Ее внимание привлекла женщина в летящей юбке, перехваченной широким поясом, и в яркой красно-оранжевой, как мандарин, блузке, которая уверенным широким шагом шла по дороге с пачкой бумаг под мышкой.

– А я и не поняла, что мы все будем на собрании, – окликнула ее Тея, узнав коллегу по гуманитарным наукам, Клэр МакГаверн, которая водила ее по школе перед собеседованием.

– О, привет! – искренне обрадовалась Клэр. – Да, мы все получаем приглашения на собрание в первый день семестра. Ну, вообще-то первый день завтра, но ты поняла. В любом случае добро пожаловать! Не скрою, я очень рада, что ты получила эту работу, ты бы видела других претенденток! – понизив голос, поделилась она, наморщив нос, будто унюхала что-то особенно неприятное. Тея не могла не рассмеяться. Возможно, школа окажется не такой пугающей, как поначалу показалось.

– До сих пор не уверена, что готова к этому, – призналась она шепотом.

– Не волнуйся, в наше время никакого битья, травли и содомии – говорят, что, если учитель поднимет указку выше плеча, его оштрафуют. Думаю, это все-таки выдумка, – подмигнула ей Клэр,

говоря быстро, под стать походке. – Пойдем, – поторопила она, чуть притормаживая, чтобы Тея могла ее догнать. – Директор терпеть не может, когда опаздывают.

Повезло, что кабинет директора был большим, так как Тея с Клэр оказались в числе последних, и они еле поместились в комнате, где уже собралось больше десятка коллег. Зал гудел, присутствующие обменивались новостями после долгих летних каникул, но вскоре с появлением директора Фокса гул стих. Тее пришлось вытянуть шею, чтобы рассмотреть его за головами впереди стоящих. Для директора такой школы он был достаточно молод, лет сорока пяти, а улыбка его словно освещала комнату, и охватившее Тею дурное предчувствие немного ослабло.

Полгода назад Тея и не думала искать новую работу, не то что переезжать из Мельбурна, да и вообще из Австралии. Она преподавала в государственной школе в предместьях города. Школа была прогрессивной и мультикультурной, и несмотря на прискорбную нехватку финансирования, ограниченные ресурсы и постоянные интриги в учительской, Тея любила свою работу. Но возможность приехать и работать здесь притягивала ее как магнит. Независимо от того, что здесь учился ее отец, Тея считала, что Оксли-колледж идеально подходит ей для продолжения исследований и получения степени доктора наук. Недолго думая, она подала заявление через сайт, а через месяц или позже с удивлением получила приглашение на собеседование и тут же забронировала билеты в Англию.

– Доброе утро, коллеги, – обратился к собравшимся директор Фокс, прервав ее размышления. – Очень рад приветствовать вас в этот чудесный день, в столетие Оксли-колледжа, и мне не терпится поделиться с вами планами предстоящего празднования.

Тея с трудом переварила фразу про «столетие», но почти все в комнате согласно кивали, будто это что-то очевидное.

– Однако прежде всего хочу горячо поприветствовать наших новых сотрудников. Может, вы поднимете руку, чтобы все увидели?

Робко вытянув руку вверх и украдкой оглядевшись, Тея с облегчением увидела еще три таких же руки: очевидно, она была не единственным новичком. Руки опустились, и Тея заметила коренастого

мужчину в нескольких метрах сбоку, чьи ярко-рыжие волосы маяком светили среди моря каштановых и русых волос. Широкоплечий, с узкими бедрами и крепкой фигурой, он явно занимался спортом – она бы поставила на регби. Мужчина перехватил ее взгляд, и Тея, поспешно отвернувшись обратно к директору, все же успела увидеть, что глаза у него яркие и обезоруживающе-голубые.

– Итак, отлично, – продолжал тем временем директор. – Как вы все прекрасно знаете, это знаменательный день. Впервые за все сто пятьдесят лет истории нашей школы мы приветствуем в этих стенах учениц.

По залу пробежали шепотки.

– Без сомнения, нам всем понадобится какое-то время, чтобы привыкнуть к изменениям, но я ожидаю, что каждый из вас приложит все усилия, чтобы четырнадцать наших новых учениц старшей школы чувствовали себя как дома.

Еще шепотки, в этот раз громче. Тея заметила выражение лица одного из учителей постарше: он не выглядел особо довольным, и она расслышала несколько слов: «... женщины... перевернут все вверх дном...» и «... в голове не укладывается». Другой проворчал: «Когда же это кончится? Потом у нас будет директриса вместо директора», что вызвало приглушенные смешки.

Тея моргнула, но постаралась сохранить нейтральное выражение лица. Они вообще в каком веке живут? И все же она не удивилась. Естественно, что эти сварливые старики будут сопротивляться изменениям, а поток женщин и девушек для них оказался настоящим землетрясением, иначе не скажешь. Рыжеволосый преподаватель с пронзительным взглядом вновь посмотрел в ее сторону, подняв брови и закатив глаза от такой реакции других.

– Пора бы колледжу шагнуть в двадцать первый век, – прошептала ей на ухо оказавшаяся рядом Клэр.

– Кто это? – тихонько спросила Тея, покосившись в сторону мужчины с глазами-незабудками.

– Гарет Поуп, – проследив за ее взглядом, ответила Клэр. – Физкультура.

– Точно. – Имя оказалось знакомым, им предстояло вместе тренировать хоккейные команды старшекурсников.

Голос директора перекрывал шепотки и бормотание, он описывал достижения прошлого года и ожидания от нынешнего. Уровню успеваемости в колледже уделялось особое внимание, вступительный экзамен считался одним из самых строгих в Англии, но даже Тея была поражена, услышав о количестве оценок «пять с плюсом». Когда директор Фокс отметил также достижения в музыке, рисовании и драматургии, она задумалась, как же ученики справляются с таким давлением и что случается с теми, кто терпит неудачу. Она мельком подумала о ребятах, закончивших эту школу, чей характер, хорошо это или плохо, сформировался здесь: среди выпускников были министры, ученые и исследователи, как и те, кто вел жизнь хоть и более простую, но не менее полезную. Но были также и те, кто сломался под тяжестью этих ожиданий, бесконечного сравнения с теми, кто поднялся выше, добился большего. Такая школа, как Оксли, на всю жизнь накладывала отпечаток, Тея прекрасно знала – отец часто упоминал об этом. Однако долго размышлять о судьбах учеников она не могла, так как директор уже завершил свою речь и кто-то открыл двери, выпуская всех. Тея повернулась вслед за остальными, но тут кто-то коснулся ее локтя.

– Будьте любезны, мисс Раст, задержитесь на минутку.

Глава 7

Сейчас

Директор Фокс. Тея не видела, как он подошел, продвигаясь к выходу вместе с остальными, но он, стоя совсем рядом, ждал ее:

– Я бы хотел с вами поговорить, если вы не возражаете.

– Конечно, – кивнула Тея.

Она отступила, пропуская остальных. Клэр выходила последней, вопросительно взглянув на Тею. Та помахала коллеге, беззвучно произнеся: «Увидимся позже», а затем повернулась к директору.

– Как вы устроились? – спросил он, когда все вышли, и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Что касается несчастного случая с миссис Джексон... очень затруднительная ситуация, мягко говоря.

– В самом деле, – согласилась Тея.

– Ваше отсутствие опыта в данной сфере вызывает определенную обеспокоенность, но мы в довольно трудном положении, так как за такой короткий срок найти замену было невозможно. Вам нужно будет продержаться половину семестра максимум.

Тея кивнула, изо всех сил пытаясь показать, что она справится. Всего-то несколько недель, конечно, у нее получится присмотреть за девушками. Так или иначе, выбора ей никто не давал.

– Оксли-колледж гордится своими выдающимися спортивными достижениями не меньше, чем научными. Мы считаем наиболее выигрышным подход «Сильной тройки»: единство науки, искусства и спорта, – продолжал директор. – Уверен, вы не удивитесь, узнав, что получили эту должность в том числе благодаря вашей компетентности в области спорта, – ободряюще улыбнулся он.

Тея знала, что ее выбрали из других кандидатов не только благодаря опыту работы учителем истории. Студенткой она выступала в составе хоккейной сборной Австралии, хотя тому минуло уже десять лет, а в последнее время работала тренером юниорской сборной штата, не говоря уже о том, что ее отец был выпускником колледжа.

То же самое касалось и новых учениц, уже через несколько часов прибывающих в школу: они никоим образом не были простыми студентками. Все старшеклассницы, шестнадцати и семнадцати лет, были отобраны по их результатам и способностям в учебе и спорте, также учитывалась их связь с колледжем: у многих здесь учились братья или отцы. И хотя поначалу Тея испытывала двойственные чувства от того, что ей придется преподавать у таких привилегированных учеников – ведь она могла бы помочь тем, кто в этом больше нуждался, – все же место в Оксли отвечало и другой, более эгоистичной цели.

– Разумеется, ваша учебная нагрузка в связи с новыми обязанностями сократится, – заметил он. – Ваше расписание уже изменили в соответствии с данными обстоятельствами. – Директор говорил более официальным тоном, чем ожидала Тея, но улыбнулся ей с теплотой. – Не могу в достаточной мере описать, насколько важно, чтобы девушки хорошо устроились на новом месте. От этого зависит будущее Оксли-колледжа. И ваша роль в этом решающая. Как вам будет известно, среди новых учениц и моя дочь Сабрина.

Конечно же, Сабрина Фокс. До этого Тея не провела параллели.

– Я все поняла, директор.

– Если у вас будут какие-то проблемы, любые – пожалуйста, приходите сразу ко мне.

Директор продолжал говорить, а Тея тем временем разглядывала кабинет, заметив теперь, что на дубовых панелях стен значатся имена и даты. Самые ранние насчитывали сто пятьдесят лет, время, когда в ее страну еще выселяли воров и негодяев.

Это были имена выпускников Оксбриджа^[6], ученых и стипендиатов, а затем список всех старост. Пробежав глазами выведенный золотом список, она остановилась на одной из строчек: «1970 г., Раст, Генри».

Тее до сих пор не верилось, что она здесь. Стоит там же, где когда-то стоял ее отец, буквально идет по его стопам пятьдесят лет спустя. Возможно, она даже будет преподавать в той же классной комнате, где он когда-то сидел за партой, обедать, где и он, за тем же длинным обеденным столом, который она углядела в столовой колледжа. Вряд ли что-то из этого поменялось. Даже сам возраст здания не укладывался в голове.

– У вас есть какие-то вопросы, мисс Раст? – привлек ее внимание директор Фокс.

– Нет, никаких, спасибо. Уверена, все будет хорошо, – заверила Тея.

– Прекрасно. Не сомневаюсь, вы не ударите в грязь лицом. – Помедлив, он посмотрел на нее с некоторой печалью. – Сожалею о вашем отце. Не имел удовольствия познакомиться с ним, но все говорят, что он был великим человеком. Гордостью Оксли.

– Благодарю, – покраснев, ответила Тея. – Я лишь надеюсь, что не подведу его.

Она заставила себя не думать о похоронах отца, о смятении чувств и всепоглощающем горе.

– Что ж, вам лучше поспешить, – кашлянул директор. – Девушки придут вместе с другими учениками после полудня, не сомневаюсь, у вас масса дел.

– Мисс Раст, я думала, мы договорились на одиннадцать? – Дама Хикс стояла в тени за дверным проемом, будто дозорный.

Тея, спешившая как могла, взглянула на часы: пять минут двенадцатого.

– Меня задержал директор, – объяснила она, отказываясь извиняться за что-то от нее не зависящее.

– Что ж, пойдете, нам надо многое успеть до приезда девочек.

Они дошли до столовой и сели. Неслышно прокравшаяся в комнату Исида начала тереться о ноги дамы Хикс, мурлыча, как трактор.

– Будильник выставлен на семь утра; вы, должно быть, заметили эти приборы в каждой комнате, их мы используем для всех объявлений. Затем в семь тридцать завтрак... – Дама продолжила рассказывать о расписании уроков, спортивных занятиях после полудня, факультативах и мероприятиях выходного дня. Тея забеспокоилась, вдруг от нее ожидали, что она запомнит все так сразу, и пожалела, что не стала записывать.

– Какие-нибудь вопросы?

Тея покачала головой. Она не сомневалась, что разберется в остальном самостоятельно.

– Надеюсь, если возникнет такая необходимость, вы обратитесь ко мне. – Голос настоятельницы слегка смягчился, уголки губ приподнялись в улыбке. – На вас ляжет переписка с родителями, связь с учителями девушек, вы также будете следить за их обучением, и именно к вам они в первую очередь будут обращаться со всеми вопросами, будь то по учебе или личного характера.

– Директор Фокс немного объяснил мне задачу, все очень разумно, – заметила Тея, пытаясь не поддаваться унынию.

Дама Хикс кивнула.

– Что ж, есть ли у вас вопросы о самих девушках?

Тея вкратце изучила документы, которые ей оставили: к каждой папке была прикреплена фотография вместе с результатами последних экзаменов, успехами в других областях и характеристиками из прежних школ. Все ученицы без исключения были отличницами. Яркие, спортивные, с персиковой кожей, говорящей о молодости и хорошем питании, с сожалением подумала Тея, помня о своем загорелом и обветренном, в веснушках лице. Особенно выделялись три девушки: Морган, вместе с братом-близнецом оказавшаяся уже шестым поколением Эддингтон-Клэев, обучавшихся в Оксли-колледже; Арадия Бьянки, темноволосая итальянка, которая, кроме практически безупречных оценок за экзамены, свободно говорила на трех языках, и Сабрина Фокс, чей отец случайно оказался директором, как теперь знала Тея. Морган, Арадия и Сабрина до перехода в Оксли последние пять лет учились в одной школе для девочек. Они втроем и еще одна ученица, Фенелла Уилдэш, выбрали историю, и Тея была довольна, что ее назначили руководителем их группы.

– Я прочитала отчеты, – сообщила Тея. – Есть что-то еще?

– В общем-то нет. Как я понимаю, вы также продолжите собственное исследование, пока вы здесь, – заметила дама Хикс.

– Верно, – откликнулась Тея, про себя удивившись, как она-то об этом узнала. Может, настоятельнице тоже дали такое же досье на Тею. – В основном на каникулах. Меня интересует идеология гонений, в частности охота на ведьм в шестнадцатом и семнадцатом веках в Англии. – Диплом она также писала по этой теме и прекрасно знала, что Уилтширу и Гровели-Вуд в частности досталась своя доля несчастных, в основном старых и бедных женщин, обвиненных в колдовстве и повешенных или утопленных из-за клеветы и

подозрений. Главным образом они были в роли козла отпущения, их винили за неурожай и болезни, и Тее не терпелось узнать о менее известных случаях и выбрать основное направление своего исследования.

– Так вы верите в магию?

Какой странный вопрос.

– Вовсе нет. Эти женщины, вероятно, обладали определенными знаниями и способностями, но сверхъестественной силой? Все это были голословные обвинения людей, которые боялись того, чего не могли понять или объяснить.

– Бесспорно. – Пожилая женщина помедлила, будто собираясь что-то рассказать Тее, но вдруг неожиданно ласково произнесла: – Что ж, уверена, в этих краях вы найдете много интересного для себя. А теперь, так как в курс дела я вас ввела, можем прерваться. – Она встала и вышла из комнаты, и Исида следом за ней, с хвостом, поднятым вопросительным знаком.

Неужели она откусила кусок больше, чем может прожевать? Тея не сомневалась в своих способностях преподавателя, но стать воспитательницей четырнадцати девушек, пусть даже временно, и руководить домом – совсем другое дело. И тем не менее Тея всегда принимала вызов, не отступая. Ее отец об этом позаботился.

Глава 8

Сентябрь, 1768 год, Оксли

Роуэн будто только прилегла, а Пруденс уже будила ее. Вдохнув успокаивающий аромат корицы и мускатного ореха, перебиваемый неприятным запахом алкоголя, она сразу все вспомнила.

– Ну же, девочка, нерях в этом доме я не потерплю. Умойся и одевайся как можно скорее. Почистишь камин в столовой, гостиной и малой гостиной, а потом растопишь их. Где взять дрова и растопку, я покажу. Ты же умеешь разжигать огонь?

«Лучше, чем некоторые в этом доме», – подумала Роуэн.

Протерев глаза, она заморгала в тусклом свете тонкой свечи в руках Пруденс. В комнате не было никаких признаков второй горничной, Элис. Другая сторона кровати выглядела так, будто в ней вовсе не спали: и простыни туго натянуты, и тонкая подушка не примята, но Роуэн казалось, что она коснулась кого-то, переворачиваясь во сне.

– Да, конечно, – уже проснувшись, сказала она.

– Отлично. Тогда, пожалуйста, начни с занавесок и распахни ставни внизу. Вставай, время не ждет.

Роуэн отбросила одеяло, тут же вздрогнув от холода, прогнавшего последние следы дремоты. Она быстро надела запасное платье, собрала волосы под чепец и завязала передник, который Пруденс положила в ногах кровати.

«Смотри, чтоб волосы были прикрыты, – предупредила ее Пруденс накануне. – Такому золоту в доме госпожа не обрадуется».

Роуэн не нужно было повторять дважды.

Пройдя мимо главной лестницы, Роуэн замерла на мгновение, чтобы провести пальцем по большому желудю: такие украшали каждую балясину перил, и она с восхищением разглядывала, с какой тщательностью они были вырезаны – настолько искусной работы она прежде не видела. Заслышав какой-то шум в отдалении и испугавшись, как бы ее не отчитали за медлительность, она поспешила в столовую.

В душной комнате висел тяжелый запах табака; стоило распахнуть ставни, как рубиновая жидкость в бокалах и блестящий бок пустой бутылки заискрились в лучах поднимающегося солнца. Другая бутылка, тоже пустая, лежала на столике для закусок рядом с брошенной глиняной трубкой, повсюду рассыпался пепел. На кушетке в беспорядке валялись карты, точно кто-то в отвращении отшвырнул всю колоду.

Роуэн вымела золу из камина и вычистила его до блеска. Готовясь разжечь огонь, она старательно выбирала самые сухие поленья и клала их на железную подставку в очаге так, чтобы обеспечить тягу. Поднеся свечу к щепкам, она подождала, пока те загорятся, а затем взялась за лежавшие рядом с камином мехи, кашляя от дыма, но радуясь постепенно согревающему комнату теплу.

Убедившись, что дрова занялись хорошо, она перешла в малую гостиную, где накануне встретилась с хозяйкой дома, и все повторилось; разве что камин в этой комнате был каменный, и не пришлось тратить столько времени на полировку металла черной пастой. Затем Роуэн направилась в столовую, где прежде всего подняла каскадные занавеси с фестонами: пришлось звать Пруденс, сама бы она не разобралась – так много ткани, воланов и оборок, что глазам не верилось. Опустившись на колени, чтобы скатать каминный коврик, она заметила что-то маленькое в темном углу комнаты. Поднеся предмет к уху и расслышав слабый звук сухих бобов, она поняла, что это детская погремушка. Металл почернел и потускнел, да и вообще – странно, ведь детей в доме нет, подумала она, откладывая погремушку на столик, чтобы отполировать позже.

Выполнив все поручения, Роуэн вернулась в кухню, где Пруденс у печи помешивала что-то в большом горшке, а со шкворчащей рядом сковороды доносился запах подкопченной рыбы.

– Иди, девочка, садись, сейчас будет завтрак, – позвала Пруденс. – Роуэн, это Элис. Элис Пикен.

Сидящая за столом девушка была на год или два старше Роуэн; перед ней уже стояла миска, из которой она автоматическим движением зачерпывала кашу.

Если бы не нахмуренные брови, ее можно было бы назвать хорошенькой: пухленькие губы на идеально-овальном личике и фиалкового цвета глаза, обрамленные густыми черными ресницами.

Из-под льняного чепчика выбивались темные кудри, руки у нее были изящные и красивые. Роуэн вдруг почувствовала себя неотесанной и плохо одетой рядом с ней, как уэльский горный пони по сравнению с ухоженной господской кобылкой.

Элис отнюдь не была рада ее видеть, и кислый вид резко контрастировал с милыми чертами лица. Роуэн осторожно кивнула и села за стол чуть дальше. Слегка наклонив голову в ответ, Элис на мгновение задержала взгляд на шраме Роуэн, а затем вернулась к каше.

Пруденс поставила на стол исходящую паром тарелку.

– Это мне? – спросила Роуэн.

– Ну, Элис свою порцию уже получила, – снисходительно хмыкнула кухарка, и Роуэн не удержалась, улыбаясь краешком рта. Она никогда не видела столько еды для одного человека и, хотя поужинала хорошо, вновь проснувшемуся аппетиту ничуть не удивилась. Голод был постоянным ее спутником, сколько она себя помнила, а ощущение сытости – новым непривычным ощущением.

Пока Пруденс вышла из кухни в прачечную, Роуэн решила воспользоваться шансом и попробовать наладить отношения с Элис.

– Ты давно здесь? – спросила она.

– Достаточно, – с набитым ртом ответила Элис, бросив на нее сердитый взгляд, и Роуэн задумалась, чем она могла так разозлить девушку.

– Это хороший дом? – еще раз попыталась она.

– Зависит от того, что ты имеешь в виду, – был ответ.

– Они добрые? Хозяин с хозяйкой?

Элис, судя по всему, призадумалась, а затем насмешливо фыркнула:

– Ты ожидаешь доброты? Ты и правда деревенщина.

Роуэн оставила бесплодные попытки завязать разговор и вернулась к еде, одновременно разглядывая обстановку. Солнце теперь светило в окно, выходящее на окруженный оградой сад. Там, по всей видимости, росла уйма всего, хотя с такого расстояния Роуэн не могла определить, что именно. Если ей только удастся выкроить пару минут, она сможет все как следует изучить.

Пруденс продолжала суетиться на кухне, а когда они выскребли все до последней крошки, отправила Роуэн сервировать завтрак в столовой. Со всей осторожностью она пронесла блюда по тускло

освещенному коридору, изо всех сил стараясь не оступиться и не поскользнуться, и с облегчением поставила поднос на сервировочный столик. Оловянная посуда лишь слегка задребезжала при соприкосновении с деревом, зато сама Роуэн чуть не врезалась в своего нового хозяина, практически влетевшего в комнату.

– Это копченой рыбой пахнет? – Он поднял крышку с дальнего блюда и заглянул внутрь.

Роуэн смогла только смущенно пробормотать: «С добрым утром, сэр», но Патрик Холландер уже не обращал внимания ни на что, кроме еды.

Она поспешила в кухню, заметив, как Элис скрывается в прачечной. Пруденс уже возилась с мукой, облачками клубившейся в кухне, замешивая и растягивая тесто.

– Пруденс? – опасно позвала Роуэн, не зная, не вызовет ли вопрос больше проблем, чем того стоит.

– Да?

– За что Элис так ополчилась на меня?

– Не обращай внимания, – с щербатой улыбкой ответила Пруденс. – Она считает, что прислуживать хозяину почетнее и что она лучше простой деревенской девушки. И не слишком-то обрадовалась, узнав, что на это место взяли тебя, а не ее.

– Понятно, – откликнулась Роуэн. – Я лишь надеюсь, что она перестанет видеть во мне угрозу. – Но как ей перебороть неприязнь Элис? Ей очень не хотелось ни с кем ссориться.

– Дай ей время. Так, госпожа скоро спустится. Ступай в спальню хозяина, приведи все в порядок. Раздери занавески, проветри постель, вынеси ночной горшок и наполни умывальник. Третья комната справа на втором этаже.

– Да, Пруденс.

– Когда сделаешь, подмети лестницу, протри до блеска зеркала. Все необходимое в прачечной.

– Да, Пруденс.

– Ты скоро сама запомнишь, что надо делать, без моих указаний.

– Да, Пруденс.

Роуэн с тоской взглянула на сад. С изучением окрестностей придется подождать.

В тот же день, позже, миссис Холландер позвала ее подбросить дров в камин, а на улице началась суматоха. Подойдя к окну проверить, что за переполох, Роуэн увидела повозку прямо у дверей. Что-то очень большое и обернутое в холстину привязывали к доскам. Рядом уже останавливались любопытные прохожие, и тут на улице появился ее хозяин, жестами показывающий в сторону дома.

– И что там такое? – лениво спросила Кэролайн, не двигаясь с места.

– Не уверена, госпожа. Но оно ужасно большое.

– Мы ничего не заказывали. Это точно не шелк, его привозят из Лондона, и мы ждем поставку на будущей неделе. Ты уверена, что это к нам?

– Не знаю, мэм, но, похоже, хозяин дает какие-то указания. – Роуэн продолжила наблюдать: чем бы это ни было, добрая половина Оксли уже отложила все дела и собралась вокруг.

– Полагаю, мне тоже стоит взглянуть, – решила Кэролайн. – Если мой супруг с этим как-то связан, я даже предположить не могу, что на нас свалилось. – Поднявшись с кушетки, она разгладила складки нежно-салатового платья, напомнившего Роуэн только-только распутившийся листок, и присоединилась к ней у окна. Мистер Холландер, извозчик и несколько других мужчин, похоже, обсуждали, как лучше внести таинственный предмет в дом, указывая на второй этаж, даже, похоже, прямо на то окно, из которого Роуэн с хозяйкой наблюдали за ними.

– Они же не собираются нести это сюда? – спросила Кэролайн, а затем едва слышно добавила: – Какого дьявола он в этот раз натворил?

Роуэн внимательно наблюдала за тем, как принесли две приставные лестницы, а извозчик достал что-то вроде большого шкива и длинный канат толщиной с ее руку. Они с другим мужчиной прислонили лестницы к стене, по обе стороны от эркера внизу, и вошли в дом. Роуэн услышала звук шагов на ступеньках, и вот они уже вошли в гостиную, вслед за ними – сам Патрик Холландер.

– Что за шум? – спросила Кэролайн супруга. – Вы совсем потеряли рассудок?

Он обернулся к ней с выражением фокусника, придумавшего очередную хитрость: глаза его горели озорством.

– Терпение, моя дорогая, как только вы все увидите, будете в таком же восторге, как и я, даже не сомневаюсь.

Кэролин поджала красивые губки, и Роуэн явно видела, что ее госпожа предвкушения своего мужа не разделяет.

– Подожду с решением, пока не узнаю, что вы такое приобрели, – ответила она. – Хотя сомневаюсь, что мы можем себе это позволить, – едва слышно добавила она.

– Ну тише, тише, мне повезло в карты, – отозвался мистер Холландер, широко улыбаясь супруге, становясь при этом похожим на проказливого мальчишку. – И не переживайте о таких вещах. Уверю, вам понравится. – Отмахнувшись от ее обеспокоенного выражения, он замахал двоим мужчинам: – Поживее, давайте начинать.

Они двинулись вперед, и Роуэн с Кэролайн отступили, оставаясь молчаливыми зрительницами: Роуэн – с широко распахнутыми от любопытства глазами, Кэролайн – с еле заметным раздражением.

– Нужно открыть окна как можно шире, но, думаю, места достаточно, – сообщил извозчик.

Они принялись за работу: закрепили шкив, и, как только результат их устроил, перекинули через него канат. Один мужчина спустился вниз вместе с мистером Холландером, а второй остался наверху, обмотав веревку вокруг пояса и завязав. Снаружи доносились крики: понадобилось еще двое мужчин, которые вскоре появились в гостиной, где им так же велели держать веревку.

Роуэн встала с одной стороны окна, по-прежнему выглядывая на улицу, где ее хозяин с извозчиком крепили веревки к тем, что уже обхватывали непонятную глыбу. Затем они взобрались на лестницы и принялись тащить ее вверх по стене дома, изо всех сил пытаясь удержать и не ударить о кирпичную кладку. Шум и крик стоял невообразимый, а от некоторых слов у Роуэн запылали уши – столько там было сквернословий.

Медленно-медленно сюрприз хозяина полз наверх, пока не поравнялся с окном. Еще больше людей с топотом ворвались в гостиную помогать, и теперь там яблоку было негде упасть. Кэролайн и Роуэн замороженно наблюдали за суетой, держась в отдалении, чтобы не мешать. Тяжело дыша, смахивая пот со лба, мужчины втащили гигантскую посылку внутрь и опустили на пол с глухим стуком, вслед за которым раздался тихий звон, как от натянутой струны.

– Великолепно! – взбежав по лестнице, обрадовался Патрик Холландер. За ним по пятам следовал невысокий смуглый мужчина, которого Роуэн прежде не видела. – Отличная работа!

Незнакомец принялся развязывать веревки и упаковку, что-то бормоча себе под нос. Поднялся и извозчик, неся еще такой же упакованный, но гораздо меньший по размеру предмет, который он опустил на пол рядом.

– А теперь все уходите, – скомандовал Патрик, вручая каждому мужчине по медной монетке. – Даже вы, моя дорогая, – обратился он к Кэролайн. – Хочу, чтобы вы увидели его, когда все уже будет идеально.

– Столько хлопот, в самом деле, – ответила она, закатывая глаза, но все же с ноткой веселья в голосе. – Буду в своих комнатах.

Роуэн вышла следом за хозяйкой. Кэролайн свернула к главной лестнице, а Роуэн – к проходу для слуг, где и натолкнулась на притаившуюся в тени Пруденс.

– Как думаешь, что это? – спросила кухарка, глаза ее блестели.

– Не представляю, – честно ответила Роуэн.

– Картина, наверное, – предположила Элис, лущившая горох за столом. – Хотя бьюсь об заклад, что бы это ни было, ей не понравится, – пробормотала она, когда Пруденс отвернулась.

Роуэн поразил уничижительный тон девушки, но она промолчала, понимая, что пока еще новенькая в этом доме и ей только предстоит привыкнуть к ритму жизни и его особенностям. Два года в доме дяди и тети после смерти родителей научили ее, что эти особенности есть в каждом семействе, в той или иной форме.

– По размеру на картину непохоже, – тихонько произнесла она.

– Скоро увидим, – прекратила споры Пруденс. – А теперь хватит бездельничать, работа ждет.

Несколько часов спустя Патрик позвал всех домочадцев в гостиную на, как он важно выразился, «торжественное открытие». Роуэн, следом за Пруденс и Элис, поднялась по лестнице для слуг.

Таинственный предмет так и стоял под той же тканью, в которую был прежде завернут, но теперь был ею накрыт, как покрывалом. Из-под него виднелись четыре ножки, две спереди широко расставлены, две дальние – поуже, верх широкий и плоский. И больше сказать ничего было нельзя, как и определить, для чего подарок

предназначался – если у него вообще был смысл. Может, просто часть обстановки? Хотя места он занимал немало и выглядел внушительно.

Роуэн встала рядом с Элис; искала глазами погремушку, которую оставила на столике утром, но, к своему удивлению, не нашла. Но долго задумываться об этом было некогда, мысли заняло предвкушение: вот-вот выяснится, что такое привез мистер Холландер.

Убедившись в их безраздельном внимании, Патрик эффектно сдернул ткань, которая плавно соскользнула из его рук на пол. Служанки, кухарка и даже конюх все как один затаили дыхание. Деревянный, похожий на большой сундук предмет по форме напоминал птичье крыло, а поверхность его была отполирована до блеска. Если она решится подойти достаточно близко, думала Роуэн, то увидит свое отражение.

– Клавесин? – с ноткой разочарования в голосе уточнила Кэролайн.

– Понимаю, почему вы так думаете, моя дорогая, по форме они схожи, но по звуку совершенно различны, вскоре сами убедитесь. – Патрик обошел инструмент и поднял крышку, установив ее под углом при помощи тонкой подпорки, которая таинственным – во всяком случае, для Роуэн – образом появилась изнутри.

– Что ж, – внимательно разглядывая подарок, произнесла Кэролайн. – Клавиатура у него лишь одна. И что за педали? По сравнению с клавесином выглядит довольно незамысловато. – Судя по голосу, покупка ее не впечатлила.

Подойдя так близко, насколько хватило храбрости, Роуэн разглядела внутри толстые струны и войлочные подушечки. Ничего подобного ей прежде видеть не доводилось, и она понятия не имела, для чего все это нужно; перед инструментом стояло сиденье, хотя бы его она узнала. В самом инструменте белые прямоугольники перемежались с более тонкими черными, будто специально сделанными так, чтобы удобнее было касаться.

– Фортепьяно, – торжественно провозгласил Патрик. – Последнее изобретение, прямо из Парижа. Увидел, когда ездил в Лондон, и просто не мог не заказать нам точно такое же. Зная, как сильно вы любите музыку, любовь моя, я подумал, что это подходящий подарок на пятую годовщину нашей свадьбы.

Кэролайн ничего не ответила, но губы ее тронула слабая улыбка.

– Почему бы вам сразу не опробовать? – Приплясывая вокруг жены в радостном возбуждении, он указал на стул перед клавиатурой.

Помедлив, Кэролайн все же присела, поправляя юбки.

– Не представляю, как извлечь мелодию из этого сооружения, – призналась она, но тем не менее опустила руки на инструмент. Нажала на пробу несколько разных клавиш, и Роуэн не только услышала, но и почувствовала, как звук разносится по комнате и летит к ней. Низкие ноты напоминали жужжание пчелы, а высокие – писк комара. Прежде из музыкальных инструментов она видела лишь скрипки, свистки и барабаны, даже близко не столь впечатляющие, как этот. При первых же нотах хозяин захлопал в ладоши и оглянулся на слуг, призывая их присоединиться.

– В самом деле очень красиво звучит, сэра, – произнесла Пруденс в паузу.

Кэролайн, смотревшая только на инструмент перед собой, едва обращала внимания на остальных собравшихся, неторопливо извлекая из него мелодию, пробуя нажимать на клавиши из слоновой кости то так, то эдак.

– Так можно играть громче или тише! – воскликнула она. – Это определенно лучше любого клавесина.

– Моей жене – только самое лучшее, – с гордостью провозгласил Патрик.

Роуэн заметила, что выражение чистого восторга полностью изменило лицо ее новой хозяйки, лишь едва заметно дрогнув, когда мистер Холландер объявил о своем срочном отъезде в Лондон. А вот лицо Элис не выражало совершенно ничего, будто она нарочно старалась не показывать никаких чувств. Неужели угрюмую служанку никогда ничего не радует?

Глава 9

Сейчас

Тея наблюдала за тринадцатью девушками, собравшимися за двумя столами – приехали все, кроме одной: за два дня до начала семестра у Камиллы обнаружили моноцитарную ангину, так что она присоединится к остальным только через несколько недель. Все активно познакомились – кроме пары более тихих девушек, – а те, кто уже давно знал друг друга, оживленно болтали, едва успевая есть. До этого был шквал объятий и поцелуев, прощание с родными – Тея тогда даже немножко завидовала такой естественной и очевидной привязанности. Но теперь, на ужине, было шумно и весело, все смеялись и болтали, увлеченные новой обстановкой, и никто не скучал по дому – во всяком случае, этого не было видно.

Тея дважды хлопнула в ладоши, с удовольствием отметив мгновенно воцарившуюся тишину и внимание, с которым все приготовились ее слушать.

– С большинством из вас мы уже познакомились, и я с радостью буду помогать вам до выздоровления миссис Джексон, – произнесла она, изучая воодушевленные лица девушек. – У кого-то я также буду вести историю и помогать преподавателю физкультуры мистеру Поупу с формированием смешанной хоккейной команды. Я советовала бы всем вам попробовать.

Тея следила за реакцией некоторых девочек, особенно за Фенеллой, Джой и Морган, вспомнив, что читала про их достижения в спорте, и с удовольствием отметила, как у них загорелись глаза.

– Завтра важный день, так что я рассчитываю, что сразу после ужина вы вернетесь в свои комнаты и закончите разбирать вещи, отбой в девять тридцать. – Раздались стоны, и она подняла руку: – Знаю, большинство из вас уже учились в школах-пансионах, но не все, а ранний отбой здесь – строгое правило. – Простодушный вид девушек ее не обманул. – Вас также просят оставить мобильные телефоны на станции подзарядки в конце столовой, доступ к ним разрешен днем

после занятий. Уверена, многие заметили в спальнях умные будильники: они будут оповещать о завтраках, обедах и так далее. Завтра утром я провожу вас в школу и покажу аудитории. Вопросы?

Послышались шепотки, но никто не поднял руки, так что Тея села на свое место. В стольких правилах нужно было разобраться, Тее самой было непривычно, но девушки отнеслись ко всему невозмутимо – кроме необходимости рано ложиться спать. Тея потянулась к кувшину с водой. Раздался звук бьющегося стекла, и она вздрогнула, а за столом воцарилась тишина. Обернувшись, она увидела испуганную Фенеллу и осколки стекла на полу.

– Я его даже не трогала, честно, – пробормотала она, розовея от смущения.

Тея встала, но женщина с кухни, подавшая всем ужин, уже спешила к ним с тряпкой в руках.

– Не переживай, – сочувственно сказала она. – Всякое случается.

Когда она наклонилась собрать осколки, Тея заметила на ее левом запястье фрагмент синей татуировки, по форме очень напоминающей стрелу.

За четверть часа до отбоя Тея отправилась в обход по дому, с радостью замечая, что почти все уже лежат в кроватях, читая или тихонько переговариваясь. Только по комнате Фенеллы будто ураган прошелся: повсюду, на кровати и на полу валялись вперемешку вещи, одежда и книги.

– На самом деле все не так страшно, правда, – покосившись на царящий вокруг беспорядок, заверила ее Фенелла.

– Может, я помогу? – добродушно предложила Тея. – Так у нас будет хотя бы шанс навести подобие порядка за оставшиеся десять минут.

Фенелла сложила в стопку лежавшие на кровати вещи, и они вместе расставили книги и бумаги.

– Ты была права, – заметила Тея в конце. – Выглядело хуже, чем на самом деле. А теперь постарайся выспаться. Знаю, поначалу будет непривычно, но не переживай, мы все постепенно привыкнем. Жаль, что твоя соседка заболела, но пока что у тебя будет больше личного пространства.

Фенелла пожала плечами, будто это не имело значения.

– Знаешь, не только ты никогда не жила в школе-пансионе, – добавила Тея. – Мне тоже все в новинку. – В этот раз девушка чуть улыбнулась, и Тея со спокойной душой повернулась к выходу. – Если тебе что-то понадобится, моя комната дальше по коридору.

Убедившись, что все в порядке и свет погашен, Тея спустилась на кухню, где тут же столкнулась с дамой Хикс.

– Мне не хватало вас за ужином... – начала Тея.

– Я, кажется, упоминала: я ем у себя, – перебила ее женщина не терпящим возражений тоном.

– А, что ж, ясно. – Тея ничего такого не помнила, но решила не заострять внимания. – Собираюсь лечь пораньше, завтра всем нужно быть наготове. Нельзя, чтобы девочки опоздали в школу в первое же утро, – добавила она, осознав, что теперь это ее забота.

– Именно.

– В таком случае доброй ночи.

Поднявшись на верхний этаж, Тея прошла по коридору с тусклым ночником, спотыкаясь, дошла до кровати и нащупала лампу, чуть не свалив ее со стола. Щелкнув выключателем, она с облегчением вздохнула, когда свет загорелся.

Тея резко проснулась. Вокруг было темно, еще раннее утро. Некоторое время она лежала не шевелясь: ей послышался какой-то звук. Сев на кровати, она прислушалась, пытаясь понять, что выдернуло ее из сна. И вот – снова. Отдаленное эхо пианино. Тея видела инструмент в гостиной на первом этаже, но сомневалась, что кто-то из девочек будет играть в такое время. Потом послышались шаги, сдавленный плач. Встревожившись, Тея потянулась за халатом и нащупала тапочки. Подсвечивая себе фонариком на телефоне, она тихонько открыла дверь и крадучись вышла в коридор, сиюсь расслышать что-то еще.

Успокаивающий шепот, шорохи. Дойдя до комнаты Фенеллы, Тея остановилась. Ничего. Тогда она повернула к лестнице и вышла на площадку. Тоже никаких звуков. А затем снова шаги, в этот раз громче. Тея медленно начала спускаться: ступенька скрипнула, и она поморщилась, сердце застучало громче.

Оказавшись этажом ниже, она снова прислушалась, но все было тихо, звуки будто растворились в тени. Неужели ей все послышалось?

А затем что-то коснулось ее голых ног, и у Теи душа ушла в пятки. Она опустила голову: у ног стояла какая-то тень.

Исида. Сердце постепенно успокаивалось, и Тея направилась по главной лестнице к кухне, где звякнуло стекло, а затем с глухим звуком закрылась дверца шкафчика. Она включила свет, и тянувшаяся за водой девочка замерла со стаканом в руке.

Тея наконец выдохнула.

– Фенелла! – прошептала она, помня, что весь дом еще спит.

– Пить захотелось, – пояснила та, подняв стакан, и покаянно взглянула на Тею. – Простите, я вас разбудила? Я старалась не шуметь. Обещаю этот стакан не бить.

– Все в порядке.

Фенелла сделала пару глотков воды, и Тея тоже подошла к шкафчику, чтобы взять стакан. Не успела она открыть дверцу, как оттуда выпорхнуло целое облако мотыльков, заставив ее подпрыгнуть от неожиданности и замахать руками.

– Уф. – Она наполнила стакан из крана. – Первая ночь на новом месте, всегда нелегко.

– Я в порядке.

– Точно?

Фенелла кивнула.

– Тогда постарайся отдохнуть.

Когда Тея поднялась к себе, дверь в комнату была закрыта. Она была уверена, что оставила ее нараспашку, а ее будто специально захлопнули. Повернув ручку, Тея с силой толкнула поначалу не поддававшуюся створку и вошла, оглядываясь. Все выглядело как и прежде, и все же ее не покидало ощущение, что кто-то туда заходил. Что-то в воздухе, слабый запах цветов... Ее воображение работало не просто хорошо, а, судя по всему, еще и сверхурочно.

Тея забралась обратно в кровать, но сон никак не шел. Наконец она сдалась и нашла подкаст о египетских древностях, скучнейший из всех, и убаюкивающий бесплотный голос погрузил ее в забытье.

Следующим утром девочки собрались в столовой, поправляя галстуки и застегивая тугие пуговицы формы, готовясь идти в школу.

– Я покажу, где находятся ваши шкафчики, и провожу в классные комнаты, откуда вы пойдете в часовню. Личное расписание у всех уже должно быть, – сообщила Тея, но ее прервал громкий стук в дверь. – Я сейчас, – сказала она через плечо и отправилась открывать.

На крыльце стоял высокий рыжеволосый мужчина с фотоаппаратом на шее и большой внешней вспышкой.

– Джефф Дэймер, официальный школьный фотограф, – представился он, показывая ей карточку.

– О, – захваченная врасплох, Тея не знала, что ответить. – Меня не предупреждали.

– Мне сказали сделать несколько снимков учениц в их первый день в школе. Ну, знаете, для ежегодного отчета.

Тея не знала, но на его карточке был герб школы, так что она отступила, впуская его.

– А это займет много времени? – обеспокоенно спросила она.

– Моргнуть не успеете, как будет готово, – улыбнулся он ей, обнажив кривоватые зубы.

– Ладно, – решила Тея. – Все в столовой, слева.

– Добрый день, девушки, – жизнерадостно поздоровался фотограф, когда все повернулись к нему, разом замолчав.

– Это Джефф, – представила его Тея. – Ему нужно быстро сделать фото для школьного архива. – Она обернулась к фотографу: – Здесь темновато, возможно, в саду будет лучше?

– Отлично, – с энтузиазмом закивал он.

– Эм... девушки? – Все ученицы без исключения встали и направились к выходу из комнаты и вверх по лестнице. – Сад в другой стороне, – добавила она.

– Надо же привести себя в порядок, – прошептала ей Арадия, проскользнув мимо. – Если бы я знала, встала бы пораньше и выпрямила волосы.

Тея раздраженно вздохнула.

– Только скорее, – крикнула она им вслед. – Сегодня утром просто нельзя опоздать!

Через десять минут или около того, пока Тея нервно считала оставшееся время, девушки дружно спустились, выходя, по крайней мере по ее мнению, точно, как и прежде.

– Так, будьте добры, встаньте здесь у стены в три ряда, – принялся расставлять их Джефф. – И вы тоже, мисс. – Он замахал Тее, приглашая ее присоединиться. Уже когда он собирался снимать, Тея, бросив взгляд влево, увидела рядом с Фенеллой даму Хикс и улыбнулась ей.

Джефф сдержал слово и провел импровизированную фотосессию всего за пять минут.

– Девочки, поторопитесь, – позвала Тея, махнув Джеффу на прощание. – Выходим прямо сейчас. Возьмите сумки – и отправляемся.

Тея специально проснулась пораньше, чтобы изучить карту школы, так как территория была обширной, и она до сих пор сомневалась, правильно ли запомнила расположение всех кабинетов.

– С планом школы вы все уже ознакомились на вводном занятии, но каждой из вас назначили сопровождающего из вашего класса, – сообщила она по дороге.

Арадия сморщила носик.

– Не волнуйся, – заметив, подбодрила ее Тея. – Уверена, все будут очень дружелюбны, и вы скоро сами во всем разберетесь. Думаю, среди инструкций для вас где-то должна быть карта.

– Мисс Раст, мы все будем в одном классе? – спросила Джой, тихая серьезная девочка в очках в голубой оправе.

– Нет, во всяком случае, не по утрам, и на выбранных занятиях вы будете в разных группах. Важно, чтобы вы занимались вместе с юношами, общались, хотя вас, конечно, гораздо меньше. Совсем скоро все привыкнут, даже не сомневаюсь, – изо всех сил старалась она подбодрить своих подопечных, проходя через школьные ворота.

Дойдя до корпуса старших классов, Тея сверилась со списком.

– Фенелла, Арадия, Сабрина и Морган. – Она посмотрела на них, чтобы проверить, все ли услышали. – Вы вчетвером в классе доктора Адамса, вверх по вон той лестнице.

Девушки ушли в указанном направлении, а Тея развела оставшихся девять учениц по их классам. Поздравив себя с успешным завершением первого задания, она отправилась в учительскую, столкнувшись по пути с Клэр.

– Все хорошо? Не заблудилась?

– Думаю, да, – кивнула Тея, поправляя сумку на плече. – У меня первый урок только в десять, но мне явно стоит еще раз перечитать записи.

– Ты справишься. Я тоже не сразу привыкла к этому месту.

– Знаю, – вздохнула Тея, роясь в сумке. – Именно это я девочкам и сказала. Стоит прислушаться к собственному совету. Ой! – Отдернув руку, она увидела выступившую кровь. – Бумагой порезалась, – объяснила Тея, посасывая палец.

– В аптечке первой помощи должен быть пластырь, – сказала Клэр. – Пойдем со мной.

Они зашли в учительскую, где Клэр сняла с дальней полки у стены большую черную коробку.

– Все в порядке? – раздался голос. Гарет Поуп, физическая культура.

– Обычная неуклюжесть, – криво улыбнулась Тея, заклеивая большой палец. – Но все уже хорошо. – Скомкав обертку другой рукой, она выбросила бумажки в мусорную корзину. – Так. Лучше пойду искать свой класс. До встречи! – выпрямившись и расправив плечи, попрощалась она.

В выпускном классе Теи было десять учеников, включая трех новеньких: Сабрину, Морган и Фенеллу. Тея представилась и постаралась запомнить имена учеников. Большинство смотрели на нее с любопытством, пара ребят – с намеком на вызов, словно ждали, как она себя проявит.

– Итак. Зачем нужно изучать историю?

Пара рук взлетели в воздух.

– Чтобы знать, что происходило в прошлом? – предположил один из ребят, Эдвард, кажется.

По залу прокатились смешки.

– Это может показаться очевидным, но Эдвард прав, – кивнула Тея.

– Чтобы мы не совершали таких же ошибок в будущем, – произнесла Сабрина.

– Хотя люди и цивилизации не всегда так поступают, – возразил юноша по имени Джеймс.

– Верно, – улыбнулась ему Тея. – Кто-нибудь еще?

– Чтобы найти баланс между пониманием и знанием и научиться думать самостоятельно, – добавила Фенелла.

– Хорошо, – похвалила ее Тея. – Начало уже есть. А какое первое правило исторического анализа?

– Никто не беспристрастен, даже участник или свидетель события, – это снова была Фенелла. – Все можно рассмотреть с двух точек зрения.

– Есть еще кое-что. – Тея подумала об отце. Он пользовался огромным уважением, но ее чувства к отцу были гораздо сложнее. Для всего мира и для домашних это были два разных человека. С ним не всегда было легко находиться рядом, он не терпел малейших промахов и недостатков, и они с сестрой в детстве страшно боялись разочаровать его. Стоило ему решить, что Тея или Пип недостаточно стараются, как он тут же выходил из себя, гневно отчитывая их, иногда не обходясь словами, и Тее в детстве досталась доля унижительных шлепков и ударов. Взрослея, она научилась лучше скрывать ощущения собственного несоответствия и никчемности, но они все равно были там, тугим узлом сворачиваясь в желудке, стоило ей только столкнуться с новым вызовом – вместе со страхом, что она может провалиться и тем самым доказать, что он был прав.

Сглотнув, она оглядела класс; сейчас было не время задумываться о таких вещах.

– Есть известные факты. И есть интерпретации этих фактов. Мы должны рассмотреть любую ситуацию со всех сторон, тщательно отобрать и изучить материал, первоисточники и вспомогательные ресурсы, получить исчерпывающее представление о событиях, определить их важность и только потом делать выводы.

Рука Сабрины взлетела в воздух.

– Это как слой за слоем чистить лук, пока не доберешься до правды в центре?

Несколько других учеников кивнули.

– Может быть и так, – согласилась Тея, хотя и не могла не думать, что порой ты чистишь и чистишь, пока не остается больше ничего точного и правдивого.

Глава 10

Декабрь, 1768 год, Лондон

Зажав под мышкой пачку набросков, образцов вышивки и шаблонов для станка, Мэри приготовилась стучать в двери каждого ткача на Спитал-сквер, на всех южных улицах Спиталфилдс и даже дальше.

Мало кто пускал ее в дом.

Кто-то при ее приближении захлопывал ставни, будто их уже предупредили, другие, особенно ткачи-французы, делали вид, что ничего не понимают. Большинство презрительно фыркали, не веря, что женщина может обладать достаточным мастерством художника и пониманием технического процесса, и даже не позволяли ей открыть альбом. Те же, кто мельком видел ее рисунки, презрительно отмахивались: «Кто захочет носить платья с полевыми цветами?» – в основном говорили они. «Вышить можно, а вот выткать не так-то легко, должны же вы понимать», – говорил другой. Ей даже не дали шанса доказать свою точку зрения.

Когда она возвращалась домой в конце второй недели бесплодных путешествий от двери к двери, уже сгущались сумерки. Натертые ноги в волдырях болели, и Мэри, с трудом поднявшись по ступенькам, в раздражении швырнула свои работы на пол, под ноги сестре.

– Почему я вообще решила, что это к чему-нибудь приведет? – воскликнула она, и надежда на лице Фрэнсис сменилась недоумением.

– О, моя дорогая... – Поникшие плечи сестры и удрученный вид не требовали дальнейших объяснений. – Не беспокойся. Мы что-нибудь придумаем. – Она подобрала разлетевшиеся листки, разглаживая помявшиеся края и проводя пальцем по изящным карандашным штрихам.

Долго предаваться унынию Мэри не могла. Она считала свои работы хорошими, надо было только убедить кого-то дать ей шанс, и все обязательно встало бы на свои места. В любом случае у нее не

было выбора, только продолжать, так как она не видела иных способов хоть как-то увеличить их доход, во всяком случае, тех, что подходили бы женщине ее класса. Мэри могла бы получить место гувернантки, это верно, но, так как она и помыслить не могла оставить Фрэнсис, этот вариант тоже пришлось вычеркнуть. Кроме того, она достаточно хорошо себя знала и понимала, что не обладает необходимым терпением.

Ее считали – и она воспринимала это с немалым облегчением – слишком старой для выгодного брака. Но он ее и не прельщал: у нее не было никакого желания жить в зависимости от кого-либо, обещать подчиняться. Все, чего ей хотелось – это создавать узоры, рисовать эскизы и картины, наслаждаясь спокойной жизнью с сестрой. Неужели это так много?

Она снова будет ходить со своими работами, станет трудиться усерднее и овладеет мастерством. Приняв твердое решение, она окунула кисть в воду, разглядывая стоящие перед ней луговые цветы. И только занесла руку над плотной акварельной бумагой на рабочем столе, как раздался резкий стук в дверь. Мэри замерла. Они никого не ждали. Фрэнсис каждое утро отправлялась во Французский госпиталь, где ухаживала за теми, кому повезло меньше, чем им, и еще не вернулась, так что Мэри оставалась одна: они не могли себе позволить нанять даже одну служанку.

Вздыхнув, что пришлось прерываться, Мэри отложила кисть и подняла руки к волосам: буйные кудри имели привычку одновременно выбиваться из простой прически, так что она пригладила их как могла, надеясь, что выгладит хотя бы прилично. Для рисования она обычно надевала хлопковую рубашку, чтобы не испачкать платье. Поспешно выпутавшись из рукавов, Мэри подошла к двери.

– Мисс Мэри-Луиза Стивенсон живет здесь, я не ошибся? – спросил стоявший на крыльце мужчина. – Она меня ожидает.

Из-за столь скромного платья он явно принял ее за служанку.

– Могу я узнать, кто ее спрашивает? – спросила она, соответствуя образу.

– Мистер Патрик Холландер, – ответил он и помедлил, словно ожидая, что она узнает имя, но Мэри только подняла брови.

– Боюсь, сэр, я понятия не имею, кто вы, – выпалила она, под его пристальным взглядом забыв про свой спектакль.

– Мисс Стивенсон? – уточнил он, неожиданно осознав свою ошибку.

Собственный растрепанный вид ощущался тем сильнее, когда Мэри заметила изящно вытканый шелковый жилет незнакомца, покрой его бриджей, чулки без единого пятнышка, дорогую кожу туфель и блестящие пряжки, в то время как на ней под рабочей одеждой была простая льняная блуза, которую она перешила из старого платья Фрэнсис, и залатанная нижняя юбка. Видневшееся на шее и запястьях кружево было заляпано краской. Мэри потянулась к горлу в тщетной попытке скрыть это, но лишь привлекла внимание к испачканным манжетам сорочки. Мужчина на пороге выглядел явно состоятельным, а она – не лучше деревенской служанки. Впервые Мэри не нашлась с ответом.

– Сударыня, прошу принять мои искренние извинения, – продолжил гость, улыбаясь ей так тепло, что раскаяния в голосе не чувствовалось вовсе. – Я послал вам письмо на днях, предупреждая о своем визите. Поверьте, у меня не было намерений врывать к вам без объяснений или заставить вас врасплох.

И хотя ситуация была явно неловкой, Мэри не могла устоять перед его обаянием. Мягкий, вкрадчивый голос с южным выговором гласных звучал как музыка, и слова лились неторопливо, точно стекающий с сот мед, показывая, что у него есть все время мира.

– Не имеет значения. Чем могу быть полезна?

– Я прибыл из Уилтшира, из города Оксли.

Брови Мэри поползли выше. Нечасто им доводилось принимать посетителей из таких далеких краев. Хотя и зная приблизительно, где это, за все свои тридцать пять лет она так и не решилась поехать куда-то южнее Лондона. Ее познания в географии, как и многие другие, основывались не на личном опыте, а на почерпнутых во время занятий знаниях.

– Путь неблизкий, в самом деле.

– Признаюсь, приехал я на несколько дней раньше, у меня были дела в городе. – И снова эта улыбка. Но Мэри до сих пор не представляла, что привело его сюда. – Возможно, мы могли бы поговорить внутри? – предложил он, указывая глазами на соседние дома, для обитателей которых их беседа не была секретом. Через

дорогу хлопнул ставень, а на верхнем этаже в доме напротив опустилась оконная рама.

Ситуация была крайне необычной, так как никто не навещал Мэри с тех пор, как она стала жить с сестрой. Принимать решение нужно было быстро, и она решила довериться ему.

– Разумеется. – Мэри распахнула дверь шире, приглашая гостя в дом. Раз он проделал такой путь, едва ли она могла прогнать его, даже не дав шанса объясниться. Проведя мистера Холландера по коридору в комнату, которую они с сестрой нежно называли «малой гостиной» (кроме одной спальни на двоих и общей кухни в глубине дома они занимали только это помещение), она вновь остро осознала, как обветшало выглядит мебель и стены с отслаивающейся краской, исцарапанный карточный стол и вытертый ковер, так сильно контрастировавшие с блестящей внешностью ее посетителя. Мэри изо всех сил старалась не думать ни об этом, ни о том времени, что она могла бы провести за рисованием, и вместо этого гадала, что могло привести сюда мистера Холландера.

Он был высок, и ему пришлось пригнуться, чтобы не разбить голову о притолоку при входе в комнату, но двигался он с завидной гибкостью и грацией.

– Прошу, присаживайтесь. – Она указала на два стула с высокими спинками у карточного стола.

Теперь, оказавшись дома, Мэри чувствовала себя увереннее.

Патрик Холландер не выказал никакого удивления, что ни горничной, ни экономки так и не появилось, и на скудную обстановку, казалось, не обратил внимания. Мэри тоже не стала привлекать внимания к своему положению.

– Возможно, я могу предложить вам чашечку чая? – вместо этого спросила она.

– С удовольствием.

Она вернулась в комнату несколько минут спустя с подносом, на котором стоял самый красивый серебряный чайник Фрэнсис, тонкостенные до прозрачности фарфоровые чашечки и маленький молочник. Мэри выскребла из шкатулки последние драгоценные крохи чая, молясь, чтобы листьев хватило для достаточно крепкого напитка. Сахара в доме не осталось ни крошки, и она надеялась, что гостю достанет вежливости не просить его.

Он встал при ее появлении, и Мэри, с легким звоном поставив поднос на стол, села напротив него, расправляя юбки, и знаком показала, что он также может вновь занять свое место.

– Моя сестра, миссис Уайкрофт, пока не вернулась, но я скоро ожидаю ее. – Это было предупреждением, что наедине им оставаться недолго.

– При всем уважении к вашей сестре, я приехал встретиться именно с вами.

– Уверю вас, не могу даже представить почему.

– Это же вы тот художник, о ком шепчутся все подмастерья ткачей? – вопросом ответил он. – Надеюсь, моя информация точна, так как именно поэтому я здесь.

Мэри встрепенулась. Они в самом деле говорили о ней? Если и так, то, скорее всего, сплетничали о ее самонадеянности и невежестве.

– Не могу взять на себя смелость утверждать, – скромно ответила она. – При наилучшем стечении обстоятельств я надеюсь стать художницей. Создавать эскизы для тканей. Это если бы мне удалось убедить ткачей и торговцев шелком воспринимать меня всерьез. Боюсь, они будут только насмеяться над моими попытками. – Мэри прикусила губу, останавливая себя. Она наговорила больше, чем планировала, при этом призналась в своих мечтах совершенному незнакомцу – и все же его открытый взгляд внушал спокойствие.

– Что за нелепая традиция исключать женщин, – заявил он. – Но, возможно, это мой шанс? Может, это принесет состояние нам обоим.

Сначала Мэри налила молоко, чтобы хрупкий фарфор не треснул, а затем подняла чайник. Наполняя чашки, она из-под ресниц рассматривала Патрика Холландера. Он был моложе ее лет примерно на десять, но она с удивлением обнаружила, что не может остаться равнодушной к представителю другого пола такой приятной наружности: чистая кожа без следов оспы, широкие плечи, четко видные под камзолом, сильные ровные ладони, блестящие каштановые волосы, чуть вьющиеся – одна прядка упала на лоб. Она отогнала вспышку беспокойства; Патрик Холландер казался невероятно приятным человеком, и она не могла сказать, что именно в нем ее беспокоило. Скорее всего, свою роль сыграл его внезапный визит, а она к гостям не привыкла, напомнила она себе.

Заметив ее взгляды исподтишка, гость усмехнулся, и Мэри вздрогнула, задев носиком чайника край чашки, чуть не перевернув ее.

– Позвольте, я помогу? – предложил он, накрывая ее руки своими. Мэри выпустила чайник, на краткий миг с удовольствием ощутив его прикосновение. Она редко чувствовала тепло другого человека, а неожиданное касание располагало к более близкому знакомству, что вызвало обескураживавшее ощущение.

– Верно ли я понимаю, что мистера Стивенсона не существует? – спросил он.

От неожиданной дерзости Мэри на мгновение опешила и не могла решить, обижаться или нет.

– Вы довольно неплохо осведомлены для незнакомца, – ответила она, уходя от ответа.

Он склонил голову, признавая упрек.

– Простите меня, но я наводил справки.

– Отец не мог дать мне приданого, – к собственному удивлению, объяснила Мэри. – Кроме того, я поняла, что предпочитаю независимость. Лучше быть старой девой в городе, чем деревенской женой. Не уверена, что могу представить себя обязанной мужчине. – Его смелый взгляд тревожил ее. Не привыкнув беседовать с джентльменами, она забыла об осмотрительности, диктуемой правилами приличия.

– А вы предпочитаете говорить напрямик.

– Так и есть, – чуть склонила голову она.

– Хорошо. Рад это слышать. Я уважаю прямоту: и в мужчинах, и женщинах.

– Немногие бы признались в этом, ведь наш мир принадлежит мужчинам, не так ли?

– А вы предпочли бы отдать все места в правительстве женщинам, я полагаю?

– Так далеко я бы не зашла, – заговорщицки улыбнулась она. – Не в этом году.

Он коротко рассмеялся, удовлетворенно хлопнув себя по бедру:

– Мисс Стивенсон, вижу, я нашел себе достойного партнера.

Сделав глоток из своей расписной чашки, она поставила ее на стол и подняла взгляд.

– Тогда, возможно, я могу спросить о цели вашего визита? Вы говорили про состояние? Сильные слова, должна признать, я заинтригована.

– Верно. Если позволите, я тоже буду откровенен. – Он посмотрел ей в глаза. – У меня к вам предложение.

– В самом деле?

– Это в своем роде исключительное предложение.

– Я не привыкла получать предложения, – ответила она, не в силах удержаться от игривой нотки в голосе. – В особенности от незнакомых джентльменов.

– Смею надеяться, нам недолго оставаться незнакомцами. – Его голос стал ниже, глубже. Он тоже поддразнивал ее. – Я скромный торговец шелком. Мой магазин находится в городе, перевалочном пункте по дороге в Бат, и мы торгуем лучшими тканями со всей страны, работаем с лучшими портными и обивщиками мебели во всех южных графствах. – Произнес он это с немалой гордостью, и определение «скромный» теперь звучало довольно нелепо. – У нас также есть заказчики за океаном, я недавно вернулся из Америки, был в Бостоне, Филадельфии и Нью-Йорке.

– Вот как. – Мэри вопреки собственной воле была впечатлена, но постаралась скрыть это – как и поднявшееся в ней радостное волнение при мысли, что он приехал обсудить ее рисунки.

– У меня есть амбиции, мисс Стивенсон, я нанимаю только лучших художников по тканям, которые создают уникальные узоры исключительно для наших самых взыскательных покупателей, – предпоследнее слово он выделил особенно, одновременно наклоняясь к ней, будто приглашая в круг избранных.

– Что вы знаете о моей работе, раз стали искать меня? – спросила Мэри. – Есть множество других талантливых художников по тканям, разве нет? И, помимо прочего, мужчин.

Он вновь рассмеялся: улыбка у него тоже была красивая, зубы ровные и белые.

– Удивлена, что вы считаете это поводом для смеха, сэр, – заметила она с ноткой упрека в голосе.

Лицо его немедленно приняло нейтральное выражение.

– Всего нет, уверяю вас, мадам. Просто нахожу вашу скромность крайне занимательной. О ваших эскизах судачат подмастерья, неужели

вам это неизвестно? Наставники могут не оценить их свежести, точно дуновения ветерка, их новизны, но остальные, и я в том числе, определенно могут. Я искал нечто новое, мисс Стивенсон, что-то, что выделило бы «Шелка Холландера», и, уверен, я это нашел.

– Вы видели мои работы? Где?

Он бросил взгляд на рабочий стол, где лежала ее открытая папка с набросками.

– Я позволил себе изучить их, пока вас не было. Приношу извинения за свою дерзость, но мне не терпелось самому узнать, правдивы ли слухи. И все подтвердилось. Как же вы сами не осознаете, что, хотя и невысоки ростом, на голову превосходите своих коллег-художников?

Такие слова, произнесенные вслух сторонним человеком, грели душу, особенно после стольких утверждений, что ее работа никуда не годится. Она подозревала, что ткачи и их помощники больше заботились о защите собственных интересов, а не об объективной оценке ее набросков, но их пренебрежительные выводы все равно попали в цель.

– Я видел красоту и оригинальность ваших рисунков, – продолжил он. – У вас природный дар.

– Сэр, вы мне льстите, – запротестовала Мэри. – Прошу, скажите, почему я должна предложить свои услуги исключительно вам? – Пусть Мэри и доставили удовольствие его слова, и, как она заставила себя признать, он был просто очарователен, все же рассудок ее еще не покинул, чтобы вот так хвататься за первое же предложение, каким бы отчаянным ни было ее положение.

Он развел руками, просто образец непринужденности:

– Ну разумеется. Я понимаю, что вы сейчас думаете, но что, если бы я предложил вам больше за меньшее?

– Больше за меньшее? – Нахмурившись, Мэри взглянула на свои акварели и кисточки, без дела лежащие на столе в другом конце комнаты.

– Успешный художник создает от шестидесяти узоров в год. Могу обещать вам половину этого объема за двойную оплату.

Пришел черед Мэри веселиться.

– Если будете так вести дела, непременно разоритесь, – объявила она.

– Кто будет вести дела? – спросила появившаяся в дверях Фрэнсис, на ходу снимая шляпку и перчатки. Вместе с ней в комнату влетел прохладный ветерок. – О, вижу, у нас посетитель. Как поживаете, сэр? – добавила она.

Патрик Холландер поднялся, взял протянутую руку и низко склонился над ней.

– Мадам.

– Мистер Холландер – торговец шелком из Уилтшира, – объяснила Мэри. – Он приехал предложить мне работать на него. – Мэри сделала круглые глаза сестре, умоляя ее не выдавать отсутствие у нее опыта. – И только на него.

– В самом деле, – заметила Фрэнсис невозмутимо, безо всякого выражения. – Пожалуйста, продолжайте, не хочу, чтобы вы прерывались из-за меня, но мне бы также хотелось услышать ваше предложение.

– Разумеется, – согласился Патрик. – Все, что я хотел сказать, должно быть известно вам обеим.

– Позволь я принесу тебе чашку, Фрэнсис, – решила Мэри.

– Благодарю, – отозвалась Фрэнсис, садясь на дальний стул.

Когда Мэри вернулась, Патрик обрисовал свое предложение:

– Постоянный доход, гарантированная оплата каждый месяц, и не нужно ждать, пока торговец продаст всю ткань.

Ей нужно было лишь создавать двадцать пять оригинальных узоров в год и тратить чуть больше двух недель на каждый. С этим, как она посчитала, она могла справиться, а на полученные деньги они смогут купить топливо, которого хватит до конца зимы, и еды. Рот наполнился слюной при мысли о супе на курином бульоне с мясом.

– Почему, скажите, я должна согласиться? – осторожно уточнила она.

– Я считаю, вы умная женщина, мисс Стивенсон. Это выгодное предложение, лучше вы не получите.

«Совершенно справедливое замечание», – с иронией подумала Мэри.

– Как нам узнать, что вы тот, за кого себя выдаете, и что вы можете выполнить подобные обещания? – вмешалась Фрэнсис.

– У меня при себе документы, можете изучить их. – Патрик Холландер достал из внутреннего кармана камзола пачку бумаг и

протянул им.

Фрэнсис начала читать, сосредоточенно поджав губы, пытаясь разобрать тонкий, похожий на паутинку почерк.

– Я могу оставить вам аванс, как жест доброй воли, – предложил он. – После же я буду приезжать каждый месяц и изучать ваши эскизы. Я хорошо знаю Гая Ле Мэтра, пусть он работает с вашими узорами. Хотя, скажу откровенно, вряд ли за последние четыре поколения у этой семьи были поводы для смеха, но мастер он превосходный.

Все трое на этих словах улыбнулись.

– Значит, мы обо всем договорились? – подвел итог Патрик.

Мэри и подумать не могла, что кто-то захочет купить ее работу и при этом так хорошо за нее заплатить. А учитывая, что предложение исходило от такого очаровательного мужчины, устоять она не могла.

Глава 11

Декабрь, 1768 год, Оксли

Спустя полтора месяца жизни в Оксли мозоли на руках Роуэн огрубели, а все тело болело так, будто его таскали по каменистому руслу ручья в глубине сада. Почти каждый вечер она добиралась до кровати, уже засыпая на ходу, и редко видела Элис, которая ложилась еще позже.

Роуэн быстро запомнила, как именно нужно раскладывать вещи для хозяина, как лучше всего полировать латунные подсвечники и чистить столовые приборы с ручками из слоновой кости, как исправно натирать до блеска камин и, что особенно важно, как аккуратнее выливать ночные горшки в выгребную яму в конце улочки. Благодаря ее усилиям, даже немного уменьшилась гора одежды, которую необходимо было заштопать и починить. Однако, к разочарованию Роуэн, ей никак не удавалось наладить отношения с Элис. Девушка избегала ее при каждом удобном случае, а на вопросы отвечала как можно короче, обычно ворча или вздыхая.

– Я вовсе не хочу занять твое место, – прошептала Роуэн как-то вечером, когда Элис молча забралась в кровать.

– Не думай, что когда-нибудь станешь его любимицей, – ответила Элис. – Как бы ты вокруг него ни увивалась.

Роуэн застыла.

– Что ты хочешь сказать?

Элис промолчала.

Роуэн старалась выполнять свою работу как можно незаметнее, и ей просто не приходило в голову, что хозяин или хозяйка могут как-то выделять слуг.

– Мое присутствие не должно тебя беспокоить, – произнесла она. – Тебе незачем волноваться. Я вовсе не хочу становиться ничьей любимицей.

Девушка только фыркнула и перекатилась на бок, притворяясь, что спит.

С той ночи у Роуэн не было времени обдумать их разговор, но когда она как-то вечером столкнулась с Элис, выходящей из комнаты хозяина незадолго до ужина, у нее мелькнуло подозрение, так как у горничной не могло быть никакой причины там находиться. Элис проскользнула мимо, пробормотав что-то про сорочку, которую нужно было заштопать, при этом избегая смотреть ей в глаза, и в тот миг Роуэн начала понимать, что у враждебности Элис могут быть еще и другие причины.

Патрик Холландер часто отсутствовал, то уезжая в Лондон, то занимаясь какими-то загадочными делами в Оксли. А хозяйка, насколько успела заметить Роуэн, в основном играла на фортепьяно или читала у огня, и Роуэн, выполняя уже привычные поручения по дому, привыкла слышать доносящуюся из гостиной музыку. К одной мелодии миссис Холландер возвращалась особенно часто. Роуэн вспомнила, что ее матушка напевала похожий мотив, убаюкивая Альби. Колыбельная. И каждый раз, когда Роуэн слышала эти ноты, она вспоминала о потускневшей детской погремушке и замечала, что корсаж хозяйки спереди так и остается ровным и плоским.

Роуэн привыкла к шуму и болтовне, постоянному движению и множеству людей повсюду, и дом торговца шелком казался ей неестественно тихим; часто ее оставляли одну чуть ли не на весь день, без присмотра, хотя она все равно не осмеливалась расслабиться и выполняла все как положено. Когда выдавались драгоценные свободные минутки, она бродила по саду – длинной полоске земли, огражденной высокими кирпичными стенами, любясь росшими вдоль них колючими кустами роз и плетущейся жимолостью. В дальней части разросся фруктовый сад, настоящие дебри яблонь, терновника и мушмулы, а за ними – ручей, заросший водяным крессом, болотной калужницей, мальвой, примулой и кипреем. Она также обнаружила огород с травами и некоторыми лекарственными растениями, включая ее любимые пиретрум девичий, лимонную мяту, бальзамическую пижму, иссоп и ромашку. Роуэн решила, что как только сможет, соберет перечную мяту, розмарин и сальный корень, или окопник, и сделает себе мазь для уставших мышц, приготовит из высушенной лещины бальзам для кожи и накопает корней ворсянки, в изобилии растущей в саду, для лечения желудка и нервов. А когда наступит лето,

она будет собирать лепестки шиповника и лаванду, чтобы сбрызгивать простыни ароматной водой.

Как-то днем она провела в саду почти час в поисках ингредиентов для микстуры: Пруденс кашляла так, словно бумага шуршала о камень, а спальня ее находилась рядом с их с Элис комнатой, так что если облегчить боль, все трое спали бы крепче.

В дальнем углу сада, за фруктовыми деревьями, начинался склон, и после тщательного исследования Роуэн обнаружила там кустики розмарина и шалфея. Сорвав по несколько листиков каждого растения, она бережно убрала их в карман, стараясь не повредить нежные свежие листочки. Затем в дальнем углу она нашла то, на что так надеялась: шиповник, еще с плодами.

Набрав побольше ярких ягод, она поспешила домой, где увидела стоявшую у черного хода Пруденс с длинной метлой в руках.

– Ты что там делаешь, девочка? Я уже давно тебя зову, не слышишь? Заходи сейчас же, а то до смерти замерзнешь, ветер сегодня жестокий.

Роуэн была так поглощена своими поисками, что почти не чувствовала холод. Она вытащила пригоршню ягод из кармана:

– Я могу приготовить отвар, – сказала она. – От кашля. Вам станет легче.

Пруденс с сомнением посмотрела на нее, взвешивая плюсы и минусы подобной затеи.

– Раз твоя мазь так помогла юному Томми, – наконец произнесла она, – скажу, что это очень мило с твоей стороны, спасибо за заботу. Только смотри, чтобы на кухне все было в прежнем виде, не создавай мне лишней работы.

Позже Роуэн принесла свежей воды из колодца, бросила в кастрюльку собранные травы и ягоды и кипятила их до тех пор, пока жидкость не потемнела. Тогда она добавила туда немного меда и уксуса. Оконное стекло запотело от пара, в кухне было тепло и уютно. Приятнее места в доме было не найти, и Роуэн тихонько напевала себе под нос песню, которой ее научила матушка: об убитом горем возлюбленном и белом саване. От нее становилось грустнее, но Роуэн все равно мурлыкала ее себе под нос. Когда ягоды размякли, она, процедив отвар, бросила их в ступку, когда-то принадлежавшую матушке, и растерла в кашу, а затем положила обратно в кипяток.

Ступкой ей служил простой выдолбленный камень с каменным же пестом, но Роуэн нравилось думать, что он еще хранил что-то от матушкиного дара.

Решив, что уже прошло достаточно времени, Роуэн процедила микстуру в бутылочку с мерной шкалой и оставила остывать на подоконнике. Позже она заткнет ее пробкой от одной из пустых бутылок портвейна, найденных у хозяина. Приготовить настой от кашля было сущим пустяком, но, работая, Роуэн ощущала связь с женщинами ее семьи, ушедшими задолго до ее рождения, которые точно так же готовили целебные отвары, и это придавало ей сил.

Как-то днем у черного хода вновь появился Томми Дин и показал собравшимся в кухне женщинам свою ногу:

– Поглядите! – воскликнул он торжествующе. Рана полностью затянулась, и был виден лишь бледный шрам. – Будто ничего и не было.

Роуэн широко улыбнулась в ответ, радуясь, что он здоров, и еще больше радуясь его приходу, так как в свободное время она ловила себя на том, что вспоминает его теплую улыбку и гадает, увидятся ли они когда-нибудь вновь. И хотя с их первой встречи прошло всего несколько недель, Томми будто стал крепче и сильнее за это короткое время, раздался в плечах. Голос его стал глубже, а сам он – заметно выше. Это напомнило Роуэн, что ее братья тоже растут и меняются, и на мгновение ей взгрустнулось, что они так далеко.

– В будущем ты будешь держаться подальше от лошадей, не сомневаюсь, – заметила она.

– Уж точно буду проворнее, – рассмеялся он.

Пруденс одобритительно кивнула ей:

– У тебя редкий дар, Роуэн, – признала кухарка.

– Какой это? – спросила Элис, подняв голову от носка, который штопала.

– Целительства, – ответила Пруденс. – Я сама видела, кашель-то мой уже куда легче.

Элис вновь опустила голову к шитью, но Роуэн успела заметить презрительную ухмылку, исказившую ее черты.

– Ты не согласна, Элис? – храбро спросила она.

– Не думаю, что у меня есть мнение, каким бы оно ни было, – ответила та, хотя уничижительный тон шел вразрез со словами. –

Лучше бы хозяину ничего об этом не слышать, – добавила Элис. – Если он обнаружит в собственном доме хоть малейший намек на волшебство или колдовство...

– Ну-ка тихо! – прикрикнула Пруденс, делая знак от злых духов. – Не произноси такие слова в этих стенах. Мы говорим только о даре исцеления, ничего больше.

– Помните о том, что случилось со вдовой Спэнсвик, – загадочно ответила Элис.

– Что? – спросила Роуэн.

– Она продавала сиропы, бальзамы и все такое, – начала рассказывать Элис. – Приходила в город в базарные дни. И как-то, когда время сбора урожая уже близилось к концу, заболела дочь пекаря. Оспа. Он умолял дать ему настойку, а потом напоил ею жену, но жена и ребенок обе умерли за неделю. Лежали холодные как мрамор.

– И что случилось потом? – спросила Роуэн, и сердце тревожно замерло в груди.

– Вдову выгнали из города, – продолжила Элис, явно смакуя историю. – Несколько мужчин, включая нашего хозяина, нашли ее на рынке и предупредили, что если она еще сунется в Оксли, то предстанет перед магистратом. Только чья память ее мужа, которого все уважали, ее не бросили в тюрьму и не обвинили в отравлении. – На этих словах Элис посмотрела Роуэн прямо в глаза.

– Хватит пугать девочку, – упрекнула ее Пруденс. – Роуэн никогда бы так не сглупила и не стала бы пытаться лечить оспу.

Элис пожала плечами, возвращаясь к шитью с прежним скептическим выражением на лице, и Роуэн почувствовала, как по спине пробежал тревожный холодок.

Большую часть времени госпоже Холландер прислуживала Элис, но как-то днем, когда служанку отправили с поручением, хозяйке нанесли визит две дамы. Подавая им чай и сладости, Роуэн замороженно и украдкой поглядывала на их дорогие наряды и элегантные прически. У одной явно виднелся животик, и Роуэн, краем уха услышав оживленный разговор о прибавлении в семействе, заметила, как безмятежное выражение хозяйки дрогнуло.

Когда дамы наконец ушли, Кэролайн подозвала Роуэн и повела ее в магазин на первом этаже дома. Там Роуэн, от восхищения раскрыв рот, разглядывала отрезы тончайших тканей, разложенных на длинном широком прилавке, такие красивые и струящиеся, что они переливались через край, точно река через плотину. Ей ужасно хотелось дотронуться до них, самой ощутить их мягкость.

– Выберем тебе материал для нового платья. Не могу допустить, чтобы ты снова подавала чай моим друзьям в таком виде, – объявила Кэролайн, окинув взглядом рубашку Роуэн из грубой ткани и льняное платье в заплатках. – Одному Богу известно, что они подумают о нас, раз мы даже горничных нормально одеть не можем.

Глядя на все эти шелка перед ней, Роуэн чувствовала себя подобно изголодавшемуся бедняку на пиру с изысканными яствами. Что ей разрешат выбрать? И разрешат ли вообще или останется только принять то, что дадут? Наряды Элис, хотя и попроще, чем у госпожи, все равно были модными и сшиты специально для нее. На прилавке лежало несколько тяжелых книг в кожаных обложках, с выкройками, но Роуэн не могла признаться хозяйке, что уже заглядывала туда украдкой, пока каждое утро подметала в магазине полы, и видела прикрепленные там образцы яркой материи. Ей вспомнился один кусочек, в нежно-розовую полоску, и другой, с узором из крошечных букетиков голубых и желтых цветов, и Роуэн замечталась, представляя прекрасное платье с пышной юбкой, рукавами в тон и лифом, идеально сидящим на корсете.

Джеримая, их служащий с узким осунувшимся лицом, достал отрез однотонной тонкой ткани с шелковистой отделкой, но цвет у нее был как у воды в лохани, где Пруденс мыла тарелки после обеда, – что-то вроде темного серо-коричневого.

– Вот это очень прочное, – окинув взглядом потрепанную одежду Роуэн, предложил он.

Серое, как обмылки, в которых утонули ее надежды. Не стоило ей мечтать о более симпатичном цвете. Роуэн постаралась скрыть разочарование.

Кэролайн согласно кивнула:

– И новый чепец тоже понадобится. И, возможно, пара лент, потому что даже горничная мечтает о нарядах, как у герцогини. Роуэн, ты можешь сама выбрать отделку.

– Да, госпожа. Благодарю вас. – Это был жест доброты, и Роуэн поняла это.

– Могу я тебя кое о чем попросить? – спросила Кэролайн, когда они, отойдя от магазина, зашли в гостиную. Миловидное личико порозовело от непонятого выражения, одновременно надежды и тревоги.

– Да, госпожа?

– Как я понимаю, ты умеешь готовить травяные настои и тому подобное.

Хорошенько подумав, Роуэн ответила:

– Это... это самые обычные средства, – пробормотала она, вспомнив рассказ Элис про вдову Спэнсвик. – Простые настойки и микстуры, не более того.

– Понимаю, – ответила Кэролайн. – Ничего сильнодействующего?

Лидия Шиэрс, госпожа Энн Боденхайм, сестры Хандсель: матушка прошептала эти имена Роуэн, рассказав об их судьбе, предостерегая. Даже сейчас кого угодно могли оштрафовать или бросить в темницу по обвинению в колдовстве. Роуэн медлила, не зная, как лучше ответить, но ее выручила сама хозяйка, которая продолжила:

– Как ты понимаешь, это довольно деликатный вопрос. Не из тех, что я стала бы обсуждать со служанкой. И я рассчитываю, что ты сохранишь наш разговор в тайне.

Роуэн кивнула, заметив сейчас, когда они стояли бок о бок, какой тоненькой была хозяйка: ее талию будто можно было обхватить одной ладонью.

– В таком случае я буду говорить откровенно. Мы с супругом в браке пять лет, но Господь пока не дал нам детей. Я каждый день молила его, пока уже не могла стоять на коленях, но напрасно. Должна признать, для меня это большое горе. Я беспокоюсь, что наш брак поразил недуг, и все это потому, что я не могу произвести на свет наследника.

Кэролайн постукивала пальцами по юбке, явно не отдавая себе отчета. Роуэн вспомнила потускневшую детскую погремушку, которую она как-то нашла и с тех пор больше не видела.

– Вынуждена спросить тебя, не знаешь ли ты о каком-нибудь лекарственном средстве, которое могло бы... – Она откашлялась.

Вспыхнувший румянец выдавал ее смущение. – Помочь с этим.

Роуэн задумалась, насколько мудро будет раскрывать глубину своих познаний. Если она согласится, не заподозрит ли ее госпожа в противоестественных деяниях, особенно если ей ничего не удастся? А если узнает хозяин? Она содрогнулась, представляя, что может случиться в таком случае. Но если она откажется, госпожа может ее невзлюбить. Роуэн хотела бы помочь, если бы могла, потому что быть женой, но не матерью – состояние, достойное сочувствия.

Оба варианта таили в себе угрозу.

– Я слышала об одном снадобье, – осторожно начала она. – Но если использовать неправильно, оно может быть опасно. И я не уверена, что смогу найти все необходимое.

На лице Кэролайн отразилось облегчение, и Роуэн вновь увидела, какую нежность улыбка придает ее чертам.

– Превосходно. Я сообщу Пруденс, чтобы тебе освободили время на поиски всего необходимого. В лесу к северу от города можно найти все, что душе угодно, насколько мне известно, какие-то травы больше нигде не растут. Однако если что-то все же сыскать не удастся, можешь обратиться к аптекарю. Только не забудь сказать, чтобы счет отправили напрямую мне, а не моему супругу.

– Некоторые ингредиенты могут оказаться дорогими, – предупредила Роуэн, но Кэролайн отмахнулась.

– Об этом не думай. – Она будто пропустила мимо ушей предупреждение о том, что лекарство может не удалиться. Роуэн знала немало о рождении детей, наблюдала и даже один раз помогала матушке принимать роды, но зачатие, зарождение новой жизни, помимо увиденного в хлеву и на пастбище, было чем-то совершенно иным.

Роуэн мысленно вернулась в прошлое, когда она наблюдала за матушкой, тщательно искавшей нужные растения, а затем перетиравшей их при свете луны. Слава богу, что она ни на что не отвлекалась и что матушка заставляла ее повторять ингредиенты и порядок их смешивания, пока не убеждалась, что Роуэн может перечислить все без единой ошибки. Возможно, она сможет разыскать крапиву, одуванчики, фиалковый корень и кое-что еще в окрестностях.

– На сбор трав мне потребуется несколько недель. По меньшей мере до начала весны, – сообщила Роуэн.

Кэролайн нетерпеливо вздохнула.

– А ты уверена, что раньше не выйдет?

– Какие-то должны успеть зацвести, – покачала головой Роуэн.

– Что ж, вероятно, еще несколько месяцев особой роли не сыграют, – заметила Кэролайн, вновь вздыхая. – Но ни слова моему мужу.

– Конечно же нет, госпожа. – Перед мысленным взором Роуэн мелькнуло детское личико. Но от этого образа не веяло теплом, ребенок был бледен точно воск, глаза закрыты, и она поспешно отмахнулась от видения.

– Как я понимаю, ты сирота, но у тебя четыре брата.

Роуэн удивилась, что Кэролайн обратила на это внимание. Вероятно, Пруденс сказала ей, так как сама она совершенно точно никому больше ничего не рассказывала.

– Они все младше меня, – кивнула она.

– Ты, должно быть, скучаешь по ним, семья – это большое утешение. Если у тебя все получится, вероятно, я смогу убедить мужа дать тебе неделю отдыха, и ты сможешь навестить их.

– О, благодарю вас, благодарю!

Роуэн уже повернулась, чтобы уйти, но Кэролайн остановила ее:

– И вот еще что, Роуэн...

– Да, госпожа?

Достав из кармана платья сложенный лист бумаги, Кэролайн протянула его Роуэн.

На мгновение Роуэн недоумевала, что это может быть.

– Твое жалованье, – пояснила хозяйка.

Роуэн взяла сверток, ощущая в руке вес, осязаемое доказательство ее тяжелой работы.

– Очень вам признательна, госпожа, – ответила она, приседая в книксене. Кэролайн кивнула ей, отпуская, и Роуэн направилась к себе в комнату с кружащейся головой. Она поступила правильно, предложив помощь. Она и надеяться не смела, что через несколько месяцев сможет увидеть братьев и привезти дяде и тете заработанные деньги, плату за их содержание. Это был неожиданный добрый поступок.

Глава 12

Декабрь, 1768 год, Лондон

Выждав положенные полчаса после ухода мистера Холландера, Мэри вышла из дома. Схватив горсть монет из тех, что он оставил ей в качестве аванса, она немедленно отправилась в мясную лавку на углу Спитал-сквер.

– Лучшую курицу из всех, что у вас есть, – попросила она, чувствуя прилив гордости. – И фунт баранины на жаркое, будьте добры. – Сегодня они с Фрэнсис устроят настоящий пир, да и потом тоже.

Вернувшись домой, покрасневшая от холодного воздуха и поразительного поворота судьбы, она увидела Фрэнсис в гостиной с ее альбомом в руках.

– Что-то не так? – спросила Мэри, так как сестра выглядела крайне серьезной. На столе перед ней невысокой башенкой возвышались оставшиеся монеты.

Фрэнсис подняла голову:

– Все яйца в одной корзине? Мудро ли это? И знает ли он сам, что делает, обещая тебе работу на год и даже больше? Сестра, я знаю, что других узоров, подобных твоим, не найти, и прошу, не пойми меня неправильно, но ни один еще не выткали. Ты можешь доверять ему?

– Думаю, да. Почему ты сомневаешься?

Фрэнсис взяла одну из монет и поднесла к свету, будто проверяя, настоящая ли она.

– Здесь что-то... – Она осеклась.

– Что? Что именно? – Мэри почувствовала обиду. Сестра могла с легкостью уничтожить возможности, которые открывались перед ними благодаря предложению мистера Холландера, и Мэри этого не хотела. Но, с другой стороны, она уважала суждения Фрэнсис.

– Думаю, ничего, – отмахнулась Фрэнсис. – В любом случае нищие не привередничают.

– Ну, сегодня мы не нищие. На ужин у нас птица, и даже больше, и я рада, что мы по меньшей мере будем сыты для разнообразия, – твердо заявила Мэри.

За месяц Мэри должна была создать три новых узора. Перед уходом мистера Холландера они посмотрели ее наброски в альбоме, и он выбрал несколько, по его мнению, подходящих, которые стоило доработать.

– Они прекрасны, но довольно простые, – пояснил он. – Добавьте больше деталей. Ваше чувство геометрии и пропорций мне очень по душе, так дайте мне больше.

Мэри не совсем поняла, что он имел в виду, но решила, что будет стараться изо всех сил. На следующий же день, после сытного обеда, она принялась за работу.

Убедившись, что узор ее устраивает, она принялась составлять заметки, которые должны были помочь выткать его на станке. Мэри скрупулезно перенесла узор на канвовую бумагу, но затем у нее появилась новая идея. А как будет этот рисунок смотреться на платье? А на камзоле? С мужским жилетом все было понятно, но как же очертания женского тела, складки? Ей придется хорошенько обдумать этот вопрос, потому как с готовой тканью сделать уже ничего не получится.

Склонившись над бумагой, она как наяву видела силуэт мистера Холландера и не могла не представлять, как один из ее орнаментов будет смотреться на камзоле, идеально скроенном по его широкоплечей фигуре. Как прекрасно он будет выглядеть. Тихонько напевая и улыбаясь, она принялась за работу.

Следующие несколько недель она до поздней ночи рисовала и переделывала наброски в свете лампы, жертвуя сном, чтобы закончить первые несколько рисунков, беспокоясь о контрасте света и тени, точных пропорциях завитков и вьющегося стебля, о том, как перенести все на бумагу, какие цвета использовать. Снова и снова возвращалась она к растениям на столе, пытаясь точно передать их форму, показать, что так выделяет их.

Гай рассказал ей о технике нанесения трехмерной тени и растушевки. «Перспектива, – говорил он. – Тогда цветы на ткани будут как живые». Мэри еще раз пришла к нему на чердак с новыми

вопросами, изучая, как именно он работает, чтобы добиться этого необходимого эффекта. Гай любезно принял ее и терпеливо объяснил весь процесс, и все же занятие было изнурительным, а требования, которые она себе поставила, – очень строгими.

– Не знаю, почему я вообще решила, что справлюсь! – воскликнула Мэри как-то вечером, бросая еще один испорченный рисунок в огонь. – Это невозможно.

– У тебя получится, – успокаивала ее Фрэнсис. – Всего стоящего приходится добиваться тяжелым трудом. Утро вечера мудренее, завтра начнешь сначала.

– Ох, наверное. – Мэри устало потерла лоб. – Но я хочу создать что-то новое, непохожее на работу других, узор, который никто еще никогда не видел. Это самое сложное.

– Кажется, я знаю, что может помочь, – объявила Фрэнсис. – Одна книга.

На следующий день Фрэнсис вернулась из госпиталя с большим томом под мышкой и с предвкушением стала наблюдать, как Мэри читает название:

– «Причудливый гербарий», – прочитала она вслух. – Элизабет Блэквелл.

– Решила, что может пригодиться, – с надеждой объяснила Фрэнсис.

– Но где ты ее нашла? – спросила Мэри.

Сестра только прижала палец к губам:

– Не спрашивай, но через несколько дней мне нужно будет ее вернуть, пока никто не хватился пропажи.

В книге были иллюстрации лекарственных растений: календулы, манжетки луговой, шапок бузины, лаванды и ромашки, мелиссы, энотеры и пиретрума, сенны и ревеня, как и алтея, штокрозы и конского каштана, бенедикта, боярышника, лещины вергинской, одуванчика и лопушника. Какие-то из этих растений попадались Мэри во время прогулок, но многие были незнакомы. Сильнее прочего взгляд притягивали главы с описанием смертоносных растений, выглядящих наиболее завораживающе. Среди них были и паслён, и прелестные цветы аконита, красные ягоды лавра, насыщенный багрянец белладонны, пятнистый зев наперстянки, оранжевые ягоды аронника и нежные, как жатый шелк, лепестки алых маков.

Она листала страницы, и в воображении у нее начал прорисовываться узор, а возникшее в солнечном сплетении ощущение подсказало, что она находится на пути к чему-то новому, ошеломляющему и оригинальному. Вот тогда все знатные дамы будут мечтать о платьях из ее ткани. Ей не терпелось начать. Она представила, как можно объединить цветы и ягоды самых ядовитых растений, не только потому, что они были прекрасны внешне, сами по себе, но и потому, что Мэри не сомневалась: смелые женщины оценят, что за рисунком из переплетающихся стеблей и похожих на колокольчики цветов скрывается довольно мрачное послание.

Наконец три недели спустя у Мэри было готово четыре рисунка, и к каждому – тщательно проработанная схема с описанием.

Вместе с узором из ядовитых растений она также подготовила три других, не только с традиционными цветами колумбины, василька и смолевки, звездчатки и клематиса, душистого горошка и роз, ипомеи и лилий, но и с насекомыми: осой, жуком, а кроме привычных бабочек – гусеницей, зеленой и пухлой, надеясь, что это также выделит ее работу среди прочих.

Она отнесла узоры Гаю, который изучил их, подняв брови, но согласился, что выткать такое возможно.

– Хотя они и непохожи на все, что я когда-либо видел.

Несмотря на кислый тон, Мэри этому замечанию обрадовалась, так как она и не хотела копировать узоры художников-мужчин. Патрик Холландер ожидал что-то новое и привлекающее внимание, и именно это она и собиралась ему представить.

Мэри старательно сделала точную копию каждой схемы и рисунка и с утренней почтой направила их в Оксли, едва сдерживая нетерпение в ожидании ответа.

Глава 13

Декабрь, 1768 год, Оксли

Роуэн лежала в кровати, щипая себя за руку, чтобы не уснуть, уже не сомневаясь, что к утру все предплечья будут в синяках. Стояла ночь холодной луны, последней в уходящем году, и Роуэн нужно было собрать листья лещины для сильнодействующего тонизирующего средства для кожи. На пустоши, где-то с полмили от главной улицы города, росло подходящее дерево, и считалось, что листья, напитанные светом полной луны, обладали самыми сильными свойствами, но собирать их нужно было перед рассветом. Роуэн также не терпелось пройти чуть дальше в поле, посмотреть, найдется ли там красноголовник для лекарства, которое она обещала приготовить госпоже.

Роуэн тихонько зевнула, стараясь не разбудить Элис, храпевшую рядом, и на какой-то миг поддалась усталости, уже несколько часов угрожавшей накрыть ее с головой. Но через секунду она, вздрогнув, вновь проснулась и, твердо решив не упустить шанс, выскользнула из-под одеяла.

Главная улица была совершенно безлюдна, ее освещала огромная, невысоко поднявшаяся по безоблачному небосклону луна. Мостовая серебрилась от инея, и Роуэн, поежившись, поплотнее запахнулась в плащ и осторожно ускорила шаг, стараясь не поскользнуться. По дороге к пустоши, у самой ее границы она увидела длинный низкий амбар. К ее удивлению, из приоткрытой двери лился свет, а при приближении стал слышен и низкий гул голосов, выкриков и иногда звон металла и пронзительные звуки боли какого-то животного.

Привлеченная шумом, она прокралась вдоль каменной стены, держась в тени, и встала за приоткрытой дверью, осторожно заглядывая внутрь. Дурной запах пива и пота накатила тяжелой волной, шум стал почти оглушающим, а от открывшегося перед ней зрелища она едва сдержала крик. Целая толпа мужчин, и она узнала многих — мясника, мужчину, продававшего на рынке сыры, торговца свечами,

седельника и других – собрались в круг, выкрикивая и скандируя, время от времени жестикулируя и размахивая руками, ворча и сплевывая, отхлебывая из фляг, поглощенные зрелищем. Никто не заметил стоящую у входа девушку.

В центре круга, на голом полу без соломы, происходило настоящее кровопролитие.

Это была арена для петушиных боев.

Две птицы, хлопая крыльями и встопорщив перья, бросались друг на друга, царапаясь и кукарекая, но за криками мужчин этого было почти не слышно. Роуэн заметила металлические шпоры у них на лапах и зияющую рану вместо глаза у одной из птиц.

Настоящие петушиные бои.

Она видела, как ее отец забил свинью, как лилась кровь из разрезанного горла, или как мать сворачивала шеи курицам, а также слышала о тех, кто делал ставки на тот или иной исход поединка, но сейчас был совершенно иной случай. Эта травля животных – как можно было получать от нее удовольствие как от спорта?

Затем, заглянув еще чуть дальше за дверь, она охнула, увидев хозяина: снежно-белые чулки потеряли вид и были в красных отметинах, лицо искажено злобной ухмылкой. Он стоял практически в центре круга и палкой подталкивал петухов обратно в центр арены. Роуэн с отвращением отпрянула, ее пробрала дрожь. Она считала своего хозяина джентльменом, но в этот самый миг он больше напоминал дикаря.

Следующим утром, когда она разжигала камин в гостиной, туда вошел Патрик Холландер, а вместе с ним и кислый запах пива. Изящный камзол сидел криво, волосы всклочены, глаза красные, а карманы вывернуты, точно он торопливо освобождал их от содержимого. Он посмотрел на нее, сощурившись, точно не ожидал никого увидеть, и упал на кушетку.

– Госпожа удача в последнее время не улыбается мне, – вздохнул он.

– Нет, сэр, – тихо ответила Роуэн. Вернувшись перед рассветом в дом, тщательно спрятав в карман собранные листья, она долго лежала без сна, раз за разом переживая увиденную сцену, и теперь ей тяжело было относиться к нему с прежним уважением.

Позже, когда она пришла забрать посуду после завтрака, до нее донесся спор, становившийся все громче и громче: голос Патрика звучал успокаивающе, а Кэролайн – яростно и громко. Роуэн остановилась у двери, не зная, входить или нет.

– Не думайте, что я не догадываюсь о том, что происходит под этой крышей, – заявила Кэролайн. – Эту горничную нужно уволить.

Роуэн застыла. Чем она так обидела госпожу? Назвала слишком долгий срок приготовления лекарства? Или Патрик заметил ее ночью у дверей в амбар?

– Как я уже говорил, вы видите то, чего не существует, – утомленно ответил Патрик. – Будто уважающий себя торговец может заинтересоваться простой служанкой. Нет никаких причин выгонять Элис. Кроме того, с работой она справляется хорошо, вы сами говорили. И если вдруг вы не заметили, то до ярмарки в будущем году подходящих слуг уже не найти.

Услышав имя Элис, Роуэн снова смогла двигаться. Воспоминания всплыли сами собой: частые отлучки Элис без каких-либо объяснений; Элис, выходящая из спальни хозяина; Элис с хозяином на задворках сада, наклонившиеся друг к другу, и его пальцы касаются ее локтя будто в ласке. Похоже, госпожа тоже обо всем знала.

– Что ж, продолжаться так просто не может, – продолжила Кэролайн, меняя подход. – Вы приходите домой в самое немислимое время, а потом не способны честно трудиться днем. Тратите больше, чем у нас есть. Не думайте, что я не могу разобраться в приходно-расходных книгах.

– Вам не о чем беспокоиться, – заверил ее Патрик. – Подъемы и спады случаются в каждом деле. Если я не переживаю, то и вам не стоит. Доверьтесь мне, моя дорогая.

– Не принимайте меня за глупую девчонку, – повысила голос Кэролайн. – Разъезжаете по стране, занимаясь неизвестно чем, и дома почти не бываете. Не могу представить, что дела так часто требуют вашего отсутствия.

– Если бы дома меня ждало кое-что еще, возможно, я бы чаще оставался, – холодно возразил он.

– Что именно вы хотите сказать? – Горечь в голосе Кэролайн была почти физически ощутима.

– Гадаю, не взял ли я в жены бесплодную женщину. Не сомневаюсь, в городе надо мной уже смеются.

У Роуэн перехватило дыхание от таких жестоких слов, хотя, по правде сказать, такое поведение ее уже не удивляло.

– Что ж, возможно, супруг мой, если бы вы чаще бывали дома... – уколола в ответ Кэролайн.

Роуэн знала, что должна удвоить усилия и приготовить снадобье, в котором ее госпожа так отчаянно нуждалась. Кэролайн Холландер была добра к ней, и Роуэн не могла видеть, как жестоко обращается с ней хозяин. Кроме того, она знала, что в доме, где все спокойно, у нее больше шансов сохранить место.

Наступил новый год, и одним воскресным днем, закончив работу, Роуэн гуляла по тропинке вдоль реки, окаймлявшей город точно лента. Закутавшись в красный матушкин плащ, она глубоко вдохнула морозный свежий воздух и подняла лицо к бледному солнцу. Холод обжигал, дыхание вылетало облачками пара, но она слишком много времени провела взаперти и знала, что гораздо счастливее чувствует себя в полях, среди цветов или золотых колосков ячменя, под необъятным небесным покровом. Идя вдоль реки, она искала травы, которые могут пригодиться. Заметила звездчатку, боярышник, мать-и-мачеху и бузину, мысленно отметив, где они находятся, чтобы вернуться сюда по весне, когда боярышник зацветет, и поздним летом, когда из бузины можно будет приготовить сиропы от простуды и больного горла на зиму. Но ни красноголовника, ни белены не было видно.

Погруженная в поиски, она неожиданно краем глаза заметила, как вдалеке мелькнуло что-то рыжее. Да, прямо на тропинке перед ней – пушистый хвост, бледная мордочка. Теперь лиса оказалась прямо напротив Роуэн, и обе остановились, глядя друг на друга; желтые глаза смотрели прямо в ее собственные. Роуэн не шевелилась, кровь стучала в ушах. Она молилась, чтобы животное молчало, и задержала дыхание, выдохнув только тогда, когда рыжая обитательница леса, махнув хвостом, прошла мимо. Услышать зов лисы считалось предвестием смерти, и это суеверие было особенно распространено среди деревенских жителей, включая и ее тоже.

Успокоенная молчанием зверя, Роуэн пошла дальше, пока не увидела водяную мельницу с большим лопастным колесом, взбивающим воду до белой пены. Очарованная, но и встревоженная грохотом, она подобралась так близко к глубокой темной заводи, как только осмелилась. Ее тут же окутало ледяной взвесью, поднимавшейся от воды, и Роуэн поспешно отступила.

Вода, коварная, изменчивая, всегда заставляла ее нервничать. Ей часто снилось, как быстрый поток уносит ее, и она не могла понять, как у чего-то жидкого может быть такая сила. Даже в разгар лета во Флоконе младшим братьям приходилось уговаривать Роуэн зайти в темные зеленые глубины, которые одновременно пугали и приводили в восторг своим сильным течением, обвивающим ее, пульсировавшим в ладонях. Она всегда заходила в реку только по талию, так и не набравшись храбрости окунуться целиком, и не могла представить, как кто-то вообще мог двигаться против такого потока, не имея твердой почвы под ногами. Братья ее страхов не разделяли, ныряя, исчезая и вновь появляясь над темной поверхностью. Они смеялись над ней и подбадривали, но она так никогда и не решилась позволить течению подхватить себя, как и шагнуть чуть дальше, чтобы ее не унесло от безопасного берега.

Погрузившись в воспоминания о прошедших летних днях, она наблюдала за фигурой юноши впереди на тропинке. Подойдя ближе, она узнала в нем Томми и поспешила следом, под конец уже тяжело дыша и морщась от впивающегося в нежную кожу корсета.

– Роуэн! – воскликнул он, расплываясь в улыбке. – Доброго дня. Что привело тебя сюда?

– Я люблю прогулки, – ответила она, не осмеливалась раскрыть свою настоящую цель, хотя он и сам испытал на себе ее умения с травами. – А ты?

– Возвращаюсь в лавку, относил заказ. Не говори никому, что я пошел длинной дорогой – всегда стараюсь приходить к реке, если выдается минутка.

Она улыбнулась в ответ, чувствуя радостный трепет от такой неожиданной встречи. Во всем городе только он был ей кем-то вроде друга.

– Даже в такой мороз? – спросила она, заметив, какая тонкая у него рабочая одежда.

– Даже не чувствую, – распахнув руки, заверил он. – А здесь можно дышать.

– Понимаю, что ты имеешь в виду, – согласилась она. – Порой думаю, что задохнусь внутри, когда огонь дымит особенно сильно.

– Дайте мне небо над головой, поля под ногами и реку рядом, и я счастливый человек.

– В таком случае разве ты не мог трудиться на ферме? – Она украдкой бросила взгляд на это веселое лицо, чувствуя симпатию к юноше, который любил природу так же сильно, как и она сама.

– Я мог бы стать только разнорабочим, а там нет будущего. На самом деле здорово, что я могу учиться какому-то ремеслу. Мясо – дело прибыльное, так мой хозяин говорит. И когда-нибудь у меня будет лучшая мясная лавка в Оксли, вот увидишь.

Роуэн засмеялась от этого дерзкого заявления, втайне довольная, что у Томми такие амбиции. Было крайне приятно находиться рядом с кем-то, кто стремился стать лучше.

– Тебе смешно? – спросил он, и его обычно ясное, открытое лицо помрачнело от обиды.

– Нет, нет, – поспешила заверить его Роуэн. – Я просто впечатлена тем, как ты видишь свое будущее.

– И какое же твое?

Роуэн помедлила. Она не так часто задумывалась об этом.

– Не знаю. Надеюсь остаться в Оксли. Помогать тем, кто нуждается в моей помощи.

– Как ты помогла мне, когда я поранил ногу?

– Именно. Возможно, однажды я стану больше, чем служанкой, – решила признаться она.

– И я тоже впечатлен твоей силой воли, – широко улыбнулся он. – Ты не такая, как другие девушки, тебя не интересует болтовня и ветреные знакомства. Ты замечательный человек, и я рад, что мы можем общаться, Роуэн.

Она прижала руку к щеке, ощущая разбегающиеся бороздки шрама, неожиданно смутившись расцветшего от его слов румянца.

Глава 14

Сейчас

– Эй, неженка! – выкрикнул мальчишеский голос.

– Мы слышали, тебя взяли только потому, что твой отец – директор, – присоединился второй.

– Да, и они поселили вас всех в Доме шелка, чтобы не подпускать к школе, вдруг вы заразные!

Тея, под вечер направлявшаяся к полю для хоккея с любимой клюшкой под мышкой, завернула за угол и увидела компанию молодых ребят и троих новеньких учениц в нескольких метрах впереди.

– Боже мой, – сладким до приторности голосом ответила Сабрина. – И это все? Вам правда стоит лучше стараться. – Она рассмеялась им в лицо и повернулась к своим спутницам: – Пойдемте, девочки, опоздаем на занятие.

Мальчики разошлись, и Тея позволила себе улыбнуться. Эти девушки прекрасно могли за себя постоять. Посмотрев вперед, она увидела несколько игровых полей: четырнадцать хоккейных кортов, какие-то на любую погоду, другие – травяные, расположенные рядом с такими же полями для регби, двумя футбольными, а также с бесчисленными площадками для тенниса и нетбола^[7]. Тея вздохнула. Подумала, как здорово будет снова играть, слышать приятный уху «чвак» при ударе клюшкой по мячу. Сколько же месяцев прошло... Затем она вспомнила, что ее отец играл на тех же площадках, и проглотила вставший в горле комок неожиданно острой грусти.

Гарет Поуп уже был там, расставлял маркёры и раскладывал мячи. Демонстративно взглянув на часы при ее приближении, он заметил:

– Как я понимаю, вы будете помогать со смешанной командой, – произнес он отнюдь не довольным тоном.

– Я немного играла, – призналась Тея.

– За десять лет школа не проиграла почти ни одного матча, но мы не собираемся почивать на лаврах. Возьмем лучших игроков в

основной состав, но, конечно же, наберем и смешанную команду старшекурсников – если девушки справятся.

– Справятся, не сомневаюсь, – сухо отрезала она.

– Ну что же, девочки и мальчики, на поле! – позвал он выходящих из раздевалок игроков. – В качестве разминки три круга, вперед!

Недовольно застонав, они все же выстроились и легкой трусцой побежали по кругу по часовой стрелке; среди мальчиков Тея заметила Фенеллу, Сабрину, Джой и Арадию. Вставший в центр поля Гарет подобрал мячик на клюшку и начал подкидывать его вверх.

Позер.

Отвернувшись и ничего не сказав, Тея присоединилась к ученикам плавным легким бегом и догнала их на половине круга, а затем немного сбавила скорость, чтобы бежать наравне.

– Мисс Раст, – поздоровалась Фенелла между выдохами.

– Как первый день? – спросила Тея.

Девушка уже собиралась ответить, но тут пара ребят ускорились, и остальным тоже пришлось постараться, чтобы не отставать. Последний круг превратился в настоящий спринт, и Тея знала, что им было что доказывать. Она тоже увеличила темп, держась наравне с самыми быстрыми бегунами, с удовольствием видя, что девушек они все же не догнали.

После разминки Гарет разделил их на группы и отправил выполнять упражнения, и все это – по-прежнему подкидывая мячик на клюшке. Это уже начало раздражать Тею, так что она отошла наблюдать за дальней от него командой.

Полчаса или около того спустя преподаватель физкультуры вновь созвал игроков и разделил их на две команды. Тея молча наблюдала, как он ставит всех девушек по одну сторону вместе с несколькими юношами послабее.

«Что ж, вот как все будет», – подумала она.

Гарет бросил ей нагрудник, и Тея ловко поймала его одной рукой.

– Сыграем до победы. Можете присоединиться к девушкам, мы обойдемся без вратаря.

– Разумеется. – Тея быстро направила игроков к их позициям: Фенеллу поставила центральным нападающим, а сама заняла левый фланг как защитник, где она также могла следить за всем происходящим и в случае необходимости поддерживать игроков.

Гарет занял позицию нападающего в команде их противников.

По его свистку игра началась. Его команда перешла в наступление и лавиной понеслась по полю к Джой, которая, опустив голову, легко увела мяч у игрока, тут же перебросив его Сабрине. Юноша вскинул голову, с удивлением увидев, как одна из девушек уже летит на другой конец площадки.

Сабрина уверенно повела мяч, увернувшись от еще двоих игроков, и только потом им удалось ее перехватить. Игрок передал мяч на свой фланг, откуда его перебросили центральному подающему, который обошел их защитника, Арадию, и забил гол.

– Один-ноль, – даже не скрывая ухмылки, объявил Гарет.

Тея пропустила это мимо ушей. Они только начали.

Игра продолжалась, ребята снова забили, а затем Гарет перехватил мяч и бросился прямо на нее. Он уже собирался провести мяч за ней, но Тея клюшкой перехватила его и уклонилась, чтобы не столкнуться с мужчиной, а затем сильным ударом сделала пас через половину поля, как раз туда, где стояла Фенелла. Оттуда ей легко было направить мяч на фланг и прямо в ворота.

Игра продолжалась еще двадцать минут, и девушки в команде Теи забили еще дважды.

Весь красный, Гарет дунул в свисток, заканчивая матч, и все вернулись к упражнениям. Когда Тея поравнялась с ним, Гарет едва заметно кивнул.

Финальный счет он не озвучил, но это и не имело значения. Он неверно оценил способности не только ее, но и девушек, и хотя она знала, что это ребячество, удержаться от самодовольной улыбки, пока никто не видит, не смогла.

– На сегодня все, – объявил Гарет, когда все собрались вокруг. – Нам предстоит большая работа перед первым матчем между школами, и нужно также улучшить вашу физическую подготовку. А теперь отправляйтесь в свои комнаты, увидимся на занятиях в четверг.

Тея начала собирать инвентарь, набрав целую охапку маркеров.

– Я быстро, – крикнула она своим подопечным. – Пойду с вами.

– Хорошая игра, девушки, – все же похвалил их Гарет. Тея знала, чего ему стоило признать это, расслышав плохо скрытое недовольство в голосе.

– Не беспокойтесь, мисс, – сказала Фенелла, когда их уже никто не мог услышать. – Они терпеть не могут, когда мы оказываемся лучше них.

Тея рассмеялась:

– Придется им привыкнуть, не так ли?

– Они ведь и сами потом станут играть лучше, – заметила Фенелла. – Хотя некоторые могут сначала этого не понимать.

– Нет ничего лучше толики здорового соперничества, причем там, где меньше всего ожидаешь, да? – улыбнулась Тея. – Кстати, Сабрина, я слышала, что говорили мальчишки из младших классов до хоккея. Скажи мне, если кто-то из них снова будет тебе докучать, я доложу об этом.

– Пустяки, – отмахнулась Сабрина, подстраиваясь под их шаг. – Переживут и привыкнут. Кроме того, я не хочу заработать репутацию девочки, бегающей к папочке каждый раз, как что-то случится.

– Справедливо, – согласилась Тея.

– Другие мальчишки, в нашем классе, – вставила Фенелла, – вели себя очень мило.

– О-о-о, – хором протянули Арадия и Сабрина, а Фенелла покраснела как помидор. – Кое-кто увлекся!

– Не в этом смысле! – запротестовала она.

– Можно вас на два слова, мисс Раст? – раздался голос у Теи за спиной.

Проследив, что девочки поужинали, и отправив их в свои комнаты делать уроки, Тея осталась внизу, приготовила себе чашечку чая и уже собиралась идти наверх и работать над программой уроков до конца недели, но не успела. Тея подавила вздох, не заметив появления дамы Хикс за спиной.

– Пойдемте в малую гостиную?

Тея взяла чашку и прошла за женщиной через коридор в комнату в передней части дома. Там стояли две большие кушетки, несколько кресел-мешков и пианино; полукруглый эркер выходил на главную улицу. Предполагалось, что девушки будут здесь отдыхать, но Тея уже начала сомневаться, будет ли им вообще позволено свободное время. Их жизни были так плотно распланированы, что между разными занятиями оставалось едва ли десять минут. Возможно, выходные

будут спокойнее, хотя у тех, кто занимался спортом, по субботам были матчи, а у других – дополнительные домашние задания и занятия музыкой.

– Как ваш первый день?

Вопрос застал Тею врасплох, она не думала, что хозяйка вообще спросит, учитывая ее прежнюю замкнутую манеру общения, но скрыла удивление.

– Спасибо, хорошо. Ничего такого, с чем нельзя справиться. И все девушки исключительно быстро привыкли к новой обстановке.

– Они все прошли тщательный отбор.

Тея подняла брови. Прозвучало почти зловеще.

– У них в самом деле очень высокие оценки и отзывы, – согласилась Тея. – Но они еще подростки. И не сомневаюсь, что, несмотря на происхождение, девочки столкнутся с трудностями.

– А как вам преподавательский состав?

– Все отлично. – Тея уж точно не собиралась говорить, что мистер Баттл вел себя откровенно пренебрежительно, а Гарет Поуп пытался при всех поставить их с девочками в неловкое положение. С обоими она вполне могла справиться сама.

Дама прикусила губу, но Тея не собиралась поддаваться.

– Я хотела предупредить вас.

– Предупредить?

– Кое-что в этом доме не всегда бывает тем, чем кажется.

Тея смотрела на свою собеседницу в ожидании продолжения, какого-то пояснения, так как сама даже не представляла, о чем может идти речь.

– Возможно, вы будете... кое-что слышать. По ночам.

– Вообще-то мне в самом деле слышались странные звуки прошлой ночью, – призналась Тея. – Но это оказалась Фенелла, она спустилась за водой на кухню.

– Это старый дом, его построили еще в середине восемнадцатого века. Иногда он скрипит и стонет, будто живет собственной жизнью.

– Точно старушка, – улыбнулась Тея.

– Да, очень пожилая старушка. В местной библиотеке можно найти пару книг об истории дома, возможно, они есть даже в школьной библиотеке, если вам интересно.

Тея огляделась, обратив внимание на высокий кессонный потолок, где деревянные балки образовывали многоугольные углубления, на потемневшее от дыма, копоти и времени старое дерево. Сколько поколений видели эти стены?

– Да, мне и правда было бы интересно, – ответила она, решив, что непременно узнает, почему у нее здесь всегда появляется это зловещее предчувствие, особенно по ночам.

– Сейчас принесу вам кое-что залечить порез. – Дама Хикс тут же встала и выскользнула из комнаты, а Тея осталась сидеть, моргая и удивляясь, как быстро женщина исчезла. Палец кольнуло, и Тея посмотрела на пластырь. И как же настоятельница узнала, что ранка воспалилась?

На стол перед Теей опустилась стеклянная баночка.

– Бальзам. Рецепт моей бабушки, доставшийся ей от ее бабушки. Снимите пластырь.

Тея послушалась, заметив, что порез приобрел какой-то зеленоватый оттенок:

– Ох, как это могло случиться?

Дама Хикс промолчала, но знаком показала, что Тея должна нанести немного мази на палец. Она отвернула крышечку, и по комнате поплыл запах, похожий на тот, что витал в ее комнате прошлым вечером. И тем не менее на густую зеленую мазь Тея смотрела безо всякого энтузиазма.

– Вы серьезно?

– Совершенно.

Тея опасливо зачерпнула чуть-чуть мази и размазала по ранке.

– Этого достаточно, – кивнула настоятельница, поднимаясь из-за стола. – Мои девочки должны быть здоровы.

Тея осталась одна, непонимающе глядя на баночку. А о чем дама Хикс хотела поговорить? Только предупредить о странном шуме по ночам? Она покрутила пальцем в воздухе. Боль почти прошла; ей в самом деле было уже лучше.

Глава 15

Январь, 1769 год, Оксли

В какой-то мере благодаря Пруденс и Томми молва о способностях Роуэн распространилась среди слуг в городе, и кто-то из них уже приходил за помощью. Тихий стук в дверь поздним вечером часто оповещал о новых посетителях, пришедших за целебными настойками, микстурами и припарками. Вывихнутые лодыжки, никак не проходящий кашель, маленький ребенок с ангиной, больной зуб, рана на голове – всем нужны были снадобья Роуэн. Она приспособилась смешивать большинство самых востребованных целебных средств и хранить их вместе с многочисленными пучками трав в прачечной, чтобы всегда были наготове. Однако она отказывалась принимать кого-либо с диареей или оспой, зная границы собственных умений, а также запомнив рассказ Элис о том, что случилось со вдовой Спэнсвик. И пока Пруденс пела ей дифирамбы и с удовольствием принимала оплату в виде небольшой головки сыра или десятка яиц, Элис наблюдала за всем с плохо скрываемым недовольством.

Патрик вновь уехал в Лондон, а Кэролайн собиралась навестить родственников в Солсбери. Перед отъездом госпожи Роуэн позвали помочь Элис с подготовкой дорожных чемоданов, но ее первоначальный восторг от возможности перебирать роскошные шелка, тонкие шерстяные ткани и мерцающий бархат уступил место разочарованию. Она боялась, что может сломаться только от необходимости сдерживаться, так как Кэролайн выбирала то одно платье, то другое, а потом отбрасывала все и требовала принести еще. Сборы заняли несколько дней, и Роуэн не успевала выполнять свою работу. Она старалась не вздыхать так явно из-за подобных перемен в настроении госпожи и не чувствовать к ней неприязни, но ее доброе сердце подверглось тяжкому испытанию. Роуэн не могла понять, как человек может быть настолько испорчен, ведь даже одного

прекрасного платья хватило бы для счастья, не говоря уже о тех десятках, которые были у Кэролайн.

Принося платье за платьем, они обменялись с Элис понимающими взглядами. Впервые Элис отреагировала не насмешкой или безразличием, и это необычайно воодушевило Роуэн.

Упаковывая обратно отвергнутые наряды, Роуэн не могла не гладить нежный шелк, гадая, каково это – носить его, ощущать эту мягкость на коже и тяжесть юбок, спадающих с талии, слышать их шорох при ходьбе.

– Ну разве не прелесть, – вздохнула Элис. – Я бы выбрала жемчужно-серое. В такой роскоши от меня было бы глаз не отвести.

– Оно действительно подчеркнуло бы твой цвет лица и волос, – согласилась Роуэн. – Но такой красавице, как ты, чтобы выделяться, не нужно особенное платье.

За добрые слова ее наградили редкой мимолетной улыбкой.

Перед отъездом Кэролайн вызвала Роуэн в гостиную.

– Уже готово? – спросила она.

– Скоро, госпожа, – пообещала Роуэн. – Нужно еще несколько недель.

– Будет готово к моему возвращению. – И это был не вопрос, а приказ.

Роуэн кивнула.

– Должны зацвести еще несколько растений. Хотя бы первых деньков весны дожждаться.

Выходя из комнаты, Роуэн увидела, как Элис уходит по коридору, и отчетливо поняла, что та подслушивала. И ничуть не удивилась.

Утром в день отъезда Кэролайн Роуэн отложила щетку, которой отчищала оловянную посуду, и тыльной стороной ладони вытерла пот со лба. Руки дрожали от усилий. Не в первый раз она проклинала неряшливость предыдущей служанки, так как найденный в глубине шкафа оловянный сервиз выглядел так, будто его натирали сажей из камина. Она подняла кувшин перед собой, повертела так и эдак и решила, что ярче сиять он уже не будет. Склонив голову, она прислушалась к церковному колоколу, прозвонившему два раза. Если поторопится, успеет до темноты поискать необходимые травы. Весна еще ждала своего часа: хотя корни одуванчика можно было в изобилии

накопать вдоль топких тропинок за городом, молоденьких листьев малины, красноголовника и перечной мяты сыскать пока не удалось. Выйдя из дома, она прошла по главной улице, а потом свернула на тропу, ведущую к мельнице, помня, что видела там мать-и-мачеху, и надеясь, если повезет, найти ирисы и другие более нужные сейчас травы.

Она шла дальше, и полы плаща задевали дерн по краям тропинки. Впереди мелькнуло движение: просто тень в тусклом свете. Воображение? Человек или животное? Вновь встречаться с лисой ей не особенно хотелось. Роуэн нерешительно повернула, следуя изгибу тропинки, и увидела Томми. Он обернулся к Роуэн, улыбаясь уголком рта, дожидаясь, пока она подойдет.

– Роуэн.

– Ты знал, что я могу сюда прийти? – спросила она.

Вспыхнувший румянец был достаточным ответом.

– Все заказы доставил рано, – пояснил Томми с улыбкой, от которой на щеках появились ямочки. – А это мое любимое место, – добавил он, кивая на принесенную с собой удочку: ореховый прут с конским волосом и небольшим крючком на конце. – Форель здесь, у пруда, хороша. Только солнце сядет, как начинает клевать.

– Разве это не браконьерство? – с опаской уточнила Роуэн.

– Если да, то ты меня не видела, – покосившись на нее, решил Томми. – Ты тоже в эту сторону направляешься?

– Да.

– В таком случае пойдем вместе?

Легким шагом, бок о бок, они поднялись по невысокому склону, за которым уже виднелась водяная мельница. Колесо не крутилось, поток воды, приводящий его в движение, остановился: помол пшеницы на этот день уже закончили. Воздух еще оставался по-февральски холодным, но в кронах деревьев уже вили гнезда крошечные вьюрки и зяблики, выписывающие круги и чирикающие, а на западе бледным золотом растекалось солнце. От окружающего пейзажа веяло умиротворением, и Роуэн наслаждалась этим ощущением – когда можно просто уютно идти с кем-то рядом, в тишине.

Когда они дошли до мельницы, Томми устроился на берегу, достал из кармана извивающийся комок червей, насадил одного на крючок и забросил удочку.

Роуэн забрела подальше, к запруде, и вскоре целиком погрузилась в поиски: нашла крестовник обыкновенный, дикий чеснок и даже кустик бузины. И наконец под сенью высокого дуба увидела то, что так долго искала: свежий красноголовник, расцветший гораздо раньше, чем она ожидала. В отдалении зазвонил колокол, звук эхом донесся до реки через луг. Начали сгущаться сумерки, и Роуэн вернулась к Томми.

– Что у тебя там? – спросил он, когда Роуэн села рядом.

– Немного листочков, трав и тому подобное, – уклончиво отозвалась она. – Что-нибудь поймал?

Томми кивнул, указав на три блестящих коричневых форели на траве рядом. – Хочешь взять одну на ужин? – спросил он.

– Но что скажет Пруденс?

– Она-то точно знает, кто их поймал, – рассмеялся он.

– Тогда ладно, Томми Дин. Но нам уже пора возвращаться, – заметила она, взглянув на темнеющее небо.

– Точно. Еще пара минут.

Помолчав немного, они наблюдали, как дернулась удочка, и по воде разошлась рябь, растревожив зеркальную поверхность.

– Как тебе живется в доме торговца? – спросил Томми.

– Довольно хорошо, – ответила она. – Пруденс отнеслась ко мне со всей добротой. И госпожа тоже, хотя, боюсь, она не очень счастлива. – Роуэн знала, что о хозяевах сплетничать нельзя, а Томми она доверяла. – Но Элис... – Она не знала, как объяснить поведение Элис и не показаться при этом мелочной и злой. И вообще вторая горничная немного смягчилась по отношению к ней в последнее время, особенно после отъезда госпожи.

– Слышал, хозяину она нравится, – заметил Томми.

Роуэн не успела спросить, откуда он это знает, потому что стоило ей взглянуть на него, и перед мысленным взором промелькнуло видение: вот Томми целует ее, и его губы касаются ее губ. Ее никогда еще не целовали – не так, как в появившемся в воображении образе, и это вызвало совершенно новое чувство, одновременно озноба и пылающего жара.

Томми заметил ее взгляд и повернулся к Роуэн.

– Он... он тебя не беспокоит? То есть мой глаз? – спросила она вдруг.

– Не о чем тут беспокоиться, – ответил он.

Она улыбнулась. Поощряя.

И он, потянувшись к ней, мягко коснулся ее губ. Она ответила на поцелуй, наслаждаясь нежностью и сладостью, точно теплой от солнца земляникой. И она поняла, что вовсе не против разгоравшегося между ними огня и дрожи. Совсем не против.

Он неохотно отстранился.

Ее первый поцелуй. Это мгновение она запомнит навсегда.

– Пора возвращаться.

Она улыбнулась ему, греясь в сиянии такого нового для нее чувства, и они двинулись в обратный путь по верховой тропе в город. Дул восточный ветер, и ей показалось, что, запутываясь в ветвях, он будто поет его имя.

Когда Роуэн вернулась на кухню, Пруденс окинула форель подозрительным взглядом.

– Я знаю, откуда это, – сообщила она, тем не менее принимая рыбу.

– Мы встретились у мельницы, – как можно невиннее объяснила Роуэн. – Я собирала травы.

– Да уж наверняка, – фыркнула кухарка. – Только ты гляди, как бы в беду не попасть.

Роуэн вспыхнула от негодования:

– Я уже не глупая деревенская простушка, – ответила она. – И понимаю, что к чему. Всегда.

Это в самом деле было так. Она уже выглядела как усердная горничная из добропорядочной семьи и едва ли напоминала простую девушку, поступившую на службу несколько месяцев назад. Из серой ткани ей сшили хорошо сидящее платье, и несмотря на самый обычный цвет, носить его было очень приятно, особенно по сравнению с заплатанной одеждой, в которой она приехала. Для чепца Роуэн выбрала вишнево-красную ленту, уже при взгляде на которую поднималось настроение. Работу она свою выполняла быстро и качественно, с легкостью лавируя в рыночной толчее, торгуясь с лоточниками и ведя себя с недавно обретенной уверенностью. Уже не первый раз она мечтала о том, чтобы ее родители были живы и увидели способную молодую женщину, которой она стала. Даже ее взыскательная тетушка была бы довольна.

Пруденс склонила голову набок и рассмеялась, громко и от души, так, что Роуэн уже начала беспокоиться, что какой-нибудь прохожий услышит шум даже с улицы.

– Да, видать, так и есть, – вытирая слезы, произнесла наконец кухарка.

На следующий день Роуэн отважилась зайти к аптекарю, державшему лавку в конце главной улицы, противоположном от церкви, там, где мостовая уже уступала место утрамбованной грунтовой дороге. Она надеялась, что сможет купить у него сухие травы, необходимые для лекарства госпожи, так как время уже поджимало, а в окрестностях она их найти не могла. Ей нужна была болотная мята и дикий бадьян, и еще черная чемерица. Об этой последней травке она только слышала и никогда не видела вживую, так как рядом с Флоктоном ее не росло, но матушка описала все так подробно, что Роуэн чувствовала, что тут же узнает растение, как увидит.

В лавке аптекаря было сыро и сумрачно, свет едва пробивался сквозь небольшое низкое окно. Зажиточной эту часть города назвать было нельзя, здесь шелудивые собаки сбивались в стаи, а крысы безбоязненно перебегали дорогу прямо перед носом, но стоило Роуэн зайти внутрь, как она почувствовала себя дома, будто уже бывала там раньше. Даже запахи были знакомы: сильный аромат розмарина и лакрицы, чуть горьковатый – алоэ и имбирного корня окутали ее волной, и Роуэн стояла, разглядывая узкие полки, заставленные бутылочками и пузырьками янтарного и зеленого стекла. Под полками располагалось множество ящичков, где наверняка хранились всевозможные более сильные средства. Через весь магазин тянулся прилавок, на котором стояла внушительная, тяжелая на вид каменная ступка с пестиком, несколько небольших медных мисочек и чаш и лежала пухлая книга в кожаном переплете. Все выглядело одновременно непривычно и знакомо; некоторые предметы и склянки напоминали те, что использовала матушка, другие же были вовсе загадочными.

Кроме Роуэн в комнате никого не было. Она громко кашлянула, и через пару мгновений услышала, как в глубине здания открывается и

закрывается дверь, а потом чьи-то туфли медленно шаркают по каменному полу.

– Кто тут у нас? Уверен, мы прежде не встречались, – произнес появившийся из коридора мужчина. – Я бы непременно запомнил девушку с такими дивными волосами.

– Ой. – Роуэн поднесла руку к макушке, обнаружив, что капюшон плаща сполз до плеч.

Мужчина за прилавком был невысокого росточка, едва ли выше ее, с волосами почти такими же белыми, как у Роуэн, но уже скорее от возраста, так как лицо его было изрезано морщинами, кожа огрубела и свисала складками, трясясь и подрагивая, когда он говорил. Камзол его был роскошного болотного цвета, как мох в каком-нибудь гроте, и доходил ему до колен и даже ниже. Он в самом деле будто бы был сшит на мужчину куда крупнее, хотя и слегка натягивался в области выпирающего живота.

Роуэн так и смотрела на аптекаря, не сводя глаз – таким необычным он ей показался.

– Нет, нас не представляли друг другу, – ответила она. – Я из дома торговца шелком, госпожа Холландер отправила меня за травами. Я Роуэн Кэзвелл, сэр, горничная.

– Очень хорошо. Что вам угодно?

Роуэн перечислила свой список, и аптекарь начал доставать с полки коробочки и бутылочки, рыться в ящиках, а затем по очереди выкладывать требуемое на чашу латунных весов. Собрав все необходимое и завернув каждый ингредиент в бумагу, мужчина вновь взглянул на нее, и довольно пристально.

– Вы сказали, это для госпожи Холландер? – уточнил он, насыпая из одной баночки порошок на весы. – Надеюсь, вы знаете, что делаете.

Она кивнула.

– У меня уже есть кое-что из необходимого.

– Корень одуванчика? Крапива? Красноголовник?

Роуэн кивнула вновь.

– И как именно вы приобрели такие познания? – спросил аптекарь, неожиданно замерев и подозрительно нахмурившись, отчего морщины на лбу стали еще заметнее.

У Роуэн не было другого выбора, только сказать правду.

– Матушка научила меня, как составлять лечебные мази и настойки.

– Это не просто лечебная настойка.

– В самом деле, сэр? – приняв невинный вид, удивилась она.

– Это сильное лекарство. Надеюсь, она хорошо вас обучила.

– Очень хорошо, – ответила Роуэн, слегка вздрогнув под этим пронзительным взглядом.

– Значит, она была не из тех мест, иначе я бы точно знал ее. – Мужчина открыл книгу на прилавке и перелистнул страницы. Роуэн видела записи убористым почерком, с мерами и рисунками, и наклонилась, чтобы лучше видеть, хотя читала она не очень. Аптекаря, судя по всему, ее интерес ничуть не беспокоил, и он так и вел пальцем по странице, что-то бормоча себе под нос.

Закончив взвешивать все травы и сделав соответствующие пометки в той же книге, он передал Роуэн заказ, который она аккуратнейшим образом уложила в свою корзину. Попросив прислать счет на имя госпожи, Роуэн откланялась.

Но ее удовлетворение от того, что наконец удалось собрать все недостающие ингредиенты, длилось недолго. Стоило ей выйти на улицу, как к ней подошел незнакомый мужчина:

– Ведьма! – одними губами сказал он и тут же перешел на другую сторону улицы.

Потрясенная, она поспешила обратно, торопясь успеть до захода солнца, уже ускользающего за возвышающиеся над городом холмы, все это время коря себя за недостаточную осмотрительность в делах и что помогала всем без разбора. Она не могла позволить запятнать свою репутацию этим словом. А правильно ли она поступала сейчас, готовя снадобье для госпожи – снадобье гораздо сильнее, чем простая мазь или припарка. Вызвать новую жизнь, не колдовство ли это?

На кухню Роуэн вошла через черный ход. Элис сидела за столом, полируя небольшие украшения, вероятно, принадлежащие хозяйке дома, а Пруденс с закрытыми глазами откинулась на спинку стула у печи, поставив ноги на ведро для угля, и негромко храпела. Элис едва обратила на нее внимание, но Роуэн подошла ближе, и Пруденс зашевелилась.

– Тебя долго не было, – широко зевая, заметила она, поднимаясь.

– Прошу прощения, если заставила ждать, – ответила Роуэн. – Госпожа велела мне сходить к аптекарю, ей нужна мазь от обморожения.

Элис только подняла брови, услышав эту ложь, но ничего не сказала.

Роуэн знала, что Элис, скорее всего, догадывалась об ее настоящих намерениях, но чем меньше она скажет о том, какое именно лекарство должна приготовить, тем лучше. Она заметила, что Элис стала быстрее натирать брошь, которую держала в руках, словно хотела стереть что-то из действительности, но выражение ее лица оставалось, как и прежде, непроницаемым.

– Она прислала весточку, прибудет через неделю, – сообщила Пруденс. – Хозяин еще задержится.

Роуэн поставила корзинку на стол:

– Тогда у меня совсем мало времени.

Глава 16

Сейчас

Туман окутывал холмы подобно одеялу, клубясь вокруг Теи, бежавшей по тропинке прочь из города, скрывая все позади. Хорошо видно было едва ли на пару метров вперед, пришлось сбавить темп – ей не хотелось споткнуться о незамеченный камень и потянуть лодыжку. Накануне в учительской Клэр упоминала, что эта тропа была ее любимым маршрутом для бега:

– Ведет до самого Саммерборна, ближайшей к Оксли деревне. Всего пара километров туда и обратно, но очень живописно. И паб хороший.

Когда Тея пустилась в путь, рассвет едва занялся, морозный воздух щипал нос и уши, но скоро она согрелась от быстрого бега, напугав рано проснувшегося кролика и тройку птиц, когда задела рукавом их ветку. Тропинка вела вдоль ручья, хотя за туманом его не было видно – только слышался шум воды сбоку. Показался Саммерборн. Тея тяжело дышала, легкие горели, так что она перешла на трусцу, рассматривая старые, покрытые мхом здания из красного кирпича: горстка домов, какие-то отдельно стоящие, другие рядами по три или четыре, сельский клуб и, как и обещала Клэр, симпатичный паб с соломенной крышей и белеными стенами. И хотя в некоторых окнах горел свет, вокруг было пугающе тихо: слишком рано для активного движения. Чуть дальше по улице перед ней предстала каменная церковь с остроконечной верхушкой и витражными стеклами нефа, и множество надгробий на церковном кладбище. Если не считать припаркованных кое-где на узкой улице машин, деревня выглядела так же, как, должно быть, и все прошедшие века, и Тея могла с легкостью представить – каково это, жить в таком месте в далеком прошлом. Знания человека о мире были так ограничены; тогда едва ли уезжали от родного дома больше чем на десяток километров за всю жизнь. И видеть, как прошлое соседствует с настоящим, как в этой деревушке, и было одной из причин, почему она стала изучать и преподавать

историю – попытаться узнать, что же произошло за минувшие столетия и что осталось от них.

Добежав до конца деревушки, где узкая улочка переходила в главную дорогу, Тея развернулась в обратном направлении. Вновь нырнув в туман, застилавший долину, она будто очутилась в мире призраков: облачка пара на выдохе сокращали и без того слабую видимость, а по мере приближения к реке белесая мгла вокруг становилась все гуще. С усилием вглядываясь вперед, она слышала шум бурлящего потока, представляя, как он пенится там, внизу.

Интересно, бегал ли по этой тропинке ее отец? Тея так и видела, как он следует тем же путем, что и она, каким-нибудь солнечным летним днем, возможно, останавливается искупаться в реке после матча в теннис на одном из школьных кортов, как раз недалеко отсюда. В памяти всплыли черно-белые фотографии в рамках, изображающие его в традиционной белой форме – они висели на стенах его кабинета дома, в Австралии. Сердце кольнуло печалью.

Погрузившись в свои мысли и в туман, Тея заметила приближавшуюся фигуру, только когда они почти столкнулись: она чуть не свалилась в канаву, когда кто-то толкнул ее плечом, и даже не разглядела кто – только красный всполох.

– Эй! – возмутилась она, но, потрясенно обернувшись, увидела только, как незнакомец исчезает из виду. Только через пару секунд она поняла, исходя из его комплекции, кто это был. Даже не соизволил остановиться! Да, туман, но он должен был заметить ее! Не мог же он так сильно задуматься... Такое поведение лишь укрепило ее мнение о заносчивом учителе физкультуры. Ничего, так или иначе она докопается до истины.

К тому моменту, как Тея добралась до дома торговца шелком, туман начал рассеиваться. С кухни доносились звуки готовящегося завтрака, отдаленное бормотание радиоприемника, плеск воды и смех девочек.

Стянув с себя толстовку, Тея поднялась в свою комнату и обнаружила, что дверь открыта. Она проверила замок, не сомневаясь, что запирала его перед пробежкой. Все вроде бы работало, исправно защелкиваясь – она проверила еще раз, и дверь осталась на своем

месте. Смутное подозрение заставляло задуматься: значило ли это, что у кого-то еще был ключ?

Тея решительно вошла в кабинет, осматриваясь, не пропало ли что, и тут же заметила несколько небольших кучек земли, возвышавшихся точно миниатюрные пирамидки между досками, там, где заканчивался ковер. Ей вспомнилось, как в детстве она видела нечто похожее, тогда муравьи забирались в щели, выбрасывая на поверхность горки песка и трухи, но здесь ничего подобного не было. В Англии водятся короеды? Тея пригляделась получше, обнаружив еще горку чуть дальше. Может, это термиты, сухая гниль – или что у них тут еще живет? А если так, значит ли это, что стены могут взять и рухнуть прямо на них, как карточный домик? Она прислонилась к стене и чуть не оступилась, ощутив, как та прогнулась под ее весом. Восстановив равновесие, Тея принялась ощупывать стены тщательнее, впервые заметив, что в углу доски едва заметно темнее от пола до того места, где карниз переходил в потолок. Она вновь надавила на стену, и та поддалась на пару миллиметров. Тея уже собиралась продолжить исследования, но тут зазвонил будильник, сообщая, что до завтрака осталось двадцать минут. Придется подождать. Включая душ в крошечной ванной, Тея напомнила себе, что здание простояло несколько веков, так что вряд ли собиралось обрушиться на нее прямо сейчас.

Глава 17

Сейчас

Открыв тяжелую дверь в библиотеку и войдя внутрь, Тея с трудом удержалась от восхищенного вздоха. Затененные стеллажи, занимавшие внушительных размеров зал с высокими потолками, были заставлены книгами, в том числе и в кожаных обложках, с потрескавшимися и вытертыми корешками, по виду того же возраста, что и школа.

В центре стояли длинные столы со старомодными зелеными лампами у каждого места, хотя в это солнечное утро нужды в них не было – свет лился из высокого арочного окна в конце зала. Единственный признак двадцать первого века – зарядные устройства с розетками, встречающиеся на столах.

В библиотеке никого не было, все ученики разошлись по аудиториям, и Тея планировала воспользоваться свободным временем до собственных уроков, начинавшихся после ланча.

Впрочем, она не собиралась заниматься исключительно учебными вопросами. И хотя нужно было посмотреть, что из библиотечного фонда подойдет для старших классов, Тее также не терпелось поискать среди книг что-нибудь об истории Дома шелка. Из головы не шли слова дамы Хикс о возрасте дома: ее внутренний историк живо заинтересовался прошлым особняка – кто его построил, кто жил, любил, рождался и умирал, радовался и плакал в этих стенах.

– Вы, должно быть, мисс Раст, – раздался звучный голос, и Тея удивленно обернулась к неожиданно появившемуся из-за стеллажей пожилому человеку. Внимание Теи привлекла веточка лаванды у него в петлице: она не думала, что кто-то еще носит такое, разве что на свадьбы.

– Впечатляет, – произнесла она, протягивая руку. – Боюсь, не имела удовольствия...

– Диккенс. Барнаби. Никакого отношения к писателю не имею, а жаль, – представился мужчина, пожимая ей руку. – И ничего

впечатляющего в этом нет, перед началом семестра приходит рассылка обо всех новых сотрудниках.

– Все ясно, – кивнула Тея, чувствуя себя довольно глупо.

– Чем могу помочь? – приветливо уточнил библиотекарь.

Тея рассказала о своих поисках, сообщив также об особом интересе к истории графства и отношении к женщинам:

– Главным образом обвинения в колдовстве, – добавила она. – Во время правления Стюартов и в Георгианскую эпоху.

– Очень любопытно, – внимательно выслушав ее, кивнул мужчина. – Начну с Дома шелка: он сменил много владельцев и ипостасей, полагаю, больше, чем любой другой дом на главной улице. До того, как его приобрел колледж, там размещался тематический роскошный отель, пансион, жилой дом... Также какое-то время он стоял заброшенным. Местное общество защиты старинных зданий возмутилось, когда колледж захотел купить особняк, но потерпело поражение. Колледж, как правило, выигрывает подобные споры, видите ли, он слишком важен для города, даже сейчас. Если верить местным слухам, нам он достался почти даром. А теперь, дайте-ка подумать...

Библиотекарь вновь скрылся за стеллажами, и Тея, помедлив, направилась следом.

– Итак... – донеслось с высокой, почти до потолка лестницы. Достав с верхней полки небольшой томик в обложке из зеленой кожи, он передал книгу Тее. – Может пролить свет на более раннюю историю Дома шелка.

Тея перевернула книгу и прочитала потускневшие, некогда золотые буквы на корешке: «Дом торговца шелком».

– Замечательно, спасибо!

– Только вам придется читать здесь. Редкие книги мы на руки не выдаем, школьные правила.

– Разумеется, – откликнулась Тея, сверившись с часами: до ланча оставался примерно час, а потом ее ждали ученики. Она открыла книгу на первой странице. Небольшая по размеру, напечатана она была на тонкой, точно папиросной, бумаге плотным, убористым шрифтом.

– Но я могу отложить ее для вас, если она понадобится снова.

– Определенно понадобится.

Дружелюбно кивнув ей, мистер Диккенс удалился, а Тея удобно устроилась за столом. Бережно пролистывая страницы, в конце книги она обнаружила сложенный кусочек плотной грубой ткани, спрятанный между последними страницами и переплетом. Тея с любопытством развернула пожелтевший от времени, местами покрытый плесенью фрагмент. Возможно, старинная закладка?

Внутри обнаружился еще один клочок ткани: узкая полоска, всего несколько сантиметров, вероятно, шелка. На некогда белом материале были вытканы пурпурные цветы и серебристая паутинка, а на самом краешке виднелись черные ножки насекомого. Тея провела пальцем по цветам. Может ли это быть примером изделий того самого торговца шелком? Неужели этот кусочек сохранился с того времени? Вполне возможно, решила она, особенно если книгу редко брали. В душе загорелся огонек радостного волнения: так история оживала перед ней. Не через договоры, коронации, битвы, а благодаря вот таким обыденным предметам, которыми люди могут восхищаться и через столетия, пусть и создатели их давно покинули этот мир.

Отложив ткань в сторону, Тея вернулась к началу. Время летело незаметно, а она прочитала только первую главу. Она начиналась с истории первого владельца дома, Патрика Холландера, который, во всяком случае, по словам автора книги, был преуспевающим торговцем шелком. После краткого описания его юности и переезда в Оксли после свадьбы с Кэролайн большое внимание уделялось строительству дома и особенностям сооружения. Перечислялись заказы кирпича, имена нанятых в Лондоне мастеров, которые клали полы и шиферную черепицу, привезенную из Уэльса, создание деревянных панелей для оформления гостиной, доставка первого в городе фортепьяно... список продолжался до бесконечности.

Время заканчивалось, и Тея пролиставала до середины книги, узнав, что почти двадцать лет спустя после постройки пожар уничтожил заднюю часть особняка. В огне погибла молодая девушка, служанка. Раздавшееся сбоку вежливое покашливание отвлекло Тею, и она подняла глаза на подошедшего библиотекаря.

– Мне вспомнилось, что в местном архиве в Уитлбери тоже могут быть бумаги об истории дома, если вам будет интересно.

Тея даже не сомневалась.

– О господи, – посмотрев на часы, она вздрогнула. – Мне уже пора, иначе опоздаю на ланч. – Вернув книгу мистеру Диккенсу, она подхватила блокнот и сумку. – Еще раз спасибо! – крикнула она на бегу, и дверь библиотеки захлопнулась.

По школьному календарю преподавательский состав обедал вместе раз в две недели по вторникам, отчет велся с начала семестра, и опоздания были неприемлемы. И все же Тея заблудилась, направившись сначала в общую столовую, где уже собрались ученики. Заглянув внутрь, она заметила, что девочки сидели вместе за одним столом, отдельно от мальчиков, и сделала себе мысленную пометку заняться этим вопросом потом. Они должны начать общаться, в этом и был смысл.

Когда Тея наконец добралась до преподавательской столовой в конце длинного коридора, все ждали только ее. Осталось всего одно свободное место, и она внутренне поморщилась, садясь рядом с Гаретом Поупом. Ну хотя бы Клэр оказалась напротив, через пару мест от нее. Скользя на свободное место, она повернулась к директору, который, убедившись, что все на месте, начал произносить молитву.

Пока подавали обед, Тея повернулась к своему соседу слева:

– Рано встали сегодня? – спросила она.

Во взгляде Гарета Поупа мелькнуло удивление, будто она ляпнула какую-то грубость, и Тея не могла избавиться от ощущения, что нажила себе врага, хотя и понятия не имела, по какой причине.

– Это меня вы чуть не сбили с ног сегодня на дорожке в Саммерборн, – пояснила она.

– Прошу прощения, – откликнулся он, передавая ей блюдо с сероватыми бобами. – Вы, должно быть, спутали меня с кем-то еще. Поверьте, этим утром я и близко не подходил к Саммерборну. Впрочем, туман был довольно густой, так что это мог быть кто угодно.

– Значит, я ошиблась, – признала Тея, покраснев, накладывая себе овощи. Неужели так начинается сумасшествие? Она мысленно пнула себя за это поспешное обвинение. В тот момент она не сомневалась в том, кого видела, но чем больше думала об этом, тем отчетливее понимала, что на самом деле толком не разглядела пробежавшего мимо мужчину. И он прав, туман действительно был густой.

Тея повернулась к коллеге справа, представилась, и вскоре у них завязалась оживленная дискуссия о достоинствах английской сборной

по крикету, которой через пару месяцев предстояло играть в Австралии в финальной серии игр. Брови собеседника поднялись в изумлении, когда она спокойно отстаивала свою точку зрения, зная не только о выбранных в команду австралийских игроках, но и об английских.

Детство Теи прошло под комментарии матчей от Ричи Бено, игрока в крикет и спортивного комментатора, под удар биты по мячу, взрывы аплодисментов, когда бэтсмен^[8] забивал шестерку; игры на заднем дворе и на пляже, где мама выступала в роли «хранителя воротцев», занимая позицию за калиткой бэтсмана, а Пип находилась в дальней части поля. А в день подарков, на второй день Рождества, все изнемогали от жары на мельбурнском крикетном стадионе. Каждый. Чертов. Год. Тея подозревала, что ее отец хотел бы иметь сыновей вместо дочерей – достаточно было услышать прозвища, которые он им дал: Тео и мистер Пип.

– О-о-о, голова младенца, – слышались шепотки с дальнего края стола. Повернувшись, Тея увидела в центре стола продолговатый противень с бледной комковатой массой, из которой вытекала пузырящаяся красная жидкость, точно искусственная кровь из фильма ужасов.

– Старички с ума сходят по хорошему пудингу. Пудинг с вареньем – пропитанный джемом бисквит на сале. Сытное и тяжелое блюдо. Сердечный приступ на тарелке, – пояснил Гарет, заметив ее шокированное выражение. – Не желаете кусочек?

– Спасибо, пожалуй, воздержусь, – помотала головой Тея.

Глава 18

Сейчас

– Подожди меня!

Ярко одетую женщину нельзя было не заметить. Она напоминала Тее осеннее дерево, оранжево-красный листопад: развевающееся платье своими бордовыми и темно-оранжевыми оттенками было как смесь шафрана и шелковицы, вместе с медными браслетами создавая довольно радостную картину. Тея остановилась у входа в школу, дожидаясь Клэр, которая бежала к ней, звеня украшениями на запястьях. Для разнообразия в этот день опаздывала не Тея. Суммарный эффект постоянно срабатывающего будильника, который Тея уже пару раз подумывала запустить через всю комнату, как летающую тарелку, и ежедневное сопровождение девочек в школу привело к тому, что она оказалась там, где и должна быть, еще и за несколько минут до нужного времени, причем чуть ли не впервые в жизни.

Ее отец, конечно же, был ярым приверженцем графиков и расписаний, и вечные опоздания Теи его неизменно разочаровывали. Она старалась изо всех сил, уже много лет как переведя часы на десять минут назад, но по каким-то причинам ей никак не удавалось добиться его одобрения и соответствовать его высоким стандартам пунктуальности. Как его, должно быть, позабавило бы, что именно Оксли наконец приучил ее везде быть вовремя.

– Ты же свободна в субботу вечером? – спросила Клэр, наконец догнав ее.

– Вообще-то я думала просто побыть у себя, неделя выдалась та еще. А что?

– В начале семестра всегда так, а новеньким еще тяжелее, но никаких сидений дома. Недалеко от Литтл Колдуэлл устраивают вечеринку.

– Где?

– Все забываю, что ты еще не знаешь здешние места. Это километров в пятнадцать к северу от Оксли. В любом случае будет весело. Приятель моего друга живет там, его вечеринки знамениты на всю округу, ты просто не можешь это пропустить. Тебе не мешает ненадолго выбраться из колледжа. Хотя бы увидишь, что здесь есть не только учебники, прыщавые мальчишки – и девчонки – и задиристые физкультурники, – широко улыбнулась Клэр.

– Так заметно?

– Он так завелся, потому что ты обставила его в хоккей, во всяком случае, в учительской прошел слушок.

Они обменялись улыбками, и Клэр поспешила на свой первый урок, а Тея направилась в библиотеку по бодрящему осеннему холодку, шурша устилавшими гравийную дорожку листьями и наслаждаясь свежим воздухом. Незнакомая обстановка и школа, новая работа, ученицы, за которых она отвечала – все это занимало все мысли Теи настолько, что она даже не заметила смену времен года. И жизнь в Австралии казалась теперь такой далекой. Хотя кое-что все же осталось с ней и давило сильнее, чем она была готова признать.

Барнаби Диккенс, библиотекарь, явно не ожидал ее увидеть.

– Вы так скоро вернулись? – удивился он, брови поднялись над очками с толстыми стеклами. В этот раз цветок в его петлице был лилово-черным. – Чемерица, – пояснил он, проследив за ее взглядом. – Прекрасный цветок, правда? Хоть и ядовитый.

Тея кивнула.

– Решила еще раз взять ту книгу про Дом шелка.

– Да, разумеется. – Он поспешил к стеллажу, а Тея тем временем огляделась, любуясь библиотекой, волной света, льющейся из окон, освещавшей одни полки и погружая в тени другие. Все здесь дышало историей. Сначала сюда приходил ее отец, а теперь она сама.

– Очень странно, – взволнованно объявил вернувшийся мистер Диккенс. – В самом деле очень странно...

– Что случилось?

– Ее там нет. Той книги. Готов поклясться, вчера сам поставил ее на место.

– Боюсь, я не понимаю: как она могла пропасть? – Тея постаралась ничем не выдать своего разочарования.

– Будь я проклят, если знаю. Спрошу помощника, кроме нас двоих здесь больше никого не было.

– А у вас нет цифровой системы? – спросила Тея, кивнув на компьютер на рабочем столе. – Может, там есть отметка?

– Да, да, конечно. Минутку...

Он обошел стол и нажал несколько клавиш.

– Давайте-ка проверим... О. Здесь сказано, что книгу взяли.

– Но мне казалось, вы говорили, что ее нельзя выносить из зала, – напомнила Тея.

– Я обязательно все выясню.

– Так кто же взял ее?

– Боюсь, я не вправе сообщать.

Тея вздохнула:

– А есть что-нибудь еще об истории дома?

Мистер Диккенс покачал головой:

– Можете попробовать обратиться в городскую библиотеку. И в архив, как я уже упоминал.

– Хорошо, благодарю вас, так и сделаю.

– Я обязательно сообщу вам, как только книгу вернут.

Расстроенная, Тея отошла к стеллажам с трудами об Англии Георгианской эпохи. Ее впечатлила обширность материала по ее теме, и она с радостью обнаружила среди работ несколько таких, которые считала основополагающими для своих изысканий. Пройдя еще дальше в лабиринт стеллажей, она забралась на лестницу к полкам повыше, где размещались старинные издания. Она уже потянулась за одним, показавшимся ей наиболее интересным, когда внизу неожиданно возник мистер Диккенс.

– Мисс Раст, думаю, вас может это заинтересовать, – произнес он, протягивая ей книгу, будто в качестве извинения. – Принимая во внимание область ваших исследований... Колдовство и гонения на ведьм, не так ли? В шестнадцатом и семнадцатом веках в Англии?

Тея спустилась вниз и заинтригованно взяла в руки небольшой том в кожаном переплете. «Легенда о сестрах Хандсель».

– Спасибо, – поблагодарила она, рассматривая линогравюру на обложке: четыре скрюченных переплетенных дерева. – Спасибо большое, мистер Диккенс.

Найдя себе местечко, она вскоре с головой погрузилась в историю, которая, как она со все нарастающим восторгом понимала, может оказаться невероятно ценной для ее работы. В конце книги ее взгляд упал на раздел дополнений и приложений, и сердце забилося чаще. Там приводился список имен женщин, с десятков или больше, вместе с датами, охватывающими почти три сотни лет, от начала шестнадцатого века и до конца восемнадцатого, и названиями мест. Все женщины были из Уилтшира и одна из Оксли: Роуэн Кэзвелл, горничная в доме торговца. Тея уставилась на страницу, не веря своим глазам. Стоявшая рядом дата – всего через несколько лет после строительства дома!

И хотя в списке это прямо не говорилось, Тея предположила, что этих женщин, живших в окрестностях, также обвиняли или признали виновными в колдовстве. В воображении сразу же закрутились безумные теории, и Тею пробрала дрожь. Ей пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, чтобы успокоиться. Вдруг здесь скрывается разгадка или подсказка о том, что происходит в доме? Ощущение беспокойства, не отпускающее Тею, стоит только ей остаться там одной? Она вновь посмотрела на список. Кто же эта Роуэн Кэзвелл?

Тея все еще размышляла об этом, когда у плеча раздалось сдержанное покашливание.

– Мисс Раст?

– Да?

– Знаете, я ведь преподавал у вашего отца, – произнес библиотекарь.

Тея замешкалась.

– Я не думала, что кто-то из учителей еще остался здесь, – наконец сказала она.

– Вообще-то парочка есть. Мы все были очень огорчены, узнав новости... – Откашлявшись, он продолжил: – Он был прекрасным учеником, отличником.

– Мне очень приятно это слышать, – поблагодарила Тея. – Он всегда отзывался об Оксли с большой теплотой.

– Взял на себя смелость принести несколько старых фотографий. – Мистер Диккенс протянул ей внушительный альбом, также в кожаной обложке. – Снимки того времени.

Тея заметила, что он оставил закладки в некоторых местах.

– Ваш отец играл практически во всех командах школы – очень одаренный спортсмен.

Тея открыла альбом на первой отмеченной страничке и чуть не ахнула вслух. Команда по крикету, все со сложенными на груди руками, стоят рядами в белых мешковатых брюках и свитерах с V-образным вырезом. На переднем плане скрещена пара бит. Она сразу же узнала своего отца, стоящего позади: волнистые волосы, упрямый подбородок и кривая улыбка. Это благодаря Оксли у него появилась такая незыблемая уверенность в себе? Несмотря ни на что, она остро ощутила боль потери и пожалела, что в свое время недостаточно старалась понять его. Как бы ей хотелось провести с ним хотя бы еще день, всего один день.

Глава 19

Февраль, 1769 год, Лондон

Долгие две недели спустя после отправки эскизов Мэри начала беспокоиться. Она ожидала, что к этому времени уже получит ответ, какое-то указание от своего заказчика, и теперь уже предполагала самое худшее, что Патрик Холландер передумал и уже не считал, что у нее «врожденный дар» (именно так он тогда и сказал, и слова эти эхом звучали у нее в ушах, поддерживая все это время).

Жестокие морозы самого тяжелого месяца принесли снегопады и ледяной дождь, ночные горшки под утро покрывались наледью, а уголь для каминов удавалось достать с большим трудом. Мэри чувствовала все возрастающее отчаяние. Как она вообще могла вообразить, что все их трудности остались позади? При мысли о собственной доверчивости ей делалось дурно. И она не могла заставить себя заговорить об этом с сестрой.

Как-то раз по дороге на рынок она заметила мелькнувший в толпе переливчато-синий, как павлиний хвост, камзол и перевязанные лентой волнистые волосы. Она поспешила к мужчине, но вскоре потеряла его из виду в толчее. Мэри сказала себе, что просто вообразила сходство.

В конце месяца Мэри завернула к дому на Спитал-сквер, поднялась на чердак, в ткацкую комнату, узнать, вдруг Гай Ле Мэтр получал весточку.

– Но вы же работали с ним прежде? – спросила она, пытаясь перекричать стоящий в помещении шум и стук множества челноков.

Гай пожал плечами с галльской невозмутимостью.

– Не тревожьтесь. Возможно, почта запаздывает, – кивнул он в сторону видневшегося из окна серого неба. – Погода...

Он был прав: за снегопадами на город обрушились сильные ливни, оставляя на улицах утонувших крыс и глубокие лужи, поджидающие незадачливых путников. Возможно, непогода бушевала не только в Лондоне, но и по всей округе. Мэри постаралась убедить

себя, что именно в этом причина задержки. Натянув на голову капюшон плаща, она вернулась домой, ждать дальше.

По дороге ее разочарование превратилось в гнев. Как посмел этот Патрик Холландер дать ей надежду, а затем просто исчезнуть? Он будто стал привидением, зыбким, как утренний туман, плодом ее воображения. Пока она шла по улице, изо всех чердачных окон практически каждого дома в Спиталфилдс доносился рокот станков, и ни один из них не использовал ее эскизы и цвета.

На следующий день пришел долгожданный ответ.

Мэри только успела закончить завтрак, как раздался громкий стук в дверь. Увидев гостя, она не могла скрыть изумления: перед ней стоял Патрик Холландер, в точности такой же, как она его запомнила, с улыбкой человека, уверенного в теплом приеме, куда бы он ни пошел.

– Я было решила, что вы – фантом, ведь с нашей встречи в прошлом году вестей от вас не было, – холодно приветствовала его Мэри. – Надеюсь, обычно вы не так ведете дела? – пронзив его суровым взглядом, она уже приготовилась пуститься в описание своих горестей, успев отрепетировать речь за долгие длинные ночи, коих прошло немало.

Он поднял руку, останавливая ее.

– Мадам, – перебил он. – Мне в самом деле искренне жаль. Я был занят другими неотложными делами, которые не позволили мне связаться с вами прежде. Из-за серьезной болезни моей бедной матушки я никак не мог отлучиться из опасений, что она скончается в мое отсутствие, – с грустью объяснил Патрик Холландер. – Боюсь, я вопиющим образом пренебрег своими обязанностями по отношению к вам, но искренне надеюсь, что вы поймете мое безвыходное положение.

Прежнего негодования Мэри уже не испытывала; едва ли она могла критиковать человека, заботящегося о своей матери.

– Полагаю, ей уже лучше? – вежливо осведомилась она, подавив раздражение.

– К сожалению, мы похоронили ее две недели назад. – Мэри заметила, как он сжал зубы, и сердце ее смягчилось.

– Мои искренние соболезнования, мистер Холландер.

– Она отошла в мир иной без мучений. – Ее гость посмотрел по сторонам, будто боясь ненужных ушей. – Возможно, мы могли бы

продолжить беседу в доме? Как я уже упоминал, мисс Стивенсон, я очарован вашей работой и очень надеюсь, что вы согласитесь работать на меня, несмотря на эту непредвиденную задержку.

Мэри окинула его испытующим взглядом. Не ошиблась ли она, решив ему довериться?

Когда вернулась Фрэнсис, Мэри протянула ей записку.

– Ну же, прочти, – попросила она.

– «Два рисунка с узором из полевых цветов получены и одобрены. Данным документом я уполномочиваю Мэри-Луизу Стивенсон передать шаблоны мистеру Гаю Ле Мэтру для изготовления пятидесяти элей^[9] каждого узора. Искренне ваш, Патрик Холландер».

– Я зря сомневалась в нем, – с облегчением воскликнула Мэри. – Не далее как сегодня утром он приходил сам.

Фрэнсис подняла брови, но промолчала, выслушав рассказ Мэри о причинах его молчания. Прочитав записку, она нахмурилась:

– Почему же он сам не передал это поручение мистеру Ле Мэтру?

– Торопился на почтовую карету до Оксли, у него и минуты после нашей встречи не было. Ему нужно как можно скорее восстановить торговлю, и нанести личный визит он не успевал.

– Тут всего минут десять ходьбы.

Мэри вздохнула:

– Пойду к нему, отнесу схемы. – Взяв те первые рисунки с описанием для станка, которые она оставила себе, Мэри, полная радостных надежд, дошла до мастерской ткача. Но не успела она показать письмо, как Гай нахмурился.

– Я должен кормить семью и платить подмастерьям. И как же вы думаете я смогу это сделать, если сам буду работать без денег?

– Но мистер Холландер же об этом позаботится?

Гай только вздохнул:

– Прошлый счет он не оплатил. И тот, что был до этого – тоже. Я не могу и дальше работать на него, пока он не заплатит по счетам. Деньги вперед и долг тоже. – Гай решительно стоял на своем.

– Сколько?

Он назвал сумму, и все надежды Мэри растворились как дым.

С большим трудом она смогла рассказать сестре о новой проблеме.

– Не могу описать, как я разочарована! – Мэри была в ярости. – Ведь только прошлой весной ткань с узором из подснежников и плюща выбрала сама герцогиня Портлендская, – возмущалась она. – Уверена, что и мои цветы захотят приобрести многие знатные дамы и господа.

Сестра с грустью наблюдала за ней, а затем призадумалась.

– Возможно, есть иной способ.

– Какой же?

– Коннор О’Нил.

Мэри никогда не слышала этого имени.

– Он когда-то служил подмастерьем, из тех, кого нанимали на конкретные заказы, Сэмюель был с ним знаком. Его считали резчиком.

– Резчиком?

– Пару лет назад, ты еще тогда не приехала, несколько подмастерьев срезали шелк со станков ткачей, уничтожая недели работы. Так они протестовали против несправедливой оплаты их труда. Как-то ночью они срезали шелк с пятидесяти станков. Воздух содрогался от выстрелов, нам пришлось забаррикадироваться в доме. Я всерьез опасалась за наши жизни. Если нынешние слухи правдивы, подобное может повториться.

Мэри в недоумении смотрела на нее.

– И что же случилось с Коннором О’Нилом?

– Он пропал.

– В таком случае не понимаю, как это может нам помочь, – вздохнула Мэри. Ее сестра говорила загадками. – В любом случае, как можно ожидать, что ткач будет работать просто так? – спросила она. В этом была главная беда: у них не было лишних денег, чтобы оплатить все самим.

– Если мы сможем найти его, возможно, он согласится взяться за работу за весьма приемлемую плату.

– Как так?

– Когда против него выдвинули обвинения, все отказались с ним работать, но Сэмюель в это не верил и время от времени передавал ему заказы – их хватало, чтобы спасти его с женой от рабочего дома, а их детей от приюта.

– Однако это не меняет того, что нам самим почти не на что жить, не говоря уже о покупке шелка, – заметила Мэри.

– Здесь ты ошибаешься, сестра, – загадочно улыбнулась Фрэнсис. – У меня есть деньги, чтобы соткать двадцать ярдов шелка по той цене, с которой, как я считаю, мистер О’Нил согласится.

– Что? Как?

Фрэнсис замешкалась.

– Ожерелье матушки, – призналась она.

– Нет! – воскликнула Мэри, потрясенная подобным предложением. – Ты не можешь его продать!

– Слишком поздно. Я уже отнесла его в заклад. – Фрэнсис показала сестре банкноты. – Ростовщик был очень доволен.

Мэри ахнула.

– Но как ты узнала, что мистеру Ле Мэтру не заплатили?

– Признаюсь, об этом я не догадывалась. К тому времени я уже договорилась о сделке. А как, по твоему мнению, мы выживали последние месяцы? У него уже лежат мои часы и обручальное кольцо.

– О нет, – выдохнула Мэри, посмотрев на руки сестры. – Почему ты мне раньше не рассказала?

– А что бы это изменило? Не беспокойся об этом. Если все сложится удачно, мы скоро выкупим их.

– Тогда мешкать нельзя, – решительно заявила Мэри. – Где найти этого мистера О’Нила?

– Я осторожно поспрашиваю. Предоставь это мне.

Кусочек луны с ноготок еще виднелся высоко в небе в окружении горстки бледнеющих звезд, когда Мэри с Фрэнсис следующим утром пустились в путь. Путь их пролегал мимо рынка на Брик-Лейн, на север, по только что вымощенной оживленной улице до ее соединения с Грейт Бэкон-стрит. Оттуда сестра повела Мэри узкими улочками в глубь квартала, пока они не дошли до задворок приземистых кирпичных домиков. Размокшая глина скользила под ногами, вся местность казалась совершенно заброшенной и унылой в сером утреннем свете.

– Кажется, этот дом, – кивнула Фрэнсис на дальнее строение, поднимая юбки повыше и перешагивая через земляную насыпь.

Мэри шла следом, увязая в глине и морщась, периодически оглядываясь по сторонам – убедиться, что они здесь одни.

В эти места она прежде не заходила, и жутковатая тишина после стука и трещания станков в Спиталфилдс вызывала тревогу.

– Надеюсь, ты права, – произнесла она, заметив двух мальчишек, сидящих на кирпичной стене за одним из домов. Их босые ноги почернели от грязи, лохматых голов расческа, судя по всему, в жизни не касалась, а одежда была неопределенно серого цвета никогда не стиранный ткани. При приближении Мэри и Фрэнсис они спрыгнули со стены и исчезли в доме через черный ход, хлопнув дверью.

Мэри вздрогнула от резкого звука, чуть не уронив сумочку с эскизами. Пока она возилась со своими вещами, дверь вновь открылась, и из дома донеслось мелодичное чириканье. Коноплянка, решила Мэри. Некоторые ткачи держали их в клетках на чердаках, но из-за стоявшего вокруг шума станков на Спитал-сквер и в окрестностях редко когда удавалось услышать пение. Здесь же было тише: не стучал ни один челнок.

– Кто там? – крикнул женский голос.

– Фрэнсис Уайкрофт. Вдова Сэмюеля. Я пришла с сестрой, Мэри Стивенсон.

После краткого молчания женщина вновь заговорила, в этот раз тише, и Мэри пришлось прислушаться, чтобы различить слова:

– Лучше вам зайти, хватит привлекать к себе внимание. Да поживее.

Они поспешили к дому, а войдя, оказались в узком коридоре, ведущем в крохотную плохо освещенную комнату. Пол был устлан старым тростником, посеревшим от засохшей грязи, в очаге едва теплились угольки. Комнату наполнял запах вареной капусты. Женщина выглядела пожилой, с запавшими щеками и редеющими волосами, но на бедре у нее сидел ребенок, совсем малыш, едва начавший ходить. Дети постарше сгрудились в другом углу комнаты, разглядывая гостей во все глаза.

– Мы надеялись поговорить с мистером О’Нилом, – произнесла Фрэнсис.

Женщина только усмехнулась:

– Что ж, вам не повезло, так как он вот уже несколько месяцев не считает нужным здесь показываться. Его ищут, вы разве не знали? – С безрадостным смешком женщина подхватила со стола тряпку и вытерла малышу нос.

– И, полагаю, вы не представляете, где он может находиться? – с упавшим сердцем уточнила Мэри. Похоже, все было безнадежно.

Женщина взглянула на нее как на городскую сумасшедшую, и Мэри неловко переступила с ноги на ногу:

– Конечно же нет, – пробормотала она. – Мне так жаль... – Она остановилась, не зная, что еще можно сказать в данных обстоятельствах. – Мы надеялись предложить ему работу.

– Вот как? – Голос женщины стал более приветливым. – Что ж, не он один в этом доме умеет ткать.

До Мэри не сразу дошел смысл слов, но потом она поняла:

– О, разумеется. Конечно, миссис О'Нил. – Некоторые работники учили своих жен ткать, в основном простые узоры, и порой ставили на чердаке сразу два-три станка, а в случае необходимости могли также привлечь к работе и старших детей.

– Почему вы пришли сюда? Почему не обратились к ткачам на Спитал-сквер?

– У нас безвыходная ситуация, – признала Мэри, а затем рассказала их историю.

Женщина кивнула:

– Зовите меня Бриджет. Итак... – Она передала ребенка одному из детей постарше и расчистила место на столе. – Покажите узор.

Мэри вытащила из сумочки бумаги и аккуратно разложила их, а потом отошла, уступая место Бриджет.

Женщина прикусила губу, вглядываясь в рисунки и что-то бормоча себе под нос, а затем обратилась к не сводящей с нее глаз Мэри:

– Не могу сказать, что когда-либо видела нечто похожее. Настоящий сад смерти, – заметила она, указывая на шаблон, втягивая воздух с присвистом из-за отсутствующих зубов.

– Это белладонна, – как само собой разумеющееся пояснила Мэри.

– Она самая. – Бриджет вернулась к изучению схемы с точками для станка. Мэри ждала, что она укажет на очевидные ошибки новичка, неправильные линии, так как она, хотя и перепроверила все несколько раз, все равно боялась, что пропустила какую-то мелочь, которую наметанный взгляд тут же заметит.

– Вы сами составили узор? – прищурившись, спросила Бриджет.

– Разумеется, – ответила Мэри. – Но мне его заказал торговец. Патрик Холландер из Оксли. Я должна буду отправить готовую ткань ему.

Услышав имя, женщина вздрогнула.

– Возможно, вы его знаете? – спросила Мэри.

– Думаю, муж упоминал его имя раз или два, – ответила Бриджет. – Не более того.

Мэри взглянула на сестру. Фрэнсис тоже показалось, что Бриджет О’Нил знает больше, чем говорит?

– Довольно необычно, что художник обращается к ткачу напрямую, не так ли? – спросила Бриджет, но тут захныкал ребенок, спасая Мэри от объяснений. Женщина забрала малыша у дочери, качая и убаюкивая его, по-прежнему не отводя взгляда от бумаг на столе. Наконец она повернулась к гостям: – Я могу это выткать. И если повезет... – Она разразилась смехом, перешедшим в сухой кашель. – Смогу начать прямо сегодня. Томас перенесет узор с шаблона на ткань ничуть не хуже других подмастерьев.

Мальчик повыше торжественно кивнул.

Мэри не могла поверить своим ушам. Кто-то в самом деле собирался выткать шелк с ее узором! Эмоции переполняли ее, она даже не обращала внимания, где находится, и не видела совершенно неприглядную и далекую от чистоты комнату, так как выбора у нее в любом случае не было.

– О, спасибо вам, спасибо! – искренне поблагодарила она. – Вот... – Мэри протянула женщине другой листок бумаги. – Здесь пояснения, чтобы проще было работать.

Бриджет, сощурившись, поднесла бумагу ближе к глазам, прочитала, а затем посмотрела на обеих женщин.

– Это я должна вас благодарить. Судя по узору, торговец получит по заслугам.

– Что вы имеете в виду? – не поняла Фрэнсис.

– Думаю, госпожа Стивенсон знает, о чем я, – усмехнулась Бриджет. – Теперь осталось договориться о цене.

– Что она имела в виду? – спросила Фрэнсис, как только они с Мэри вышли на улицу. – Мистер Холландер получит по заслугам?

– Понятия не имею. Но если она не уступает в таланте мужу, про которого ты рассказывала, тогда я должна быть просто благодарна за

ЭТОТ ШАНС.

Глава 20

Март, 1769 год, Оксли

Весть о скором возвращении Кэролайн Холландер оживила дом, стряхнув сонное зимнее оцепенение. Посыльные сновали туда и обратно, Пруденс готовила всевозможные блюда. Забегал и Томми, принес хороший кусок оленины, говяжий огузок и свиной окорок; при виде Роуэн он покраснел и широко улыбнулся ей. Они стали встречаться у реки по вечерам, когда Томми освобождался после работы в мясной лавке. Он ловил рыбу, а Роуэн собирала травы, каждый день с нетерпением ожидая этих встреч, подгоняя часы, чтобы скорее увидеться вновь. Хотя в этот раз они даже парой слов перекинуться не смогли – Томми выскользнул через черный ход, а Роуэн не смогла придумать причину его задержать.

Она разожгла камин в комнатах внизу и проветрила спальни на верхних этажах, широко распахнув ставни и подняв окна.

Большая часть дома не использовалась без малого месяц, и по помещениям расползлась сырость. И хотя все кровати были заново заправлены несколько недель назад, Роуэн проветривала стеганные покрывала и взбивала одеяла на гусином пуху, пока они вновь не стали легкими и воздушными.

Пруденс, стоя за кухонным столом по локоть в муке, уже поставила вариться говядину и принялась за пироги и сладости. Коническая сахарная голова сверкала в солнечных лучах, у окна поблескивали глянцевыми боками мелкие черные сливы, точно темные драгоценности.

– Не хочу вам мешать, но, может, я могла бы закончить ле... свою мазь? – спросила Роуэн, вовремя прикусив язык. – Мне не надо много места.

– Лучше делай все, что нужно, в прачечной, – возразила Пруденс, вымешивая тесто. – Здесь места нет. – Обычно приветливая, сейчас кухарка вела себя довольно резко, полностью сосредоточившись на корочке пирога.

– Конечно. Не смею больше мешать. – Роуэн выскользнула из комнаты.

Перво-наперво она хорошенько отмыла руки и лицо от сажи и расчистила себе место на высоком столе у окна, выходящего в сад. Роуэн вспомнила тот день, когда матушка обучала ее, как готовить именно это снадобье: немногим замужним женщинам в деревне оно могло понадобиться, но однажды пришла богатая дама, госпожа одной из горничных. Та дама заплатила, и заплатила щедро, но как Роуэн ни старалась – не могла припомнить, принесло ли средство желаемый эффект.

Как и ее матушка, она за несколько дней поставила настаиваться в уксусе крапиву, бутоны красноголовника и корни одуванчика, а теперь, найдя отрез муслина, процедила жидкость в стеклянную бутылку. К ней она добавила тщательно отмеренные травы и порошки из аптекарской лавки и закупорила емкость. Она думала сама попробовать, но оклик из кухни отвлек ее, и Роуэн поспешила к выходу, до этого успев отставить бутылку на подоконник, от греха подальше. Но уже в дверях она столкнулась с Элис.

– Думаешь, я не знаю, что у тебя на уме, – процедила она.

– Прошу прощения?

– Это никакая не мазь от обморожения. Интересно, что хозяин на это скажет? – прищурившись, Элис скрестила руки на груди. – Ты же знаешь, что он думает о колдовстве и тому подобном.

Роуэн уже была сыта по горло. Она не позволит больше себя запугивать.

– Колдовстве, говоришь? – Роуэн сделала шаг навстречу, втискиваясь в узкий проем. – Интересно, что скажет госпожа, если узнает о том, как ты... близка с хозяином? Она и так уже что-то подозревает. Возможно, в колдовских чарах обвинят уже тебя?

Элис широко распахнула глаза, и Роуэн воспользовалась этим промедлением, спрятав бутылку в юбках и проскользнув мимо горничной через коридор на кухню. Сердце еще сильно колотилось из-за этого неожиданного противостояния, и Роуэн несколько раз глубоко вздохнула, успокаиваясь.

– Госпожа вернулась, – сообщила ей Пруденс, на секунду оторвавшись от раскатывания теста. – Хотела тебя видеть. Можешь отнести ей завтрак? Элис занимается багажом. – Пруденс указала на

стол, где на овальном подносе уже стоял готовый чайник с чашечкой китайского фарфора и молочник. – Что-то не так? – окинув ее подозрительным взглядом, уточнила кухарка.

– Нет, нет, все в полном порядке, – заверила ее Роуэн, спешно разглаживая фартук и заправляя под чепец выбившуюся прядь волос, чувствуя, как постепенно успокаивается сердце.

Войдя в комнату, она увидела хозяйку дома на кушетке перед камином.

– Надеюсь, вы довольны своей поездкой, госпожа? – осмелилась спросить Роуэн, поставив поднос на столик рядом.

– Спасибо, Роуэн, вполне. Ты принесла снадобье? – не тратя времени, спросила Кэролайн, показывая, что на самом деле занимало ее мысли все эти недели.

Роуэн была рада дать желаемый ответ:

– Да, госпожа.

– Очень хорошо.

– Его нужно принимать по чайной ложке дважды в день. Ни в коем случае не больше, – предупредила Роуэн, передавая ей бутылочку. – До тех пор, пока не выпьете все.

– В таком случае не забудь принести ложку.

– Разумеется, госпожа.

Роуэн уже повернулась к выходу, когда Кэролайн посмотрела ей в глаза с уже знакомым слегка тоскливым выражением:

– Будем надеяться, оно сработает.

Неделю спустя с улицы донеслось громкое «Тпру!», а вместе с ним цокот копыт и звон металла: у особняка остановилась карета с шестеркой лошадей. Роуэн, услышав оклик Пруденс, бросилась открывать дверь, но хозяин, даже не заметив ее, прошел мимо, сразу в магазин.

Те, кому она прислуживала, часто обращались с ней как с невидимкой, потому что слуги, как она уже поняла, должны наловчиться не попадаться господам на глаза, пока не позовут. А затем от них ждут, что они появятся, как по волшебству, и без промедления бросятся выполнять хозяйские поручения. И тем не менее она удивилась, что после столь долгого отсутствия хозяин не удостоил ее и приветствия. Даже Элис, поспешившей к двери вместе с Роуэн,

досталась только мимолетная улыбка, и Роуэн заметила, как горничная помрачнела, тут же отступив в тень ведущего в глубь дома коридора.

Патрика Холландера явно занимали другие мысли, так как, оказавшись в магазине, он принялся вытаскивать рулоны тканей с полки, смотреть их на свет, будто в поисках чего-то, а затем отшвыривать драгоценную материю куда придется, не заботясь, упадет ли она на прилавок или покатится по полу. Джеримая, обслуживающий покупательницу, казалось, сначала замер в страхе, но потом бросился подбирать отрезки, отряхивая их от пыли и пытаясь разложить обратно по местам. Женщина, которая ждала у прилавка, быстро прошла мимо Роуэн к выходу, один раз обернувшись с оскорбленным выражением. Роуэн осмелилась подойти ближе ко входу в магазин, гадая, что же вызвало подобные перемены в настроении хозяина.

– Оставь, Джеримая, не утруждайся, – крикнул Патрик. – Долой старое, мы начинаем заново!

В коридоре появилась Кэролайн, которая прошла мимо Роуэн, тоже едва обратив на нее внимание.

– Вы лишились рассудка, дорогой супруг? Что за переполох? – требовательно спросила Кэролайн.

– Отнюдь, моя дорогая, мир никогда не представал передо мной столь отчетливо. Мы больше не будем продавать ткани с теми же узорами, что и любой другой торговец отсюда до южного побережья, так как я нанял художника, который даст жизнь новому стилю. За нашими шелками будет бегать вся страна. Дамы в Бате будут прогуливаться в нарядах из ярких необычных тканей, ослепляя всех.

– Это превосходно, и я необычайно рада узнать, что ваша поездка в Лондон оказалась такой удачной, – откликнулась Кэролайн, коснувшись его предплечья успокаивающим жестом. – Но пока не придут эти новые ткани, что же мы будем продавать? Люди по-прежнему будут спрашивать хлопок и муслин, тонкое сукно и лен, вы же понимаете.

В глазах Патрика Холландера плясал маниакальный огонек.

– Простите мне мое рвение, – отозвался он, стряхивая ее руку. – Похоже, вы видите все не столь ясно, как я.

– Право слово, я вовсе не это имела в виду, – возразила она. – Лишь то, что прекращать работу так резко может оказаться не самым мудрым решением. Наши покупатели, которые здесь, к счастью, сейчас

не присутствуют, возможно, и не вернуться, когда у нас наконец появится ткань на продажу. Мы же не хотим, чтобы за своими покупками они направлялись к другим? Как ты считаешь, Джеримая?

– Нечестно впутывать его, моя дорогая. Но в ваших речах есть смысл, – угрюмо признал он. – Я нашел художника, равных которому нет нигде. А весь Лондон точно ослеп и не видит этого сокровища. Я единственный, у кого сохранилось зрение, кто знает ей цену. С ее узорами мы наживем состояние.

– Вы сказали «ее узорами»? – повторила Кэролайн.

– Ваша милая головка что, деревянная? – уже раздраженно отозвался хозяин. – Да, я сказал именно «ее».

Роуэн перехватила взгляд Джеримаи, тоже наблюдавшего за господами. Выглядел он озадаченным, будто хотел что-то сказать, но боялся. Возможно ли, что он знал больше о состоянии дел в магазине и доходах, чем их хозяин был готов поведать?

Роуэн сочла это вполне вероятным.

– Надеюсь, вы знаете, что делаете, – наконец произнесла Кэролайн.

– Ради всего святого, госпожа. Оставьте мне право вести мои же дела, – отрезал он. – Вам не о чем беспокоиться.

– Прекрасно, – произнесла Кэролайн, и Роуэн расслышала в голосе горечь.

Но, проходя мимо магазина в следующий раз, Роуэн увидела, что все отрезки ткани вернулись на свои места, а любые следы дикого помешательства их хозяина исчезли.

Несколько недель спустя после возвращения госпожи, одним холодным ясным утром Роуэн вошла в гостиную, где Кэролайн сидела в одиночестве, и увидела, что хлеб с копченой грудинкой так и стоит нетронутым на столе, а сама госпожа отодвинулась от стола как можно дальше, положив руки на расшитый шелком корсаж платья внизу живота.

– Госпожа, завтрак пришелся вам не по вкусу? – спросила Роуэн, собирая приборы.

Кэролайн покачала головой, и Роуэн внимательнее посмотрела на нее, заметив, что кожа хозяйки гораздо бледнее обычного и вид изможденный.

– Вам нездоровится? – забеспокоилась она.

Кэролайн собиралась что-то ответить, губы задвигались, не издав ни звука, но потом лицо ее сделалось белее снега, и она соскользнула со стула, мешком рухнув на пол. Юбки воланами вздулись вокруг, точно грибы-дождевики.

– Элис! – крикнула Роуэн, обхватив хозяйку за плечи, сию секунду приподнять ее. – Элис, скорее!

Она осмелилась похлопать женщину по лицу, очень аккуратно, пытаясь привести ее в чувство, но без толку. Спустя целую вечность, которая в реальности наверняка была всего лишь минутами, она услышала шаги.

– Что? – спросила Элис, появившись в дверях с метлой в руке, которая в следующую секунду со стуком упала на пол. – Чем ты ее заколдовала? Это то лекарство? Я знала, что оно плохое! – воскликнула она. – Ты отравила ее. Ты ее убила!

– Не мели чепухи! – упрекнула ее Роуэн, точно девушка была одной из ее братьев. – Она просто упала в обморок, ты разве не видишь? – Во всяком случае, Роуэн надеялась, что не ошиблась. – Помоги мне отнести ее в малую гостиную, там уложим ее на кушетку и ослабим шнуровку. Возьми ее за ноги, сможешь?

Вместе они полудонесли, полуоттащили свою госпожу по коридору.

– Пойду за хозяином, – решила Роуэн, когда они наконец устроили Кэролайн на кушетке и подложили под голову подушку. Элис начала расшнуровывать корсаж, ослабляя давящие косточки корсета, но тут раздались тяжелые шаги по ступенькам.

– В чем дело? Что за тарарам, из магазина слышно! Обязательно так шуметь? Кэролайн? Роуэн? Элис?

Обе горничные смотрели себе под ноги, не поднимая головы.

Глава 21

Сейчас

Вечером субботы Тея лежала на кровати и читала. Снизу доносились разговоры и смех девушек, звучала музыка, в других комнатах играли на фортепьяно и скрипке, раздавались неподдающиеся объяснению звуки, глухой стук, визг и топот шагов по лестнице. Девушки быстро привыкли к новой обстановке, более того, Тея едва могла поверить, что они провели в школе всего неделю, и почти все, к ее радости, записались в поход, который она запланировала на следующий день.

В семье Теи воскресенья всегда оставляли для долгих прогулок по побережью полуострова Морнингтон или по продуваемым всеми ветрами берегам и утесам Македонских хребтов, даже в дождь и непогоду. Мама обычно собирала с собой еду и термос: зимой с горячим шоколадом, а летом – с ароматным апельсиновым лимонадом, и все вчетвером они проходили километр за километром, стараясь поспеть за отцом, быстро становившимся темным пятнышком на горизонте, с его-то энергичным шагом. Взрослея, Тея и Пип часто ворчали, упираясь и залезая в машину с большой неохотой, так как предпочли бы провести выходной за книгой, фильмом или прогулкой с друзьями. Воспоминания сгладились со временем, и теперь Тея думала о том времени почти с нежностью. Она помнила, как мама предлагала остановиться на ланч, а отец настаивал, что им еще долго идти и привал будет далеко за полдень. Помнила, как, изрядно проголодавшиеся, они доставали из рюкзаков и разворачивали помятые сэндвичи с ветчиной и помидорами, а перед ними открывалось бескрайнее море или горный хребет. Даже сейчас запах помидор переносил ее в то время.

Тея так зачиталась, что не заметила, как стемнело. И только когда зазвенел будильник, оповещая об ужине, потому что по выходным девушки в главное здание не ходили, Тея, подскочив, бросилась в душ.

Клэр собиралась заехать за ней в семь тридцать, и у нее оставалось меньше тридцати минут на сборы.

Закончив сушить волосы, она только попыталась пальцами придать им какое-то подобие укладки, как из открытого окна донесся автомобильный гудок. Тея бросила взгляд на часы. Клэр. Минута в минуту.

Подхватив пальто с сумкой и намотав шарф, Тея, обуваясь, оглядела комнату, проверяя, вдруг что забыла. Вино. Точно, вино. Захватив бутылку, которую специально купила накануне, она сбегала вниз по ступенькам. На первом этаже у столовой Тея остановилась: девочки ели пиццу, и она, улыбнувшись им, поспешила к выходу, зная, что рядом будет дама Хикс.

– Опоздала всего на пять минут, – хмыкнула Клэр, когда Тея забралась в машину и пристегнула ремень.

– Прости. Буду больше стараться.

– Шучу, – широко улыбнулась Клэр.

Тея, сначала лишь мельком заметив наряд Клэр, теперь пригляделась повнимательнее: широкий шарф, вышитый разноцветными цветами, тяжелые золотые серьги-кольца, волосы уложены на прямой пробор, брови густо подведены.

– Сказали нарядиться как знаковая фигура феминизма, – пояснила Клэр.

– Погоди, что? Кто?

– Фрида Кало. Не беспокойся, если останешься в очках, будешь похожа на Рут Бейдер Гинзбург.

– Спасибо. Наверное, – ответила Тея, подвигая их выше к переносице.

– Вообще-то, – с самодовольной усмешкой сообщила Клэр, отъезжая от тротуара, – про костюмированную вечеринку я пошутила.

– Просто пообещай, что караоке не будет.

Они направились вверх по дороге, к круговому перекрестку на выезде из города. Тея видела эту церковь в свой первый день в Оксли, но ночью включилась подсветка, и в лучах прожекторов остроконечный шпиль величественно возвышался над городом.

– Туда можно подняться, если хочешь, – проследив за ее взглядом, сообщила Клэр. – Там проводят экскурсии. Вид на город великолепный.

– Ты давно живешь здесь? – спросила Тея.

– Пять лет. Можешь поверить? И все же есть куча мест гораздо хуже. Я рада, что теперь в колледже учатся девочки, это определенно к лучшему. Восстанавливает равновесие.

– Не думаю, что все учителя с тобой согласятся.

Клэр только рассмеялась:

– Что поделаться, динозавры. Краем уха слышала, что они называют дом девушек «Шабашом».

– Какого черта! – Тея была вне себя. – Разве кто-то не должен вмешаться? Сказать что-нибудь? Директор?

– Они привыкнут. Выбора у них нет – во всяком случае, если хотят сохранить работу.

– Чего они так боятся?

– Скорее всего, неизвестности.

Какое-то время они ехали молча, каждая погружившись в свои мысли.

– Ты ничего необычного в Доме шелка не замечала? – нарушила тишину Клэр.

– А что я должна была заметить? – Тея еще не готова была признаться в том, что ее беспокоило.

Клэр помолчала, включив поворотник и свернув с главной дороги налево.

– Несколько лет назад ходили слухи, что там водятся привидения.

Тея заставила себя рассмеяться, но получилось нервно.

– Но в наши дни, конечно же, в них уже никто не верит? Да и наверняка такие слухи ходили бы о любом настолько старом здании.

– Но очень странно, что никто из владельцев там надолго не задержался.

– Откуда ты знаешь?

– Все знают, – пожала плечами Клэр.

– Ну, причин тут может быть много. Да и что тогда это за привидение? Или их несколько?

– Кто-то говорил о женщине с белыми волосами. В красном плаще. Другие утверждают, что волосы у нее черные.

– Так это самый типичный стереотип. Кто тебе рассказал?

– Завсегдатаи в пабе, кажется. Я не очень вслушивалась, они говорили о домах с привидениями здесь, в городе и на мельнице.

– На мельнице?

– Той, что по дороге в Саммерборн.

– Как-то утром я выходила на пробежку в ту сторону, но мельницы не видела. Хотя, конечно, туман стоял тот еще. Но, если подумать, журчание воды я слышала. А там кто призрак?

– В этом вся странность. Насколько я понимаю, он очень похож на ту женщину, которая появляется в Доме шелка.

– Хм-м. Знаешь, я тут в библиотеке нашла кое-что, – помолчав, произнесла Тея. – В конце книги про четырех сестер, живших здесь и убитых в восемнадцатом веке из-за подозрения в колдовстве...

– И? – Быстро взглянув на нее, Клэр вновь сосредоточилась на дороге.

– Там был список имен, одно из них – Роуэн Кэзвелл, эта женщина когда-то была горничной в доме торговца шелком, теперь известного как Дом шелка.

– Ты думаешь... – Клэр обернулась к ней с расширившимися глазами.

– Думаю, воображение взяло верх, – фыркнула Тея. – Так что спасибо, что пригласила меня, отвлекшись в самом деле не помешает.

– Возможно, ты права, – согласилась Клэр. – Действительно несколько притянута за уши. Хотя любопытно...

Они ехали уже двадцать минут, когда Клэр, мигнув поворотником второй раз, свернула на грунтовую дорогу. В свете фар виднелась заросшая дорога с нависающими над ней деревьями, такой темный туннель переплетенных ветвей. Дорожка была узкой, машина Клэр и то могла проехать с трудом. Тея инстинктивно схватилась за сиденье и задержала дыхание, надеясь, что по дороге им никто не попадется, особенно учитывая их скорость: Клэр, судя по всему, привыкла и, даже свернув с шоссе, медленнее ехать не собиралась.

– Мы вряд ли с кем-то столкнемся, – пояснила Клэр, будто прочитав ее мысли. – Все будут ехать в этом направлении, других домов в конце улочки нет.

Тею это не успокоило.

Чуть больше километра спустя они выехали на площадку, где уже стояло с десятков или около того автомобилей, припаркованных как попало, под разными углами, но дома видно не было. Остановившись

за другой машиной, небольшим хетчбэком, прекрасно подходящим для таких деревенских улочек, Клэр выключила двигатель.

– Надеюсь, ты не против прогуляться, – сказала она. – Нам надо пройти за живую изгородь и через луговину. – Перегнувшись через Тею, Клэр достала из бардачка тяжелый фонарь, который, похоже, в случае чего мог оказаться еще и хорошим оружием. – Тут легко ногу подвернуть, сплошные кочки.

Выбравшись из машины, Тея вздрогнула из-за резкого перепада температур и плотнее запахнулась в пальто. Она всю жизнь прожила в городе, и непроглядная темень вызывала тревогу: тоненький серп луны еще не успел подняться высоко, а от кучки звезд исходило лишь слабое свечение. К счастью, фонарь Клэр оказался довольно мощным и путь освещал хорошо, но вокруг по-прежнему было темно, хоть глаз выколи. Туман стелился по земле воздушным ковром, и казалось, что они идут по облакам, а не по пастбищу, которое Клэр так затейливо назвала «луговиной».

Чем ближе они подходили, тем громче до них доносилась музыка и низкие звуки басов, а вскоре в отдалении уже замаячил свет.

– Что ж, так точно никто мимо вечеринки не пройдет, – весело заметила Тея.

Фонарь Клэр мигнул и погас, и все вокруг погрузилось в темноту.

– Чтоб тебя! – выругалась она. – Батарейка сдохла. А ведь я только на той неделе ее меняла. – Она потрясла фонарик в надежде, что он все же заработает. – Наверняка подделку продали.

– Ничего страшного, – произнесла Тея. – Мы уже пришли.

Извилистая тропинка вела к низкому прямоугольному дому с крошечными квадратными окошками, выбеленными стенами и лохматой соломенной крышей над ними, которой явно не помешала бы «стрижка». Дверь распахнулась им навстречу, и Клэр шагнула вперед, чтобы обнять выглянувшего мужчину. Тея топталась позади, с облегчением увидев на хозяине дома джинсы и старый спортивный джемпер.

Она явно ошибалась, подумав, что знакомых кроме Клэр здесь не увидит. Не успела она перешагнуть порог, как лицом к лицу столкнулась с прислонившимся к косяку Гаретом Поупом. Тея улыбнулась ему в знак приветствия, но он только коротко кивнул и отвернулся обратно к женщине, с которой беседовал.

Что ж, в эту игру можно играть вдвоем, – подумала Тея, когда их с Клэр утянули в сторону кухни, теплой и душной, где окна уже запотели от жара. Повеяло ароматом специй, гвоздики и корицы, и кто-то вручил Тее бокал горячего пунша с плавающими в нем дольками апельсина.

– Пойдем танцевать, – позвала Клэр, представив ее нескольким людям. Она повела Тею в длинную, тускло освещенную гостиную, где несколько других гостей с энтузиазмом отплясывали под музыку, кто-то в такт, другие не очень. Сделав глоток из бокала, Тея поставила его на книжную полку и отдалась ритму. Было проще танцевать в темноте, не обращая внимания ни на что, кроме музыки, чем пытаться разговаривать с незнакомыми людьми. И проще избегать Гарета Поупа.

В перерыве между песнями Тея опустилась в одно из продавленных кресел, которые отодвинули к стене. Она улыбнулась нескольким людям, обменялась парой фраз, но музыка была слишком громкой для беседы.

В какой-то момент в комнату заглянул Гарет и, заметив ее, тут же вышел. Похоже, он тоже ничуть не горел желанием общаться.

Какое-то время спустя, когда гости понемногу разошлись, Тея отправилась на поиски ванной комнаты. Голова немного кружилась от вина, тепла и непрерывной музыки. Поднимаясь по лестнице, она остановилась у окна на пролете, заметив бредущие через поле тени. Оказалось, что прошло гораздо больше времени, чем она думала, и все уже разошлись. Им тоже уже было пора, решила Тея, но, когда спустилась вниз, Клэр нигде не было.

Она тщетно искала подругу, но вместо нее наткнулась на Гарета, который в ответ на вопрос Теи только покачал головой:

– Я ее уже час не видел, но не волнуйтесь, Клэр где-то здесь, – сделав глоток пива, пожал плечами он.

Тея обошла кухню и следующую за ней комнату, которая оказалась кабинетом, но безуспешно. В голову закралась мысль, что Клэр бросила ее неизвестно где и уехала. Ругаясь про себя, она пыталась поймать сеть и вызвать такси – не Гарета же просить подвезти ее обратно в Оксли, это уж слишком. Но тут неожиданно появилась сама Клэр.

– Готова ехать? – спросила она, и Тея с облегчением кивнула.

– Ты где была? Я повсюду тебя искала. – Неуверенность в собственном голосе раздражала, но Тея в самом деле беспокоилась.

– Прости. На заднем дворе есть конюшня, ее превратили в студию, мы собрались там – музыку не так слышно.

Большинство гостей уже разъехалось, так что по полю они шли в одиночестве. Ботинки Теи быстро промокли от обильной росы, успевшей выпасть за это время. Она поежилась: температура тоже упала на несколько градусов.

Дальше они шли в основном молча, обе уже порядком устали, и Тея мечтала о том, как наконец окажется в своей кровати в Доме шелка.

Они прошли где-то половину пути, когда в темноте раздался пронзительный крик. Некоторые звуки разносятся очень хорошо: сопрано на верхнем «ля», перфоратор и... пронзительный крик кого-то напуганного до полусмерти. Тея резко остановилась, настороженно прислушиваясь, боясь того, что подбирается к ним спереди, сзади или с боков.

– Что за чертовщина? – прошептала она.

– Ой! – Клэр, не заметив остановки, врезалась в Тею. – Наверное, лиса, – предположила она, отмахиваясь от ее беспокойства. – Лисицы так кричат.

– Лиса? А мне показалось, человек. – Слова Клэр Тею не успокоили.

– Да не, – покачала головой ее подруга. – Я все забываю, что ты не привыкла к нашей дикой природе. Они тут часто встречаются, все в порядке.

Лишь отчасти поверив, что нападать на них никто не собирается, Тея двинулась дальше.

– Можно тебя кое о чем спросить?

– Конечно, что такое?

– Ты давно знакома с Гаретом?

– Не особенно. Он преподает в колледже всего пару лет, весьма популярен. А что?

– Ничего, просто я ему, кажется, не очень нравлюсь. На первой тренировке по хоккею он уже выглядел раздраженным, а сегодня вечером едва кивнул.

– В прошлом году он тренировал команду школы, наверное, поэтому так разобиделся. Потому что приехала ты, а ты играла и преподавала на более высоком уровне, чем он.

– Уф, – вздохнула Тея. – Я же только помогаю, а вовсе не собираюсь занять его место. Мне и так забот хватает без миссис Джексон.

– Миссис Джексон?

– Женщина, которая должна была заведовать пансионом для девушек, всем Домом шелка.

– А, точно.

Без фонаря было темно, но они уже знали, куда идти, поэтому добрались до машины без приключений.

Клэр завела мотор, но свет фар едва пробивался сквозь туман. Пожалуй, он только сильнее сгустился с их приезда. Тея пыталась не поддаваться панике от царящей вокруг тьмы, тумана и тишины, но кожу закололо, волоски на шее встали дыбом, спина взмокла.

Они почти доехали до поворота на главную дорогу, как из ниоткуда появилась чья-то фигура, стремительно приближаясь к машине.

Клэр взвизгнула, выворачивая руль.

– Какого дьявола! – выкрикнула Тея.

Скрипнув тормозами, машина заскользила по земле, останавливаясь, мотаясь из стороны в сторону по узкой дорожке.

Какое-то время они смотрели друг на друга, в зеленоватом свете приборной панели виднелись лишь белки испуганных глаз. Секунды тикали, а Тея никак не могла решить, оборачиваться ей или нет.

– Как думаешь, там есть что-то... или кто-то? – наконец спросила она.

– Откуда мне знать? – Обычно уверенный, сейчас голос Клэр дрожал. – Слишком страшно проверять.

– Мне тоже. – Несмотря на свои слова, Тея медленно обернулась. Вытянула шею, но в свете фонарей заднего хода виднелись только клубы тумана и ничего больше. – Что бы то ни было, вряд ли мы его сбили. Я ничего не почувствовала, никакого удара.

Клэр, повернувшись, проследила за ее взглядом.

– Проклятье. Нам повезло, что я не съехала в канаву.

– Разве мы не должны выйти и посмотреть? – спросила Тея.

– Ты с ума сошла? – Клэр никак не могла отойти от потрясения.

– Это же мог быть...

Слова Теи заглушило внезапно заигравшее радио, решившее именно в этот момент подать признаки жизни, и обе девушки так и подпрыгнули на сиденьях.

– Господи! – воскликнула Тея. – Что происходит? – Потянувшись к регулятору громкости, она вывернула его на минимум, и резкий звук превратился в слабое бормотание.

– Мог быть кто? – спросила Клэр.

– Не знаю... олень? – Но за долю секунды до того, как машина промчалась сквозь видение, Тея показалось, что она видела женскую фигуру. С бледным лицом и красивыми волосами, в платье, тянувшимся за ней по дороге. Очень похожую на ту, что Клэр описала ей раньше.

«Но это смешно», – упрекнула она себя. Если уж на то пошло, тут речь о силе самовнушения, а не о чем-то реальном. И тем не менее. Взяв себя в руки, она, покрутив, опустила окно вниз и высунулась наружу. Туман тут же заполз в салон, спиральями закручиваясь у ее лица, и как она ни старалась, в крошечной тьме разглядеть ничего не удавалось. Она поспешно покрутила ручку в обратную сторону.

– Мне так страшно, что я пошевелиться не могу, – призналась Клэр.

– Да ладно тебе, – возразила Тея прерывающимся голосом. – Ну что там может быть.

– Уверена, так и есть. – Судя по голосу, Клэр явно ей не поверила.

– Хочешь, я поведу? – спросила Тея.

Клэр покачала головой.

– Тогда нам придется выйти из машины, чтобы поменяться местами. – Она повернула ключи в зажигании, заводя мотор. – А к этому я не готова. – Мотор взревел, Клэр переключила передачи, и шины заскользили, проворачиваясь в грязи, пока наконец не сдвинулись с места. – Поехали скорее отсюда, – выдохнула она, сильнее нажимая на газ. – Пока на нас еще что-нибудь не прыгнуло.

Глава 22

Сейчас

Проснувшись воскресным утром, Тея задумалась, не привиделось ли ей это ночное почти-столкновение. Это же было не по-настоящему? А если было, то что? Фантом? Результат воспаленного воображения? Усталость? Что-то не то в вине? Или все сразу? Вряд ли дело в напитках, потому что Клэр тоже это видела, а она выпила всего пару бокалов пива. В дневном свете казалось, что повели они себя по-дурачки: это же надо, так испугаться, ведь обязательно должно быть разумное, логичное объяснение.

Гул голосов за завтраком и целительная сила вафель и блинчиков рассеяли остатки тревожности. Тея с удовольствием отметила, что погода обещает быть отличной, и с нетерпением ждала их однодневного похода.

Тут ей в голову пришла еще одна идея и, встав со своего места, она направилась в кухню. Там трудились три женщины: одна загружала посудомойку, другая чистила картошку, а третья стояла у ряда холодильников. К ней Тея и подошла, вспомнив, что уже видела ее раньше.

– Скажите, пожалуйста, а можно девушки сами приготовят себе ланч в дорогу? Всего пару сэндвичей, какие-нибудь фрукты...

– Почему бы нет, – ответила женщина. – Куда вы направляетесь?

– В Гровели-Вуд.

Все три женщины замерли.

– Смотрите, не заблудитесь, – предупредила та, что мыла кастрюли. Щетка так и застыла в занесенной руке.

– Этот лес очень коварен, – поддержала другая.

– Главное, следите за компасом, – сказала третья, закрывая холодильник и оборачиваясь к ней. – И обязательно вернитесь до темноты.

– Ну конечно, – заверила их Тея и вышла обратно к девочкам, стараясь не так явно закатывать глаза. В английской сельской

местности ничего опасного не водилось, ни ядовитых пауков, ни змей, ни тем более крокодилов.

Ладно уж! Это всего лишь поход.

Через некоторое время они пустились в путь: у каждой девушки в рюкзаке лежал приготовленный лично ланч и бутылка с водой. Осеннее утро выдалось солнечным, и все они были одеты в шорты и рубашки с длинным рукавом, идя в группках по двое и по трое. Тея замыкала строй, при входе в лес поравнявшись с Фенеллой. Она наслаждалась прогулкой, душистым ароматом соснового бора, мягким ковром иголок под ногами и болтовней девушек впереди. Все они были яркими личностями, блестящими ученицами – ничего общего с избалованными принцессами, как она боялась, и чем лучше она их узнавала, тем сильнее каждая из них ей нравилась.

Они дошли до дубравы, тянущейся вдаль точно аллея; тяжелые ветви нехотя пропускали солнечные лучи, которые с трудом пробивались сквозь видневшийся просвет. Сухие листья хрустели под ногами, цеплялись за лодыжки. Судя по всему, по этой тропе давно никто не ходил. В конце аллеи Тея, остановившись, предложила сделать привал. Все молча пили воду, и она впервые обратила внимание на царившее в лесу безмолвие. Даже пение птиц доносилось будто издалека. И именно в этот момент ей никак не удавалось стряхнуть ощущение, что кто-то или что-то наблюдает за ними. Тея вытащила телефон, сказав себе, что это просто последствия ночного испуга и недостаток сна, а еще, возможно, история сестер Хандсель, а не что-то конкретное. Они зашли так далеко в лес, что связи не было, но перед выходом из дома Тея сделала скриншот плана местности из интернета и сейчас показала телефон Фенелле:

– Скажи мне, где, по-твоему, мы находимся, – предложила она.

Прищурившись, разглядывая экран, Фенелла коснулась его пальцами, немного увеличивая левый край изображения.

– Думаю, может быть здесь, если это дубы, – решила девушка, указав на тропинку, ведущую сквозь зеленый массив, обозначенный на карте.

– Превосходно, – похвалила Тея, заметив, как девушка порозовела. – Доверяй своим суждениям.

– Мисс, а что это такое? – спросила Джой, стоявшая рядом с бревном и указывая на растущие на нем грибы. Они почти что светились в лесном сумраке, точно в них был фосфор.

– Не трогай! – остановила ее Арадия, подходя ближе. Опустившись на колени, она склонилась над бревном. – Призрачные поганки. Ядовитые. Для людей и некоторых животных.

– Они часто встречаются в Англии? – спросила Тея.

– На самом деле, крайне редко, – покачала головой Арадия. – Удивительно, что мы нашли их. – Она вытаскала телефон и сделала несколько снимков. – Что? – заметив любопытные взгляды, пожалала плечами она. – Я увлекаюсь микологией.

– Мисс...

Тея обернулась, увидев прихрамывающую Сабрину.

– Натерла ногу? – догадалась она.

Девушка кивнула.

– Ничего страшного. – Тея сняла рюкзак. – У меня были с собой пластыри.

Сабрина, опираясь на Арадию, расшнуровала и сняла кроссовок, морщась от боли.

– Нужно было раньше сказать, – вздохнула Тея, осмотрев волдырь, который уже вздулся и кровоточил. – Какой смысл молча терпеть.

– Простите, мисс. Не хотела доставлять лишних хлопот.

– Сейчас мы тебя в два счета подлечим, – пообещала Тея, расстегивая рюкзак. – И скоро станет гораздо легче.

– Мисс? – позвала Арадия. – Я слышала, мальчики говорят, в этом лесу водятся привидения. Это же неправда?

– Ну, есть одна история... – начала рассказывать Тея. – Их было четверо. Сестры Хандсель. Они приехали сюда из Дании. В 1737 году здесь, в деревнях на границе с этим лесом, была вспышка оспы. Никто не знает точно, почему, но выжившие селяне решили, что в ней виноваты сестры – возможно, потому, что они были не местные. Их обвинили в пособничестве дьяволу.

– Хотите сказать, в колдовстве? – уточнила Сабрина, морщась, пока Тея наклеивала пластырь.

Тея кивнула.

– Не дожидаясь суда, селяне привели их в лес и забили камнями до смерти. Они похоронены здесь, в этом лесу, на расстоянии друг от друга, – чтобы не поднялись из могил и не сговорились против деревни.

– В самом деле? Невероятно, – произнесла Арадия.

Тея улыбнулась. Как раз такие истории подростки слушают, открыв рот.

– Где-то неподалеку есть четыре старых бука, и местная легенда гласит, что именно они и обозначают могилы четырех сестер. Но не уверена, значит ли это, что в лесу водятся призраки. Ну все, – обратилась она уже к Сабрине. – Так идти должно быть легче.

– Спасибо, мисс.

– Четыре бука – как вон те? – вдруг спросила Джой.

Все повернулись в ту сторону, и Тея не поверила своим глазам. Как она могла их не заметить? Всего в тридцати метрах от них стояло четыре дерева, будто четыре стороны света: толстые искривленные стволы усыпаны медными и багряными листьями, земля вокруг потемнела от опавшей листвы и теней.

У Теи перехватило дыхание.

– Думаю, да, – наконец произнесла она и двинулась к деревьям. Подойдя, положила руку на каждый из стволов по очереди, ощущая связь с этой трагической историей, несмотря на минувшие века. Тею пробрала дрожь. Вот с чего можно начать ее исследование.

– Такое нередко случалось в то время, верно? – спросила Фенелла, подходя ближе.

– Если ты имеешь в виду с женщинами, то боюсь, что да, особенно с теми, кто хоть немного отличался от остальных или обладал даром к целительству и разбирался в травах. Суеверия, невежество, страх перед тем, что нельзя сразу же объяснить или понять, – очень распространенные явления. Не забывай, что в то время большинство не могло позволить себе образование. А те, кто мог – что ж, они точно так же были готовы обвинять женщин, в первую очередь тех, кто не мог за себя постоять.

– Это происходит и сейчас, – тихо заметила Джой. К ней присоединились и остальные девушки.

– К сожалению, так и есть, пусть даже не так явно, – согласилась Тея, впечатленная подобным наблюдением. – Но нам все лучше

удается предавать такие случаи огласке, нас слышат. – Она чуть не упомянула список имен в конце книги и имя горничной, служившей в Доме шелка, но передумала, так как еще не так хорошо всех знала и не могла предугадать, как они отреагируют. «А им всего семнадцать», – напомнила она себе.

Пока они отдыхали, налетел ветер, принесший с собой серые тучи, запах дождя и отдаленные раскаты грома. Тея рассчитала, что до смотровой площадки им идти еще час, а затем пару часов обратно. Поворачивать сейчас, не дойдя до цели, ей очень не хотелось.

– Ну что ж, – скрепя сердце решила Тея. – Давайте поспешим, нам осталась всего пара километров.

Уложив в рюкзаки свои пакетики и бутылки, они пустились в путь, еще глубже в лес. Скрестив пальцы в надежде, что их максимум окатит быстрым ливнем и гроза двинется дальше, Тея повела девушек вперед.

Тропинка резко пошла в гору; после такого подъема мышцы ныли, но они все же добрались до вершины и остановились перевести дух. Хотя дождь пока проливаться не спешил, в отдалении небо уже зловеще потемнело, и тучи надвигались прямо на них.

На смотровой площадке возвышался каменный шпиль, у основания которого виднелась часть какого-то знака. Раздвинув траву и сорняки, Тея увидела вырезанный на камне колчан со стрелами.

– Что это, мисс?

– Монумент в честь Артемиды, – ответила за нее догнавшая их Фенелла. – Богини охоты. Местный землевладелец воздвиг его в 1900-х годах в память о своей сестре. – Выудив телефон из кармана, она быстро сделала пару снимков.

– Впечатляет, – моргнув, признала Тея. Девушки были смысленными и время даром не теряли, это точно.

– Я кое-что прочитала, пока искала информацию, – пожала плечами Фенелла. – Меня заинтересовал узор на одном из ключей от дома, и оказалось, что это тайный знак расширения прав и возможностей женщин, – сделала большие глаза Фенелла.

Отпив из бутылки, Тея задумалась о том знаке, что она увидела на запястье женщины в кухне. Отмахнувшись от назойливого чувства, что она что-то упускает, какую-то связь, она предложила устроить привал на ланч. На вершине холма укрыться от непогоды было негде, и

холодный ветер трепал волосы, пробирая до костей даже сквозь толстовки, которые уже надели все девушки; но никто не жаловался, хотя во время предыдущей остановки разговор был гораздо оживленнее.

Прогремел гром, и Тея подняла голову от сэндвича. Горизонт уже затуманил дождь, а ветер только набирал силу. Джой засунула руки в рукава, и Тея осознала, что ее пальцы тоже онемели. Еще не хватало, чтобы кто-то из них заработал переохлаждение – а вероятность такая была, если они просидят тут еще дольше, тем более под ледяным дождем, который уже надвигался на них.

Собрав вещи, они осторожно, друг за другом начали спускаться вниз по тропинке обратно в лес, сохраняя хороший темп. Дувший в спину ветер только подгонял их. И только гораздо позже Тея оглянулась проверить и пересчитать всех.

– Кто-нибудь видел Сабрину? – окинув взглядом группу девушек, спросила она.

– Она шла за мной, – откликнулась Арадия.

– Кажется, у нее снова разболелась нога, – сообщила Фенелла.

– Возможно, она остановилась передохнуть? – предположила Джой.

Тея скрипнула зубами.

– Что ж, в таком случае ей следовало кого-то предупредить. Пойдемте. Вернемся той же дорогой. Надеюсь, она не очень сильно отстала.

Подобное решение бурного восторга не вызвало:

– А мы не можем подождать здесь? – раздались предложения.

Но Тея была непреклонна:

– Мы не можем потерять ее.

«Уж точно не дочку директора», – добавила она про себя, и внутри все похолодело.

Вновь карабкаясь вверх по склону, уже через несколько минут они вымокли до нитки: начавший было моросить дождь вскоре превратился в ливень, и Тея костерила себя на все корки за то, что не настояла на дождевиках – пусть бы лучше они заняли лишнее место в рюкзаках.

Когда они прошли примерно полкилометра, Тея заметила раздавленный лист папоротника; по одну сторону тропинки

скрюченные коричневые листья были примяты. Там заросший деревьями склон круто уходил вниз, но Тея все равно остановилась, вглядываясь в заросли. Где-то далеко внизу, среди подлеска, мелькнуло яркое пятно.

– Что это там? – спросила она, указав на предмет. Сердце сжалось. – Не бутылка для воды?

– Да, – подтвердила Фенелла. – Это Сабрины.

Глава 23

Март, 1769 год, Оксли

– Нет нужды звать доктора. – Патрик Холландер глядел на жену с любопытством, а отнюдь не с беспокойством. Дыхание ее, хотя и поверхностное, уже восстановилось, а веки трепетали, точно мотылек у фонаря. – Лишние расходы сейчас ни к чему.

И хотя госпоже время от времени случалось упоминать проблему со средствами, впервые на памяти Роуэн намек на волнение по этому вопросу выказал сам хозяин. Возможно, на самом деле все обстояло гораздо хуже?

Патрик вытащил из кармана камзола украшенную эмалью табакерку, насыпал немного желтоватого порошка на руку и, поднеся к носу, глубоко вдохнул.

– Кэролайн, вероятно, просто переутомилась.

Роуэн опешила от подобного пренебрежения, да и в любом случае, как госпожа могла переутомиться? Она только что спустилась из спальни, да и все дни проводила либо за чтением у камина (как правило, молитвенника), либо за фортепьяно, либо за чаем с друзьями. Но Роуэн знала свое место и промолчала, боясь выговора или еще чего похуже. Возможно, обмороки с Кэролайн случались нередко, хотя за месяцы, проведенные в доме торговца шелком, Роуэн ничего подобного не замечала.

– Принесу воды, – сказала она, стремясь хоть что-то сделать, а не просто стоять и смотреть. Выйдя из комнаты, она заметила, как Элис, столь же бледная, как и госпожа, переглянулась с хозяином.

Когда Роуэн вернулась, Кэролайн немного пришла в себя, уже открыла глаза, и бледность понемногу отступала.

– Можете помочь мне сесть? – попросила она. Элис приподняла ее, а Роуэн подложила подушки под спину, чтобы было удобнее. – У меня есть ароматический уксус. – Дотянувшись до кармашка в юбках, Кэролайн достала оттуда изящную серебряную коробочку, открыла и вдохнула. Роуэн видела похожую вещицу раньше, дома, когда у

хозяйки поместья во Флоконе закружилась голова от зловоний. Спросив у матушки позже, что это было, она узнала, что в подобных коробочках держат ароматные соли либо небольшую губку, смоченную уксусом. И хотя госпожа, вдыхая, поморщилась, а из глаз у нее потекли слезы, ей это явно помогло.

– Мне немного лучше, – подтвердила Кэролайн. – Признаюсь, прежде особо желания завтракать не было, но сейчас вы могли бы принести хлеба?

– Разумеется, – сказала Роуэн, забирая у нее коробочку и откладывая на столик рядом. Она с облегчением заметила, что столь напугавшее ее отсутствующее, стеклянное выражение пропало из глаз госпожи, и они вновь смотрели нормально.

– Что ж, раз я больше ничем не могу помочь, – рассеянно произнес Патрик, – я должен вернуться в магазин.

Роуэн прикусила губу, сдерживаясь, чтобы не сказать, что он вообще-то никак не помог своей жене. Она вспомнила его взгляд, когда случайно застала его в том амбаре с петушиными боями, и то же выражение у него было, когда он разбрасывал отрезки ткани по магазину, а еще тот спор, который она слышала... Сомнений у нее не осталось: это был непредсказуемый и временами жестокий человек.

Когда Патрик вышел, Роуэн, подойдя к двери, плотно закрыла ее.

– Вы уверены, что полностью оправились? – спросила она. Кэролайн не ответила, и Роуэн уточнила: – Вы принимали лекарство, как я советовала?

Кэролайн кивнула, и через секунду огонек понимания загорелся в глазах:

– Ты думаешь?..

– Сомневаюсь, что оно могло подействовать так быстро, – покачала головой Роуэн.

– У вас уже несколько месяцев не было регул, – тихо сказала Элис.

– Да, но они никогда не были точными, – возразила Кэролайн.

– Вам нужно отдыхать, – сказала Роуэн. – Я приготовлю укрепляющий бальзам. Возможно, после завтрака вам лучше вернуться в спальню, – предложила она.

– В самом деле, – согласилась Кэролайн. – Элис, пожалуйста, сходи проверь, все ли готово.

Роуэн заметила, что приказ госпожи вторая горничная выслушала с выражением, похожим на презрение. Или то была зависть?

Ей думалось, что Элис хотела жить куда более роскошной жизнью, чем служанка. Как-то раз, пока Кэролайн была в Сэйлсбери, Роуэн увидела, как Элис вертится перед зеркалом в спальне их госпожи, в одном из ее самых пышных шелковых платьев. Тогда Роуэн ничего не сказала, потому что едва ли могла ее за это винить: разве сама она не мечтала ощутить нежность шелка на коже?

Кэролайн еще несколько дней провела в кровати: Пруденс готовила ей завтрак на подносе, а Роуэн или Элис носили еду вверх по лестнице. Роуэн молча выслушивала жалобы на остывшие тосты и горький шоколад.

Как-то утром, когда Роуэн выносила помой по черной лестнице, она чуть не столкнулась с Элис, которая, зажимая рот рукой, отшатнулась от нее. Роуэн отступила как раз вовремя, и девушка пронеслась мимо к черному ходу. Роуэн, из любопытства выглянувшая следом, увидела, как Элис согнулась пополам на тропинке, идущей вдоль сада. Горничную тошнило.

– Тебе нездоровится? – спросила Роуэн.

Выпрямившись и вытерев рот тыльной стороной руки, Элис только нахмурилась.

– Съела что-то не то. Не утруждайся. Ничего особенного.

Еду они накануне ели одну и ту же: холодный язык с ячменными лепешками и немного пива, и Роуэн ничего подозрительного не заметила.

– Ты уверена? – переспросила она, взглядываясь в лицо Элис, в котором не было ни кровинки, точно как у хозяйки дома перед обмороком.

Рука Элис инстинктивно дернулась к животу, и в глаза Роуэн она старалась не смотреть.

В тот самый миг Роуэн все поняла и без дальнейших объяснений.

– Кто? – тихо спросила она. – Не хозяин, конечно же?

Элис энергично помотала головой.

– Томми Дин, – ответила она, но на лице ее читался холодный расчет.

Сердце Роуэн замерло. Они обменялись одним-единственным поцелуем, но она уже очень привязалась к юноше, даже представляла,

пусть и в несбыточных мечтах, какое у них может быть будущее. Она знала, что он хороший и добрый человек, и поверила, что небезразлична ему. Неужели он с такой легкостью выбрал новый объект для симпатий? От того, что этим выбором стала именно Элис, у нее попросту перехватило дыхание.

– Скажи, почему я должна верить тебе на слово, – потребовала она. – Тебе настолько хочется задеть меня?

– Поверь, это никоим образом не связано с тобой, – ответила Элис.

Роуэн не знала, почему именно, но от чего-то в голосе Элис ее пробрал мороз по коже.

– Я должен немедленно отправляться в Бат, – объявил Патрик жене, когда неделю спустя они сидели за завтраком. – Так как я твердо убежден, что пришло время расширить нашу торговлю. У меня есть основания полагать, что там растет спрос на изящные шелка. Мы сами это видели в прошлый визит, не так ли?

Роуэн, в этот момент вошедшая в комнату, поставила рядом с Кэролайн горячий шоколад, при этом как всегда сделав вид, что не слышит их беседы, и отошла к двери, хотя на самом деле она всегда внимательно слушала, кто и что говорит, надеясь узнать хоть что-то.

Похоже, финансовые дела Холландеров напоминали ручей в конце сада: то лились бурным потоком, то иссякали до тонкой струйки. Видимо, обычный случай для торговли. У нее в деревне тоже случались похожие времена, удачные сезоны и не очень, изобилие и неурожай. Она научилась жить с этой неопределенностью, но не могла не интересоваться состоянием своих нанимателей, так как от этого зависело и ее будущее тоже. Роуэн потрясли голословные утверждения Элис, но она никак не могла найти Томми, чтобы узнать у него правду. Снова и снова приходила она к берегу реки, но Томми все не было, и его отсутствие только придавало веса словам Элис.

– Вы превосходно разбираетесь в ситуации, даже не сомневаюсь, – заметила Кэролайн, делая глоток шоколада. – Но мне бы очень хотелось, чтобы вы не трудились до изнеможения.

Патрик рассмеялся, точно услышав удачную шутку.

– Не беспокойтесь по пустякам, особенно о сложностях в делах. Это дело мужа, жена не должна нести это бремя.

– Я же не простофиля, дорогой супруг, – ответила она.

– Конечно нет, но лучше вам думать о домашнем хозяйстве и о нашей растущей семье.

– И долго вы планируете отсутствовать?

– Едва ли более месяца, – ответил он. – Нужно позаботиться об аренде подходящего места на Уэстгейт-стрит. В любом случае я не хочу покидать вас надолго, в вашем положении. – Он с нежностью накрыл ее руку своей: Роуэн впервые за много месяцев видела, чтобы хозяин так смотрел на жену.

Получается, все подтвердилось. То, что это случилось так быстро после приема лекарства, подсказывало, что все произошло еще до отъезда госпожи.

Вероятно, не стоило удивляться, что хозяин теперь обращался с супругой совершенно по-другому. Он вел себя в высшей степени заботливо, говорил с ней с добротой и почтением.

Роуэн подошла проверить, хватает ли всего на столе, и ей неожиданно пришла в голову идея. Возможно, ей разрешат воспользоваться отсутствием хозяина и тоже уехать? Пусть и всего на несколько дней, во Флоктон, к братьям? Она невыносимо скучала по ним и часто думала, как они там, здоровы ли, поправился ли Альби, начал ли Уилл помогать дяде, меньше ли озорничали Джозеф с Элиасом. За эти месяцы с ними могло произойти все, что угодно, и невозможность увидеть их, вновь оказаться рядом страшно мучила Роуэн. Их общество стало бы целительным бальзамом для измученного сердца.

Увидев Патрика Холландера позже днем, она обратилась к нему с этой просьбой.

– Госпожа дала понять, что мне вскорости позволят навестить семью, – сказала она. – Если не ошибаюсь, она должна была обсудить это с вами.

– Она ничего не говорила. Однако я вовсе не уверен, что мы сможем обойтись без тебя. Элис нездорова, ты нужна госпоже.

Элис в самом деле в последние дни не вставала с постели, и даже сегодня Роуэн прислуживала обоим хозяевам, бегая вверх и вниз по лестнице так часто, что у нее от усилий кружилась голова.

Разочарованная, что у нее нет аргументов и остается только подчиниться приказу, она промолчала. Покладистый нрав Роуэн вновь подвергся серьезному испытанию: в этот миг она испытывала к хозяину сильнейшую неприязнь, а к Элис и подавно.

Глава 24

Сейчас

– Мисс Раст, будьте добры объяснить, как так получилось, что моя дочь практически упала с обрыва и никого при этом рядом не оказалось? – Голос директора звучал спокойно, но холодно.

– Это полностью моя вина. Я отвечала за Сабрину и не смогла ее уберечь. Остальная группа ушла вперед, а она, оступившись на тропе, не смогла выбраться по крутому склону. – Оправдываться смысла не было. Они с Фенеллой с трудом спустились по практически отвесному склону к Сабрине, лежащей точно сломанная кукла, и вдвоем сумели поднять ее и вывести к остальным. Она подвернула лодыжку, но других серьезных повреждений кроме порезов и синяков вроде бы не было. Бледная от пережитого потрясения, она тем не менее при помощи двух девочек смогла выйти из леса вместе со всеми. Как только они вернулись в Оксли, Тея проводила своих подопечных до Дома шелка, а сама поспешила к директору сообщить о произошедшем.

– Понимаю, – произнес он, складывая ладони домиком. – Должен сказать, независимо от того, моя это дочь или нет, ваша работа оставляет желать лучшего. Кто-то может заявить, что это вопиющая халатность, мисс Раст. Подобное происшествие, не говоря уже о том, что девушки и недели в школе не пробыли... Мне придется тщательно обдумать ситуацию и решить, требуются ли более серьезные меры. – Директор пристально смотрел на нее поверх очков. – Пока же вам лучше пойти переодеться. Вам тоже несладко пришлось, – несколько смягчившись, посоветовал он.

Вернувшись в Дом шелка и пройдя сразу в душ, Тея сорвала с себя мокрую одежду, стуча зубами от холода, пока постепенно не оттаяла под обжигающими струями. Только гораздо позже, когда она зашла в кабинет за работами на проверку, она снова заметила небольшие кучки то ли пыли, то ли земли на полу. Походную обувь она оставила в гардеробной в задней части дома, как и все, так что

принести грязь наверх никак не могла. Так откуда же это взялось? Тея присела и вгляделась повнимательнее. Странная пыль будто появилась над стыками половиц, из щелей. Пощупав дерево, она обнаружила место помягче, где доска прогнулась под ее пальцами. Тея встала, осматривая комнату – не найдется ли чем подцепить, и тут ее взгляд упал на книжные полки. Чего-то не хватало.

Жестяного цилиндра. Того, что она привезла с собой из Мельбурна.

Утром он был на месте.

Тея принялась лихорадочно оглядываться, осматривая то книги, то письменный стол. Ох. Вот он где. Но как? Ведь и убираться никто не приходил, точно не в воскресенье. Оставив в покое доски пола, она подошла к столу и дотронулась до железного контейнера, убедиться, что ей не привиделось.

Тепло после душа быстро покидало ее, так что Тея вернулась к себе в спальню и упала на кровать, прямо на покрывало, закрыв глаза и пообещав себе встать через пару минут. Несколько мгновений спустя она уже спала, и ей снился лес. Тея сидела прямо под четырьмя буками, их тонкие змееподобные ветви тянулись к ней, норовили схватить за футболку, царапали руки, но она не могла уклониться, застыв точно статуя...

Ясный металлический звук трубы грубо ворвался в сон, и Тея подскочила на кровати, тут же проснувшись. Она до сих пор не знала, кто подбирал музыку для будильника – вполне вероятно, автомат, причем случайным образом, но скрипка или флейта ей нравились больше труб. В комнате было темно, и она потянулась за телефоном, сонно моргая и пытаясь различить цифры. Восемь тридцать. Утро или вечер? Непонятно... Тея осталась лежать в кровати, и до нее доносились обрывки разговоров и топот шагов по лестнице – вероятно, все же ужин. Нащупав тапочки, она спустилась вслед за девочками.

В столовой было тепло, но Тея никак не могла унять дрожь. Она окинула взглядом комнату, проверяя, есть ли у кого похожие симптомы, но девушки оживленно болтали и, судя по всему, хорошо себя чувствовали. Сабрина была в центре внимания, все суетились вокруг, помогая ей и поудобнее устраивая на подушке больную лодыжку.

– Вы нездоровы, – заметила дама Хикс после ужина, когда ученицы разошлись по комнатам.

– Всего лишь простуда. Правда, ничего страшного, – заверила ее Тея, хотя на лбу выступила испарина и было больно глотать.

Настоятельница вытащила из кармана бумажный пакетик и передала ей.

– Заварите чайную ложку сбора, добавьте немного меда и лимона. Принимайте, пока не закончится.

– Спасибо за заботу. – Тея в самом деле была тронута. – Дама Хикс...

– Да?

– Я хотела сказать раньше, дело в том, что у меня в кабинете появляются кучки то ли трухи, то ли земли на полу. Боюсь, это могут быть термиты.

– Понимаю. Вероятно, лучше поговорить с привратником, он может вызвать специалистов, – предложила она.

– Хорошо, так и сделаю, – выдавила улыбку Тея. Неужели настоятельница сама не могла справиться? С другой стороны, пожилая женщина знала школьный протокол лучше Теи, так что она промолчала.

– А как ваш палец?

Тея ойкнула и поднесла руку к глазам.

– Я и забыла про него. Как новенький.

– Хорошо, – кивнула дама Хикс. – Вас надо беречь. Пара таблеток аспирина, кстати, тоже не помешают.

Похоже, настоятельница признавала не только травяные настои и мази. Но что она имела в виду под «вас надо беречь»? Если бы она сказала это про учениц, Тея бы поняла, но при чем здесь она?

Взяв мешочек, Тея пошла на кухню, выбрала себе чашку и поставила кипятиться чайник. Там женщины закончили с уборкой и почти все разошлись, осталась только одна – она протирала скамьи. Тея узнала ее, это у нее на руке была татуировка. Точно, вот, на внутренней стороне запястья: Тея отчетливо разглядела знак, когда женщина подошла ближе.

– Нас толком не представили, – произнесла Тея и протянула руку, назвав свое имя.

Женщина вздрогнула, будто удивилась, что с ней заговорили.

– Мойра, – ответила она.

– Могу я спросить, что это за символ? – спросила Тея, указывая на колчан со стрелами.

– Он должен защищать от зла, – пожала плечами Мойра.

Чайник вскипел, пиканьем прервав беседу, и женщина отошла. У Теи уже не было сил думать об этом, от жара голова налилась тяжестью. Все потом. Спотыкаясь, она поднималась по ступенькам, прихлебывая напиток и морщась от горечи. Через пару минут она уже крепко спала.

В изножье кровати Теи сидела женщина. Из-под капюшона плаща выбивались черные как смоль кудри. Глаза были темные, точно фиалки. Тея хотела подняться, но что-то давило ей на грудь, и как она ни старалась, не могла и шевельнуться.

– Что? – наконец прошептала она, часто-часто дыша. – Это сон. Этого не существует, – повторяла она себе. – Все в твоей голове. – Но липкие щупальца страха уже ползли к ней, вдавливая в матрас. Она явственно ощущала, что этой женщине ее присутствие здесь не нравится.

Неожиданно раздавшийся вой сирены вырвал Тею из сна. Моргая, она прищурилась, но сидевшая на кровати женщина пропала. Те травки, что дала ей настоятельница – может, это они вызвали такой странный сон? Что бы то ни было, с простудой они справлялись хорошо: ей уже было лучше, и даже боль в горле поутихла. Тея снова закрыла глаза. Она так устала...

Через пару секунд в комнате вспыхнул и тут же выключился свет, сирена взывала еще громче, уже не замолкая. Похоже, пожарная тревога: другой причины для подобного адского шума просто не было. Дотянувшись до очков, Тея выбралась из кровати и поковыляла к двери. В коридоре уже стояла Фенелла, в свете фонарика виднелось лишь ее бледное личико.

– Все в порядке, Фэн, ничего страшного, – произнесла она как можно спокойнее. – Просто учебная тревога, всем нужно выйти из дома. Точка сбора – на улице через два дома, напротив «Ягненка и флага».

Кивнув, Фенелла накинула халат, нашла тапочки, и они вместе спустились по лестнице на следующий этаж. Тея, отправив девочку к

выходу, отправилась проверять остальных учениц.

Сирена все не смолкала.

К этому моменту от шума проснулись уже все, так что, убедившись, что девушки благополучно выбрались из дома, Тея поспешила следом. Уже дойдя до выхода, она поняла, что не видела даму Хикс. Бросившись к ее комнате, она постучала, но ответа не было. Тея покрутила ручку, зовя настоятельницу, и наконец сама заглянула внутрь. В комнате было темно, но кровать пустовала. В ней вообще не спали. Времени сердиться, что она не осталась и не позаботилась о девочках, не было.

Когда Тея вышла на главную улицу, в некоторых окнах по соседству уже горел свет. Под завывания сирены она обернулась к дому: ни следа пожара, даже дымом не пахло. Она увидела даму Хикс, стоявшую позади девушек, и помахала ей, но без толку – настоятельница будто ее не видела.

Успокоив девочек и убедившись, что все на месте, Тея направилась к пожарным, как раз спускавшимся из машины.

– Электричество выключилось, – сообщил один из них, уже успевший осмотреться. – Скачок напряжения в сети, сначала выключилось, потом включилось – вот сигнализация и сработала.

– Так это только в доме, не на всей улице? – спросила она.

– Похоже, что так.

– С предохранителями все в порядке, – сообщил второй. – Но в любом случае лучше вызовите электрика завтра утром.

Кивнув, Тея посмотрела на небо: на горизонте уже занимался рассвет.

– Можете возвращаться, заходить безопасно, – добавил пожарный.

– Спасибо. Пойдемте, девочки, – позвала она. – Вряд ли кто-то из нас сможет уснуть после такого переполоха, но попробуйте хотя бы отдохнуть до завтрака.

У Теи голова шла кругом. Сомнительная проводка, сами собой открывающиеся замки и двери, термиты, еще и сны странные... Тея уже начала беспокоиться, что с домом что-то было совсем не так.

Глава 25

Сейчас

– Капучино, пожалуйста, с двойным эспрессо. – С этой ночной кутерьмой Тея толком не спала, и чтобы проснуться, ей нужно было что-то покрепче. Электричество так и не дали, и Тея сумела договориться о завтраке для девушек в одном из других коттеджей. Она пригласила даму Хикс присоединиться к ней в кафе, но та отказалась, сказав, что подождет электрика.

– Вы же знаете, как это бывает. Только отвернешься – они тут как тут.

Тея сказала, что оставила свой телефон и им позвонят, но женщину было не переубедить, да и сам ее вид меньше чем когда-либо располагал к спорам. Тее также не хотелось поднимать вопрос о пожарной тревоге прошлой ночью, когда хозяйка ушла, не дождавшись девочек; ссориться ей не хотелось совершенно, директор и так сомневался в ее компетентности, так что ей пригодятся любые союзники.

Порывшись в сумке в поисках бумажника, Тея нащупала что-то мягкое и, вытащив, с недоумением смотрела на кусочек ткани, пока не вспомнила, что это был тот старинный шелк из библиотечной книги. Как он вообще у нее оказался? Неужели она украла его, пусть и нечаянно? Какой стыд!

Сжав шелк в руке, Тея украдкой огляделась – убедиться, что ее никто не видел и что две другие посетительницы кафе, две пожилые леди, увлечены своими кексами, кусочки от которых одна из дам скармливала своему сидящему в сумочке померанскому шпицу. Тогда она вновь сложила свою находку и спрятала ее между страниц учебника – единственное на данный момент подходящее место и пообещала себе вернуть шелк в библиотеку при первой же возможности.

Расплатившись за кофе, она заторопилась к выходу, одновременно взглянув на часы. Уроки начинались через пятнадцать минут, а ей еще

нужно было кое-что сделать. Крепко прижав к себе сумку, она бросилась бежать.

Зайдя в школу через главный вход, она нашла привратника, мистера Баттла, он сидел за своим рабочим столом и с угрюмым видом изучал какой-то документ. Тея вежливо кашлянула, привлекая внимание, хотя и не сомневалась, что он слышал, как открылась дверь.

– Мистер Баттл, можно вас на секунду? – спросила она.

– Секунду? Пожалуй, одну я могу вам уделить, мисс Раст, – язвительно отозвался он.

– Вы, разумеется, в курсе, что в Доме шелка сработала пожарная тревога, – произнесла она. – Электрик уже едет.

– Неужели.

– Но есть и еще одна проблема, и настоятельница посоветовала обратиться с ней к вам. На полу в моем кабинете постоянно появляются кучки земли. Не успеваю я убрать их, как они возникают снова. Так продолжается с начала семестра, и я не знаю, нужно вызвать службу по борьбе с вредителями или инженеров.

– Понимаю. А вы уверены, что это не просто грязь с ботинок?

Тея смерила его взглядом.

– Что ж, инженеры – это уже чересчур, вам не кажется?

– Я не знаю. В самом деле? – Сдаваться Тея не собиралась.

– Ну хорошо, – тяжело вздохнул мистер Баттл. – Я договорюсь о приезде специалистов.

– Спасибо, мистер Баттл. – Хоть что-то.

– Мне ведь больше нечем заняться.

Тея решила не реагировать на колкости и пропустила сарказм мимо ушей. Они договорились встретиться в Доме шелка позже днем.

По дороге в класс Тея нашла адрес местного архива и прикинула, что после ланча у нее как раз будет достаточно времени до встречи с мистером Баттлом, поэтому пару часов на чтение она выкроить сможет. Она также хотела побольше разузнать о сестрах Хандсель, выяснить, известно ли о других местных ведьмах, вдруг их истории оказались бы связаны. Тея позвонила по указанному номеру и в нескольких словах объяснила поднявшей трубку женщине, Хелен, что она ищет.

Перед ланчем Тея заскочила в учительскую и забрала ключи от машины Клэр: они лежали в ящике для бумаг вместе с запиской о том,

где машина припаркована. Приветственно кивнув преподавателям, которых она уже начала узнавать, Тея с облегчением выдохнула: Гарета Поупа нигде не было.

Припарковавшись у тротуара рядом с архивом, Тея зашла внутрь. Церковный колокол как раз пробил двенадцать.

– Я принесла все, что у нас есть, – узнав Тею по имени, сообщила Хелен. – Целая куча папок, – добавила она с энтузиазмом, который Тея искренне разделяла. Ей не терпелось узнать о том, что происходило в этих стенах, кто его спроектировал и построил, и о семьях, живших там на протяжении столетий.

Хелен попросила сдать сумку:

– Можно взять с собой только бумагу и карандаш, – объяснила она, принимая у Теи вещи и передавая писчие принадлежности. Только после этого Тею провели в небольшую комнату с широким столом и офисным стулом. На столе лежали белые шелковые мешочки с грузиками.

Хелен протянула ей пару нитяных перчаток:

– Какие-то документы довольно хрупкие, – пояснила она. – Сальные выделения кожи опасны для них.

– Разумеется, – согласилась Тея. – Спасибо.

– Я мигом. – Хелен вышла и вернулась через пару минут с пухлыми папками примерно формата А3 и картонным тубусом. – Тут есть копия планов дома, – указывая на тубус, сообщила она, сгружая ношу на стол. – Их в список архива не внесли, но я доверилась интуиции и откопала их среди других чертежей домов на главной улице.

Тея не могла поверить своим глазам: на такое она и не надеялась.

– Сейчас вам покажу. – Свернув крышку, Хелен бережно извлекла бумаги и, расправив на столе, придавила заворачивающиеся края белыми мешочками. – Взяла на себя смелость немного изучить историю. В свое время Дом шелка был одним из самых роскошных особняков города. Его велел построить Томас Бэйли, местный землевладелец, насколько я знаю. Здание было готово к 1766 году, как свадебный подарок его дочери Кэролайн и ее мужу. Скорее, даже мужу, потому что в те времена женщинам запрещалось владеть недвижимостью.

От входа раздался звонок.

– Оставляю вас, – с явной неохотой попрощалась Хелен и вышла к следующему посетителю.

Тея склонилась над столом, разглядывая чертеж. Пусть и копия, но по возрасту она практически не уступала оригиналу: бумага пожелтела от времени, местами покрывшись бурыми пятнами. Чернила побледнели, напоминая выцветшую сепию, но за витиеватым почерком все же удалось разобрать, где какой этаж: каждый был начерчен отдельно. Тея различила кухню, гостиную, которая теперь служила столовой, а комната дамы Хикс, судя по подписи, раньше была прачечной. На месте гостиной на первом этаже раньше, оказывается, размещался магазин. Узкая лестница, которой, по словам настоятельницы, пользовались лишь слуги, вела от кухни на чердак.

На втором этаже были обозначены большие комнаты: вероятно, позже их разделили на спальни и ванные поменьше.

На чердаке, где сейчас жили они с Фенеллой, так же было три комнаты. Приглядевшись к плану своего кабинета, она увидела еще одну дверь, которая вела, судя по всему, в чулан или кладовку. Если Тея не ошиблась, именно там штукатурка чуть поддавалась от нажатия. Но почему это помещение закрыли?

На планах также были указаны сады, включая набросок цветника в форме пентаграммы. Этот символ, как Тея прекрасно знала, связывали с колдовством, его якобы использовали во время магических обрядов, для предсказаний будущего или призыва дьявольских сил, хотя столь же часто связывали и со стихией земли. Получается, он с самого начала был там. У Теи засосало под ложечкой, инстинкты подсказывали, что это важно, хотя она пока и не понимала насколько.

Перед поездкой Тея перевела телефон в беззвучный режим и убрала в карман, и теперь, достав, украдкой сделала пару снимков чертежей и уже потом перешла к разложенным чуть дальше папкам. Открыв первую страничку, она глянула на часы: двенадцать тридцать. У нее есть еще час.

В первой папке хранились более свежие документы: газета, вышедшая пару десятков лет назад, где читателей приглашали посетить отель «Дом шелка», афиша танцевального вечера там же. Закладная. Местное агентство недвижимости описывало его как «Памятник архитектуры второй степени исторического значения». В

журнале 1980-х годов на выцветших фотографиях Тея увидела практически неузнаваемую огромную комнату с накрытым к обеду столом и спальню, всю в фестонах и рюшах.

Дальше лежала черно-белая фотография здания с отметкой года: 1931. Те же фронтоны и конек крыши, и широкий парадный вход. За следующие восемьдесят с чем-то лет мало что изменилось – по крайней мере, снаружи.

Тея все еще листала эту первую папку, но, судя по всему, за прошедшее столетие со зданием ничего не происходило. Ей было интереснее погрузиться дальше в прошлое, хотя она и знала, что сведений о доме в первые годы после постройки будет гораздо меньше.

В дверь постучали, и в проеме показалась голова Хелен:
– Вам всего хватает?

Тея кивнула, осознавая, что времени остается все меньше, а она практически только начала. Хелен вновь предоставила ее самой себе, и Тея открыла вторую папку. Вот это уже выглядело многообещающе. Но и требовало более внимательного изучения, так как среди бумаг были рукописные страницы конторской книги, письма, а на следующей странице – свернутый кусочек простого белого хлопка. Помедлив, она развернула его. Внутри лежала полоска шелка.

Сердце ёкнуло.

Точно такой же узор, как и на шелке из библиотечной книги. Цвета были ярче, сам шелк – белее, но узор не спутать с другим. Она быстро сфотографировала и его тоже, чтобы потом сравнить с кусочком, по-прежнему лежащим в сумке.

Зазвонил церковный колокол, сообщая, что, если она хочет успеть вовремя на встречу с мистером Баттлом, ей пора бежать.

– Это все? – Привратник неловко опустился на колени у того места, которое указала Тея. Пока ее не было, кучки земли подросли, и сейчас уже достигали сантиметров пять, а то и больше в высоту.

Мистер Баттл привел с собой инспектора из службы по борьбе с вредителями, высокого не улыбчивого человека в спецодежде цвета хаки и в защитных очках.

– Что скажешь, Джим? – поинтересовался мистер Баттл.

Инспектор склонился над полом в том же месте и потер серый порошок в пальцах.

– Хм-м-м, – промычал он. – Очень мелкая, практически пыль. Это вряд ли грызуны, – повернувшись к Тее, сообщил он, надавливая на деревянный пол обеими руками. – Похоже, появляется из-под половиц.

– И рядом с этой стеной тоже, – указала Тея. – Думаете, это точильщики или еще какие-то насекомые в полу?

Инспектор выпрямился.

– Что бы то ни было, это не грибок и не сухая гниль, хорошие новости. Осмотрю здание снаружи, возьму образцы на проверку. – Вытащив пару пластмассовых колбочек, он наскреб в каждую немного непонятной пыли и плотно закрутил крышечки. – Вы только здесь это обнаружили? – уточнил он, нацарапав на этикетках комментарии и плотно приклепнув их на контейнеры.

Тея кивнула.

– Все исследуем и свяжемся с вами, если что-то обнаружим. Хотя это может быть и самая обычная пыль или, может, грязь с ботинок? А сквозняк смел их в кучки.

Тея ни на секунду не поверила подобному объяснению.

– Но они становятся больше, – возразила она, разочарованная очевидным безразличием инспектора к проблеме. – И я практически всегда оставляю обувь внизу.

– Знаете что, в прошлый раз я видел похожую землю на похоронах своего дедушки, – размышлял вслух Баттл. – Сейчас на них уже не ходят. Проводят эти свои кремации и поминальные службы, никакого уважения к традициям.

– Вы о чем? – Тея понятия не имела, к чему он клонит.

– Прах к праху, пыль к пыли... очень похоже на землю над кротовыми норами. Раньше ее собирали и использовали на похоронах.

– Но это же невозможно здесь, мы на третьем этаже, – удивилась Тея.

– Во всем разберемся, не переживайте, – заверил ее инспектор. – Хорошенько обработать раствором – и готово, если вообще понадобится. А за дом не беспокойтесь, он нас с вами еще перестоят.

Проводив мистера Баттла с инспектором, Тея пошла готовить чай. В столовой тоже был чайник, и, взяв из стоявшей рядом коробочки

чайный пакетик, она залила его кипятком. Со дна всплыли какие-то черные крупинки. Злясь на себя за то, что, похоже, ненароком порвала бумажку, она вытащила его, но тут заметила какое-то движение в воде. Тея пригляделась повнимательнее. Черные крупинки были не чайными листьями. В чашке плавали крошечные жучки. Ее передернуло. Что такое с этим чаем?

Она проверила пакетик, и там их оказалось еще больше.

Особенно брезгливой Тея себя не считала, но вид копошащейся массы крошечных насекомых мог вызвать тошноту и у более крепкого человека. При мысли, что могла нечаянно это выпить, она поперхнулась. Вылив все в раковину на кухне, Тея на краткий миг задумалась, уж не подшучивает ли кто над ней с девочками.

«Превращаешься в параноика, перестань», – укорила она себя. Да и кому бы такое пришло в голову? Она знала, что паразиты – обычное явление в старых домах, ничего необычного. Хотелось бы верить, что дезинфекцию проведут как следует и избавятся от всех непрошенных обитателей дома.

Горячий крепкий кофе, к счастью, на вид и вкус был в порядке, так что Тея устроилась за одним из обеденных столов. Отставив чашку подальше, она бережно вытащила полоску шелка и открыла сделанную в архиве фотографию.

Никаких сомнений: тот же самый рисунок. На ее кусочке даже был крошечный надрез, а на архивном шелке – нет. Она выключила экран.

– Откуда это у вас?

Тея так и подпрыгнула на скамье.

– Что? – глупо переспросила она, обернувшись к возникшей позади нее даме Хикс. Порой рядом с этой женщиной она чувствовала себя двенадцатилеткой, которую вот-вот отчитают. И как настоятельнице удастся так бесшумно двигаться?

«Пожалуйста, не могли бы вы кашлянуть, когда подкрадетесь в следующий раз?» – хотела попросить Тея, но не осмелилась.

Женщина с любопытством указала на ткань.

– Эм... – Тея решила признаться: – Я нашла ее в школьной библиотеке.

Дама Хикс поджала губы, словно решая, верить ей или нет.

– Ведьмин цветок, – промурлыкала она себе под нос, с нежностью касаясь ткани согнутым пальцем.

– Что?

– Ядовитое растение. Красавка. Ее чаще называют белладонной. А этот паук – черный кружевопряд или что-то похожее. *Ataurobius ferox*. Вылупившись, выводок пожирает мать, – сообщила дама Хикс со странной улыбкой на тонких губах.

– Мило. – Тею передернуло.

– А как этот кусочек оказался в школьной библиотеке?

– Понятия не имею. Но я не собиралась его забирать, честное слово. – Тея поморщилась, услышав себя со стороны: лепечет точно школьница, пойманная на вранье. – Он лежал в книге об истории этого дома. Наверное, уходя, я случайно схватила его вместе с записной книжкой и тетрадями. Как думаете, возможно ли, что такую ткань продавал живший здесь торговец шелком? Неужели она настолько древняя?

– Подобное, конечно же, возможно, даже с большой долей вероятности, – согласилась настоятельница. – Вы не против, если я одолжу ее на время?

Показалось ли Тее или на краткий миг в глазах женщины мелькнул алчный огонек?

– Но разве мы не должны ее вернуть? Если шелк действительно выткан в восемнадцатом веке, он же представляет определенную ценность?

– Не думаю, что они хватятся крошечного кусочка. Ничего страшного в этом не вижу. Мне нужно совсем ненадолго.

– Что ж... – беспомощно протянула Тея. Ей не хотелось отдавать свою находку, но достойной причины в голову не приходило. Вообще-то, может, так настоятельница будет на ее стороне. – Но зачем он вам? – Она не стала упоминать, что нашла в архиве кусочек шелка точь-в-точь, как этот.

– Моя мать занималась гербологией, она и передала мне некоторые рецепты, как, полагаю, я уже упоминала ранее. Сейчас она живет в доме престарелых, ей почти девяносто лет, и в жизни у нее уже не так много развлечений, но, думаю, это ее порадует.

На такое объяснение Тея вряд ли могла что-либо возразить.

Глава 26

Сейчас

С самого приезда в Дом шелка у Теи были проблемы со сном: каждую ночь она просыпалась до рассвета и потом не могла заснуть. Порой ей казалось, на грани сна и бодрствования, что дом пытается ей что-то сказать и что эти скрипы и шорохи – не просто звуки старого здания.

Вот и сейчас она открыла глаза в темноте, только осточертевший будильник светился на столе. Но разбудил ее не звонок, а что-то иное, это точно.

Тея определенно слышала шум и поэтому проснулась: словно что-то двигали, кто-то сдавленно хихикнул. На часах было далеко за полночь, так что все девушки давно должны были спать крепким сном. Вот, в третий раз тот же звук. Некоторое время она лежала, притворяясь, что ничего не слышала. Ей в самом деле не хотелось вставать и идти разбираться, но все равно ведь придется. Да она иначе и не уснет.

Нащупав тапочки, дрожа от холода, она накинула халат, нашла очки, телефон и включила в нем фонарик. Выглянула в коридор, прислушиваясь: полоска света виднелась под дверью Фенеллы, оттуда же и доносился приглушенный шум. Тея была удивлена: от такой тихой и погруженной в книги девочки она этого не ожидала. На цыпочках дойдя до двери, она прислушалась, различив приглушенные смешки, два разных голоса.

Тея распахнула дверь, и ее глазам предстала сцена, которую она предпочла бы не видеть: группа девушек сидела, собравшись в кружок, перед ними на полу дугой разложены буквы. Дальнейших объяснений Теи не требовалось. Вся комната пропахла ароматизированным антисептиком (все девушки без исключения на нем словно помешались, как в ее годы – на липком вишневом блеске для губ). Тея осветила фонариком в комнату:

– Вы серьезно? – рявкнула она, когда они попытались прикрыть лежавшую перед ними доску Уиджи. – Духов вызываете? Вы хотя бы представляете, какие проблемы накликали на свои головы? – Внезапно охвативший ее гнев мешал говорить спокойнее.

Она вспомнила другой случай, произошедший много лет назад. Тогда они поехали в Сидней и решили посмотреть карантинную станцию Мэнли эпохи королевы Виктории^[10]. Стоя в крохотной ванной караульного помещения, ей неожиданно захотелось сбежать, выбраться; кожа покрылась мурашками от страха. Спотыкаясь, она протиснулась сквозь толпу к выходу, жадно вдыхая свежий воздух. В той комнате произошло нечто ужасное, чудовищное, она знала. От Дома шелка у Теи начали возникать похожие ощущения, и это уже немного раздражало.

– О господи... прошептала Морган.

– Простите, мисс, – извинилась Фенелла.

– Должна сказать, я была о вас всех более высокого мнения.

– Мы просто шутили, – добавила Сабрина.

– Несколько неподходящее место и время, не так ли? – Тея окинула их всех сердитым взглядом.

Арадия, бросившаяся при ее появлении прикрывать доску, хотела что-то сказать, но Тея подняла руку:

– Никаких оправданий. Я хочу, чтобы вы сейчас же вернулись в свои комнаты и легли спать. Если до утра из ваших комнат раздастся хоть один звук, отвечать вы будете перед директором. Все остальное обсудим завтра.

Она открыла дверь, и четверо девушек, кроме Фенеллы, поспешили прочь из комнаты и вниз по лестнице, спотыкаясь и чуть не налетая друг на друга по дороге.

Следующим вечером все нарушительницы порядка ждали ее в столовой. Утром до уроков Тея велела им остаться после ужина, решив весь день промариновать их в неведении относительно своей судьбы. Это само по себе было достаточным наказанием, и, как Тея надеялась, теперь они уже не бросятся сломя голову совершать другие шалости.

– Итак, – начала она. – Кто расскажет мне о том, чем вы занимались прошлой ночью?

Девушки покраснели, нервно переминаясь с ноги на ногу, глядя на свои руки, ботинки, пол – куда угодно, только не на нее. Тишина затянулась. Только Фенелла посмотрела ей в глаза.

Наконец она заговорила:

– Мы просто дурачились. Знаю, мы поступили нехорошо, но честное слово, это было в шутку.

– Да, мисс, – поддержала подругу Сабрина. – Нам очень жаль. – Девушка действительно выглядела искренне раскаивающейся – ну или же хорошо играла. Тею это пока не убедило.

– Это правда, мисс, – добавила Морган. – Мы очень сожалеем.

– Безусловно, – эхом вторила Фенелла, и все девушки кивнули, бормоча согласие. – Просто после рассказов мальчиков... мы подумали, что здесь может быть...

– Может быть что?

– Дух.

Тее тут же вспомнилась история Клэр о молодой женщине, по слухам появляющейся в Доме шелка, и те явления, которые она замечала сама, и непонятная смутная тревога, которую вызывало у нее это здание. Но ничего из этого она рассказывать не собиралась.

– Ну же, девушки. Вы же все разумные люди и знаете, что это просто бред, верно? Наверное, сами себя напугали, глупышки. – Тея немного смягчилась. – Если крик Джой с этим как-то связан.

– Это из-за Исиды, мисс, – пояснила Джой и покраснела. – Я решила, что она призрак.

– Что ж, я не собираюсь читать вам лекцию о важности сна для хорошей учебы и общего самочувствия. Но скажу вот что: вы, без сомнения, прекрасно знаете, что каждую из вас выбрали благодаря вашим способностям и интеллекту, но это не означает, что для достижения результатов можно не трудиться. На одном таланте далеко не уедешь. Не отвлекайтесь на глупости и не подведите себя, девочки, – уже гораздо мягче закончила Тея.

Все неловко переминались, и Тея видела, что ее слова оказали нужное воздействие. В конце концов, не будь они ответственными, добросовестными девочками, их бы и не взяли в школу, даже Сабрину, которая уже показала свой бунтарский дух.

– Не ожидала, что придется об этом напоминать, но к вам, как к первому выпуску учениц колледжа, будет приковано пристальное

внимание всех, в отличие от других учеников. Стоит вам хоть чуть-чуть оступиться, и любая ошибка непременно повлечет за собой последствия – каким бы несправедливым это ни казалось. – Судя по полным раскаяния лицам, ее слова попали в точку. – Не собираюсь спрашивать, чья была идея, – добавила Тея, – как я вижу, вы все виноваты. Но... – Специально сделав паузу, она подвела итог: – На первый раз прощается. – Девочки с облегчением переглянулись. – Однако еще один проступок, и у меня не останется выбора, кроме как поставить в известность директора.

– Да, мисс, – хором согласились они. – Обещаем.

– Я также не хочу, чтобы вы обсуждали это с другими девочками. Не хватало еще, чтобы остальные тоже забивали себе голову всякими глупостями.

Все кивнули, теперь открыто глядя ей в глаза.

Тея уже собиралась их отпустить, когда Фенелла заговорила:

– Мы еще кое-что не рассказали вам о прошлой ночи. – Она запнулась. – Это не просто любопытно...

– Что ж, в таком случае расскажите.

– Доска кое-что показала. Сначала я подумала, что это просто слово^[11], но потом поняла, что это ваше имя, с инициалами: ТРаст.

– Да, буква в букву, – закивали все.

– Что ж, не стоит принимать подобное за чистую монету, не так ли? – отрезала она, пытаясь справиться с внезапно пробившим ее ознобом. – Кто угодно из вас мог толкать стрелку. – Нечего было и думать, что это может быть чем-то иным, кроме проделок ее учениц.

Глава 27

Апрель, 1769 год, Лондон

От красоты шелка, появляющегося на ткацком станке, у Мэри перехватило дыхание: она и мечтать не смела, что узор окажется настолько завораживающим. Уже через две недели, не в силах больше ждать, она вернулась к Бриджет, чтобы проверить, как идут дела.

Благодаря сиянию шелка и пастельным тонам цветы смотрелись как живые, почти неотличимы от тех, что она собирала на лугу для вдохновения. Нежно-салатовый фон напоминал весну, когда весь лес стоит словно в зеленом дыму еще не распустившихся листочков. На нем проступал узор из полевых аквилегий, васильков и смолёвки, звездчатки и клематиса, при этом тут и там встречались толстые гусеницы, грызущие травинки, алые панцири божьих коровок, греющихся в изгибе цветочного лепестка, и черно-желтые, с прозрачными крылышками пчелы, собирающие пыльцу.

– Ничего подобного в жизни не видела, – покачала головой Бриджет. – Хотя признаю, они как живые. Но насекомые? – Женщина содрогнулась. – Кто захочет носить такое платье или камзол?

Мэри не стала на это отвечать.

– Спасибо, Бриджет, – просто поблагодарила она. – Это в самом деле невероятно – видеть, как появляется готовый узор. Я очень признательна за ваше мастерство и самоотдачу.

Женщина, что-то проворчав, вновь склонилась над станком.

– Приходите через неделю. К тому времени закончу.

Мэри нехотя послушалась. Хотя у нее и было чем заняться, дни в ожидании тянулись, как патока.

Увидев второй отрез с узором из ведьминых цветов, который ей так понравился, Мэри просто потеряла дар речи. Пурпурная белладонна и пятнистая наперстянка на насыщенном кремовом шелке будто переливались в тусклом свете.

– Ткань для тысячи свечей, – заметила Фрэнсис, разглядывая работу Бриджет, которая согласилась вплести в ткань немного

серебряной нити, теперь мерцающей в солнечных лучах.

– А это видишь? – гордо указала на краешек ткани Мэри: там сидел крошечный паучок-кружевопряд, ее собственная шутка, и плел серебристую паутинку.

Красивые и смертельно опасные.

– Ты знала, что в Древнем Египте пауки были символом богини войны Нейт? Считалось, что они ткут судьбу.

Фрэнсис прищурилась:

– Доверяю твоим знаниям, сестра.

Мэри запретила себе сомневаться. В ее представлении дама острого ума и с определенным чувством юмора придет в восторг от подобного нетривиального узора и непременно захочет сшить себе платье. Второго такого не сыскать во всей Англии, это уж точно.

– Направлю один отрез мистеру Холландеру со следующей почтой. Со счетом за работу Бриджет. – Мэри погладила оба рулона, не в силах отвести глаз. – И кого же из вас, красавцев, мне отправить первым? – спросила она.

– Белладонну, – твердо произнесла Фрэнсис. – Одно ее присутствие здесь тревожит меня.

Мэри подняла на нее озадаченный взгляд.

– Вот и Бриджет О’Нил сказала мне нечто подобное. Что пока она работала над вторым отрезом, ей почти каждую ночь снились кошмары, она едва спала. Поэтому так быстро и закончила – призналась, что хочет поскорее избавиться от него. Но я никогда бы не подумала, что подобные предрассудки могут быть у тебя.

– Честно тебе скажу, не могу объяснить причину, но лучше отправь этот отрез первым, – попросила Фрэнсис.

– Конечно, в таком случае решено. – Мэри тщательно завернула шелк в обычный грубый хлопок, а затем в несколько слоев коричневой бумаги; написала счет, положила его внутрь и перевязала посылку.

– Будем надеяться, оплата скоро придет, – вздохнула Фрэнсис.

Глава 28

Сейчас

После уроков Тея сидела за письменным столом у себя в кабинете; девочки пока оставались в главном здании, выполняя домашнюю работу, и в Доме шелка царили тишина и покой. Еще даже не начали готовить ужин, да и дама Хикс не появлялась, хотя наверняка была где-то в здании. Тея усердно работала, листая разбросанные по всему столу учебники и делая пометки.

Ее ученики расщелкали первую тему как орешки, гораздо быстрее, чем она рассчитывала, и теперь Тее самой нужно было нагонять, если она хотела и дальше опережать их. Она планировала обсудить вопрос с главой своей кафедры: с такой скоростью ученики могли упустить детали и тонкости темы, а ей этого не хотелось. Учить таких способных ребят было одно удовольствие, хотя и сил требовало немало.

До Теи донеслись звуки фортепьяно. Мелодия успокаивала, и какое-то время она просто слушала, но потом задумалась: кто же играет, раз девочки в школе? Что-то мягкое коснулось ее лодыжек. Исида. Кошка прижалась к ней, выгнув спину, Тея наклонилась погладить теплую шерстку и получила в ответ жалобное мяу. Выпрямившись, она снова прислушалась, но музыка стихла, только дверь хлопнула позади дома. Все равно пора было сделать перерыв, так что Тея спустилась вниз посмотреть, что происходит.

– Дама Хикс? – крикнула она. – Это вы?

Приглушенное рыдание или, возможно, кашель. Медленные шаги. Сухой шелест, словно качающийся на ветру камыш.

– Дама Хикс? – снова позвала Тея, в этот раз громче.

Настоятельница появилась из сумрака, к длинной до пола юбке пристали сухие листья и прутьики.

– Все в порядке? – спросила Тея.

Дама повернулась к ней.

– Мертвы, – безо всякого выражения произнесла она. – Все мертвы.

Из открытой двери в сад повеяло арктическим холодом.

– Что? Кто мертв?

– Рыбки. Золотые рыбки. Все до единой. Отравлены.

– Вы уверены? Может, просто погода слишком холодная?

– Какие глупости. Даже когда пруд замерзал, с ними ничего не случилось. Их отравили. Посмотрите сами.

Дойдя до пруда, Тея включила в телефоне фонарик и осветила. Настоятельница не ошиблась: брюшки всплывших в воде рыбок белели в темноте. Тея наклонилась ближе; видно было плохо, но ей показалось, что жабры у них какого-то зеленоватого оттенка. Действительно было очень похоже на яд.

Тут что-то привлекло ее внимание – в свете фонарика поблескивали радужные переливы. Подходить ближе необходимости не было, она и так поняла, что это. Призрачные поганки. Точь-в-точь как те, что они с девочками видели в лесу. Мог ли кто-то специально отравить ими рыбок? По дороге в дом она осветила на грядки: растения сморщились и высохли, даже розмарин. Еще вчера эти зимние травы прекрасно себя чувствовали!

– И растения тоже, – сказала Тея ждущей в дверях даме Хикс. – Даже розмарин, а ведь его почти невозможно убить.

Теперь настоятельница выглядела обеспокоенной, нервно стискивая руки.

– Скажите девочкам не выходить сюда, на некоторое время сад под запретом. Мы не знаем, опасно ли это для людей.

Тея вытянула руку в перчатке:

– Вы знаете, что это?

– Призрачные поганки. – Глаза ее собеседницы удивленно расширились. – Откуда они здесь?

Кто мог это сделать? И зачем? Что это, очередная глупая шутка или кто-то из преподавательского состава так боится их присутствия, что изо всех сил старается запугать? Связано ли это каким-то образом с жучками в чае и кучками земли в кабинете? Что, сам дом тоже отравлен? Мысль была просто нелепой, но, как ни старалась, Тея не могла от нее избавиться.

Она знала, что девочкам придется рассказать о саде и их находках. Тея не хотела их пугать – кто знает, насколько легко поддаются внушению девочки-подростки, особенно после опытов с доской Уиджи, но все они достаточно умны, и простыми отговорками отделаться не получится. Объяснить, почему сад теперь под запретом, можно только правдой – ну или, по крайней мере, смягченной версией.

Когда сервировали ужин (сэндвичи из поджаренного хлеба и молоко), Тея несколько раз хлопнула в ладоши, призывая к тишине. Не вдаваясь в подробности, она попросила девушек не выходить в сад, пока не осушат пруд.

– По какой-то причине все золотые рыбки погибли, – сообщила она. – Вероятно, тому есть простое объяснение, но пока мы не узнаем подробностей, я прошу вас не приближаться к саду.

За столом поднялся переполох, какие-то голоса звучали обеспокоенно, другие – негодуя, но все хотели знать больше.

– Мисс? – подняла руку Джой. – Тогда я не придавала этому значения, но после игры в хоккей на прошлой неделе я услышала, как мистер Поуп и мистер Баттл обсуждали, продержимся ли мы в школе хотя бы год. Мистер Баттл тогда сказал, что очень этому удивится. Как думаете, это может быть связано? Кто-то пытается напугать нас так, чтобы мы сами уехали?

Тею охватила неожиданная ярость. Пусть думают что угодно, но как смеют они говорить такое в присутствии учеников?

– Вовсе нет, Джой, – заверила ее Тея, стараясь держать себя в руках. – Это просто болтовня, лучше не обращать внимания, согласны? – Будь она проклята, если позволит кому-либо прогнать ее учениц. Они заслужили право находиться здесь не меньше мальчиков.

– Да, мисс.

Раздались шепотки, и Тею вновь пришлось поднять руку, призывая к тишине:

– Пожалуйста. Пока никаких обсуждений. Заканчивайте ужин и можете быть свободны до отбоя. – Бросив взгляд в сторону кухни, Тея увидела, что дверь открыта, а в проеме стоит Мойра.

Когда девочки отправились по своим комнатам, Тея заглянула к ней.

– Вы давно здесь живете? – спросила она женщину, которая тем временем протирала скамьи.

- Всю свою жизнь, – прервавшись на мгновение, ответила та.
- Получается, вы знакомы с историей дома?
- Немного. За эти годы чего тут только не было.
- Есть ли что-то, о чем мне нужно знать?
- Ну... – Мойра замешкалась.
- Да?
- Некоторые считают, что дом проклят. Я в это, конечно, не верю, – поспешно добавила она. – Иначе я бы здесь не работала, верно?
- А что за проклятие?
- Никто не задерживается здесь надолго. Все говорят, что дому что-то нужно – или он хочет от чего-то избавиться.
- «Просто отлично, – подумала Тея. – Сначала Поуп и Баттл, теперь этот дом».
- Что ради всего святого это значит? – не выдержала она.
- Здесь случались пожары...
- Да, но рано или поздно пожар случается в любом старом доме, особенно если ему несколько сотен лет.
- И есть привидение, – добавила Мойра.
- Я слышала об этом, но откровенно говоря... разве эти истории выдумывают не специально для привлечения бизнеса, а не наоборот? – Голос Теи звучал спокойнее, чем она на самом деле себя ощущала.
- Мойра пожала плечами.
- Скажите, а вы знаете что-нибудь о горничной, служившей здесь в восемнадцатом веке? Думаю, ее могли обвинить в колдовстве. Дом тогда только построили.
- Никогда о таком не слышала, – задумалась Мойра. – Но я бы не удивилась. Множество женщин из здешних мест считали ведьмами. Вот почему никто без крайней нужды не заходит в Гровели-Вуд после захода солнца.
- Тея согласно кивнула:
- Имя той девушки попало мне в книге про сестер Хандсель.
- Возможно, получится узнать больше?
- Определенно попробую. – Помедлив, она добавила: – В той книге еще был символ.
- В самом деле?
- Изображение стрелы.

Мойра неловко дернула левой рукой.

– Вы что-то еще знаете об этом? – тихо спросила Тея.

– Женщины из старинных родов... – начала она. – Те, чьи предки жили в этом городе и окрестностях еще несколько веков назад...

– Продолжайте.

– Мы все поддерживаем друг друга, что-то вроде сообщества. Мы узнаем друг друга по этому знаку. Матушка носит свой на ожерелье...

– Сообщество?

– Да.

Глава 29

Сейчас

В архиве Тея попросила принести ей те же папки о Доме шелка: ей не терпелось докопаться до сути. При виде газетных вырезок во второй папке у нее загорелись глаза. Первая заметка была сложена пополам и уже пожелтела от времени. «Сгорела при пожаре: в историческом особняке Оксли умерла женщина», – кричал заголовок. Тея взгляделась в выцветший текст, где говорилось, что пожар начался на кухне, но причина его неизвестна. Две маленькие девочки и их отец, мужчина лет тридцати, выбрались, их спасли храбрые соседи, а супруга трагически погибла в пламени, ее нашли пожарные, сумевшие подняться в еще горевшую спальню несколько часов спустя.

Тея проверила дату: 15 октября 1969 года. На следующей неделе будет пятьдесят лет. Она вспомнила, что в той книге из школьной библиотеки читала о другом пожаре, произошедшем гораздо раньше. Два пожара. Мойра говорила об этом. Для здания с трехсотлетней историей ничего необычного в этом не было, – строго напомнила она себе. Но чтобы в итоге погибли две женщины? Даже с промежутком во времени в несколько веков было о чем задуматься.

Следующая информация о доме датировалась восьмидесятыми годами, документ о продаже дома: он снова сменил владельцев. Судя по всему, хотя это и не было неожиданностью, Дом шелка много раз переходил из рук в руки, особенно в последнее время. Никто в нем надолго не задерживался.

История дома словно соединилась в книгу, и некоторые эпизоды, события из прошлого, точно чернила просачивались сквозь страницы. Тее пришло в голову, что на новых листах, рассказывающих о современности, теперь частично и ее история – ее и девочек.

Архив уже почти закрывался, когда Тея добралась до конца папки, и последние несколько минут она торопливо пролистывала оставшиеся страницы. Больше всего ее интересовало самое начало. Можно назвать это инстинктом историка, но ей никак не удавалось

избавиться от тянущего чувства, что именно тогда что-то произошло, в течение первых лет; возможно, ответ крылся именно там.

Она перевернула последнюю страницу: еще одна газетная вырезка, на этот раз от 2001 года. «Необычайные фантомы», значилось в статье из Оксли-Гэзетт. В статье рассказывалось о привидениях, которые якобы встречались в графстве, и гость, остановившийся в Доме шелка, тогда бывшего отелем, утверждал, что видел в своей комнате призрака. Молодую женщину в изножье кровати. В плаще с капюшоном.

На этих словах у Теи перехватило дыхание. Она посмотрела по сторонам, на будничную обстановку комнатки архива, затем вновь на статью, убедиться, что глаза ее не обманывают. Все верно. Подробное описание женщины в плаще в изножье кровати... Это был только сон, напомнила она себе.

Подойдя к окну, Тея выглянула на улицу. За то время, что она провела в архиве, напоззли низкие серые тучи, грозя дождем из тяжелых облаков, напрочь скрывших солнце. Будто потолок опускался все ниже и ниже, грозя раздавить ее.

Когда пришло время уходить, Тея вытащила пару шерстяных перчаток и обмотала шарфом шею, не переставая думать о том, что она прочитала, и возможном скрытом подтексте. Действительно ли в доме обитали призраки? И была ли как-то с этим связана обвиненная в колдовстве горничная? Тея уже не знала, верит она в это или нет и, что важнее, если все же верит, то что должна делать? Дрожа от холода, она поспешила к машине Клэр, сразу же включив обогрев на полную мощность, но согрелась далеко не сразу.

Следующим утром в учительской Тея первым делом направилась к Гарету Поупу:

– Могу я с вами поговорить?

Учитель физкультуры, как раз наливавший себе кофе, чуть не облился кипятком, но в последний момент все же сумел выправиться и налить его не на башмаки, а в чашку, как и предполагалось изначально. Отставив полную кружку, он вопросительно поднял брови:

– О чем?

– Перейду сразу к делу. Хотя я не терплю сплетен, мне стало известно, что вы разделяете убеждение мистера Баттла о том, что

девушкам не место в Оксли-колледже. А также что у вас есть сомнения в том, что прием учениц пойдет школе на пользу и что вы выражали свое мнение при них.

– Ничего подобного. – Он выглядел ошеломленным. – Если на то пошло, я защищал их перед стариной Баттлом. Это он недоволен переменами, не я.

– В Доме шелка, как вам, конечно же, прекрасно известно, было несколько происшествий. Если мне доведется узнать, что кто-либо из школы имеет к ним отношение...

Гарет Поуп, казалось, был озадачен.

– Мисс Раст, вы мне угрожаете?

– И, насколько я понимаю, я пропустила хоккейную тренировку вчера, – заметила она, меняя тему. Свою позицию она уже донесла.

Гарет Поуп поднес чашку к губам и сделал глоток, пристально ее разглядывая.

– А я гадал, почему же вы не пришли.

– Ее не было в моем расписании, – изо всех сил стараясь сохранять нейтральный тон, ответила она. – И я не представляю, как это могло случиться.

– Намекаете, что я умышленно удалил вас из списка, так?

– Так что?

– Меня оскорбляет сам ваш вопрос. Разумеется нет. Я не настолько мелочен.

Не успела Тея решить, верить ему или нет, как в учительскую влетела Клэр, чуть не врезавшись в них обоих.

– Тея! У меня сегодня окошко, увидимся?

Тея кивнула, отворачиваясь от Гарета. Ей нужно было кому-то рассказать о том, что происходит в доме – хотя бы чтобы убедиться, что она просто начиталась всякого.

– Итак, можно я сразу уточню: кто-то отравил рыбок, ты нашла разбросанные по земле грибы, кучки земли у себя в кабинете, жучки в чае, а еще ты думаешь, что видела привидение? – скептически подняла брови Клэр.

– Мне приснилось привидение, – поправила ее Тея. – Тут есть разница.

– А еще несколько сотен лет назад жившая здесь горничная каким-то образом была связана с колдовством? Послушай, я могу

понять, что отравление рыбок тебя беспокоит, но призрак? – Она подняла руку. – Понимаю, что это был только сон, но была ли она похожа на ту девушку, что я описывала?

Тея кивнула:

– Сходство было.

– Ты же говорила, что не веришь во всю эту чепуху.

– Не верю, но не только тебя до смерти напугало то, с чем мы тогда столкнулись по дороге с вечеринки, – напомнила ей Тея.

– Ну ладно, это действительно было страшно, но в самом деле... Мы немного выпили, и еще туман этот. Там могло быть что угодно. Сейчас все кажется даже немножко глупым.

– Я выпила всего два бокала глинтвейна за четыре часа, – запротестовала Тея. – И я знаю, что мы видели не просто туман. Кроме того, я слышала шаги по лестнице, когда в доме никого не было, кто-то играл на фортепьяно днем, когда девочки были в школе... Я не могу нормально спать по ночам, постоянно просыпаюсь в полночь, в два, в три ночи. Если совсем честно, не уверена, что смогу долго продержаться.

Они шли бок о бок по тропинке в Саммерборн, огибавшей поля и игровые площадки. Клэр остановилась и повернулась к Тее:

– Ты не думаешь... и поверь, я вовсе не хочу тебя обидеть, но тебе не кажется, что ты принимаешь все слишком близко к сердцу? В конце концов, тебя поставили на такую ответственную должность и совсем без подготовки – шутка ли, присматривать за четырнадцатью девочками-подростками, которые впервые приехали в эту школу, как и ты сама. Причем в школу, куда до этого дня их вообще не пускали. Мы тянем это место в двадцать первый век, но никто не говорил, что будет просто.

– Тринадцать, – напомнила Тея. – Тринадцать девочек. В общем, я все думаю, может, это саботаж? С рыбками. Ведь в школе есть люди, которые в самом деле не хотят нас здесь видеть. Как мистер Баттл, например.

– Это возможно, – поджав губы, согласилась Клэр. – Но ты серьезно? Я всегда считала, что Баттл лает, да не кусает, но, с другой стороны, никогда не знаешь, кто на что способен, пока не окажется в определенных обстоятельствах. Директору Фоксу говорить будешь?

Тея поникла.

– После случая с Сабриной он и так считает, что я не подхожу на эту должность. И моя паранойя его мнения явно не улучшит. Кроме того, у меня нет никаких доказательств, да и мистер Баттл работает в школе целую вечность, а я тут без году неделя. Не хочу еще больше все испортить. Но я беспокоюсь не только за себя: что, если девочки в опасности? Там определенно есть нечто, что хочет от нас избавиться. – Она резко замолчала. – Господи, теперь я говорю, как будто у меня не все дома.

Клэр окинула ее серьезным взглядом.

– Нам нужно зайти к моей знакомой, Фионе Спэнсвик. Она живет здесь недалеко. – Клэр вытащила телефон и быстро набрала сообщение.

Ответ пикинул через пару мгновений.

– Отлично, можем заглянуть прямо сейчас. Ее дом дальше по дороге, будем там минут через пятнадцать максимум.

Озадаченная, Тея пошла по тропинке следом за подругой, и вскоре они вышли к Саммерборну, где остановились у небольшого коттеджа с соломенной крышей.

У двери их встретила элегантная женщина, одетая в теплый черный свитер на несколько размеров больше, брюки, прекрасно на ней сидящие, и вельветовые тапочки. Темные с проседью волосы были уложены в низкий пучок, в ушах поблескивали жемчужные серьги. Она сразу же обняла Клэр как старого друга и тепло улыбнулась Тее.

– Прости, что мы так на тебя свалились, просто уже подходили к Саммерборну, и я подумала, вдруг ты сможешь помочь, – объясняла Клэр, следуя за хозяйкой дома в кухню.

Что, эта женщина была кем-то вроде психотерапевта? Тею передернуло. Она очень, очень не хотела что-то о себе рассказывать, тем более незнакомому человеку.

– Вот как? – Фиона тем временем уже наполнила чайник в раковине и достала три чашки из шкафчика.

– Прости, Тея, я должна была объяснить. Фиона – курат Сант-Маргарет, церкви Оксли, – пояснила Клэр. – Они с моей мамой давние подруги. И с тех пор, как я поселилась здесь, Фиона для меня как родная тетя.

– А разве вам не нужно носить облачение, воротничок или что-то такое? – спросила Тея.

– Не всегда, – снисходительно улынулась Фиона.

Тея непонимающе кивнула, до сих пор теряясь в догадках, чем женщина могла ей помочь.

– Наша работа – это не только рождение-свадьба-смерть, – словно прочитав мысли Теи, пояснила Фиона. Поставив горячие чашки, она жестом пригласила всех к столу. – Не все об этом знают. Пожалуйста, вот молоко, сахар. Еще у меня где-то были печенья. – Повернувшись к буфету, она открыла ящички.

Тея потянулась за чашкой и вздрогнула, увидев рисунок на каждой из них. Пурпурные цветы в форме звездочек, прозрачные, точно акварельные рисунки. Почти как те, что на найденном в старой книге кусочке шелка.

– Моя маленькая шутка, – кивнула на чашки Фиона, заметив, что Тея не сводит с них глаз. – Белладонна. Смертоносный цветок.

При упоминании названия Тея дернулась, но Фиона, которая тем временем нашла пачку с печеньем и теперь выкладывала их на тарелку, ничего не заметила.

– Имбирную печенюшку? – предложила она, подталкивая их к Тее. – Угощайтесь, правда вкусные. – Фиона наклонилась над столом, обхватив чашку обеими руками, закрывая цветы. – Итак, чем могу вам помочь?

Тея, запинаясь, так как чувствовала себя немного глупо, сидя в уютной кухне Фионы и говоря о призраках, начала рассказ.

– Вероятно, объяснение в том, что кто-то пытается нас напугать. Но что, если причина другая? – Тея не могла поверить, что всерьез рассматривает возможность какого-то паранормального явления. Несколько месяцев назад она бы только фыркнула, но теперь, после всего, чему сама стала свидетелем, уже не была так уверена. – И еще земля.

– Земля?

– Появляется на полу в моем кабинете. Баттл, привратник, сказал, что она напоминает ему землю, которую когда-то использовали на похоронах.

– Понимаю, – сказала Фиона, выслушав историю до конца. Искоса взглянув на Клэр, она обратилась к Тее, тщательно подбирая слова: – Я бы сказала, что в доме есть неуспокоенная душа.

Тея удивленно отпрянула, откидываясь на спинку стула.

– Неупокоенная?

– Злой дух, – драматично вытаращив глаза, пояснила Клэр.

– Не обязательно, Клэр, – поцокав языком, пожурела ее Фиона. –

Но, судя по всему, что-то там определенно есть. Иногда может показаться, что в доме есть некое, как бы лучше выразиться, присутствие, особенно если здание старое или там произошла трагедия.

– Я пыталась узнать больше об истории этого места, – вставила Тея.

– И?

– В шестидесятых там случился пожар, погибла женщина. А пару столетий назад, кажется, горничную обвинили в колдовстве, но подтверждений я не нашла. Еще есть свидетельства людей, видевших призраков, но это было давно. И на самом деле было два пожара, один – почти сразу после постройки здания, тогда тоже погибла женщина. Как думаете, это может быть связано? – спросила она.

– Две трагедии, – подвела итог Клэр.

«Третьей не будет, – поклялась про себя Тея. – Я сделаю все, что в моих силах».

– Это возможно, – кивнула Фиона. – Так или иначе, как я говорила, некоторые люди более чувствительны к подобного рода вещам, они улавливают вибрации, которые большинство людей не замечают. – Она поднесла чашку к губам и сделала маленький глоток. – У них как будто есть связь с прошлым, а порой призрак сам может пристать к такому человеку.

– Ну это перебор, – присвистнула Клэр.

Тея вздрогнула. От человека с религиозными убеждениями она такого вывода не ожидала, особенно от Фионы, которая выглядела абсолютно нормальной. Но, может, именно поэтому в ее словах был смысл. Если она верила в высшие силы, значит, вполне могла верить и в необъяснимые явления.

– И вы считаете, что таким человеком могу быть я? – удивилась Тея.

– Вероятность определенно есть.

– И что же я могу сделать? Это ведь может начать сказываться на ученицах.

– Не говоря уже о вас, моя дорогая. Клэр об этом знает, а вы еще нет, но я состою в епархии известной как «Миссия спасения». – Она благодушно улыбнулась, в уголках глаз собрались морщинки. – Звучит довольно зловеще, но, поверьте, все не так.

– Никогда не слышала о такой, – обескураженно заметила Тея.

– Мы не афишируем свою деятельность. Считайте это целительской практикой, если так удобнее. За крупные, значительные проблемы берется другая ветвь, я же отвечаю за дела меньшей сложности, в частности, помогаю изгнать из здания или из человека преследующий его дух, – сообщила Фиона. – Такое происходит чаще, чем все думают. Иногда остаточная энергия остается в доме или на фабрике – в кирпичках, растворе, и ее нужно рассеять.

– Хотите сказать, как полтергейст?

Фиона кивнула, ставя чашку и усаживаясь поудобнее.

– Что-то вроде.

– А что тогда за более сложные дела?

– Вне моей компетенции, моя дорогая. В основном одержимость демонами.

– Экзорцизм?

Стоило Клэр произнести это, как Тею пробрал мороз по коже.

– Мы все же предпочитаем говорить «миссия спасения», – деловым тоном поправила Фиона.

Тея была потрясена, что подобное вообще возможно в реальности, но решила, что сейчас готова попробовать что угодно.

– Девочки должны быть в школе в это время. Желательно, чтобы вообще никого не было. Там есть еще одна женщина, домоправительница, дама Хикс, вряд ли она очень восприимчива к подобным вещам.

– Разумеется. Я сохраню все в тайне, можете не сомневаться.

Они договорились о времени на следующей неделе, когда девочки уйдут на занятия, а у дамы Хикс будет выходной.

– Потребуется как минимум пара часов, – предупредила Фиона. – Здание большое, и мне нужно будет осмотреть каждую комнату. Со мной будет несколько помощников, все они сталкивались с подобным прежде.

– А если это не сработает?

– Тогда я направлю вас к психологу.

– Но это не у меня в голове, – настаивала Тея. – Я не выдумываю.

– Я верю вам, моя дорогая, – заверила ее Фиона. – И хочу помочь.

Они обсуждали детали, когда Тея, подняв голову, увидела часы над плитой:

– О господи – ой, простите. Нам пора возвращаться, у меня через двадцать минут урок.

Торопливо благодаря и прощаясь, Тея уже выходила, но тут блеск снизу привлек ее внимание. Вышивка на тапочках Фионы. Сначала она не разглядела узор, но теперь он отчетливо поблескивал на солнце. Стрелы. Те же самые, что и на ключах, и на броши дамы Хикс, и на татуировке Мойры, и на камне в лесу. Сообщество женщин. Тея не знала, беспокоиться или вздохнуть с облегчением от того, что Фиона оказалась одной из них.

Глава 30

Апрель, 1769 год, Оксли

– Вы ее видели? Элис? – спросила у Пруденс Роуэн, вернувшись в дом от мясника. Она ждала снаружи, пока не появился Томми с тележкой, собираясь доставлять товары.

– Боюсь, ты избегаешь меня, – прямо сказала она.

Томми остановился, отведя тележку к обочине:

– Клянусь, это не так. Второй посыльный заболел, и я выполнял и его работу тоже. Все эти недели заканчивал только к ночи.

– Томми.

Обида в глазах Томми от ее холодного тона была невыносимой.

– Роуэн, что не так? Я думал, мы друзья. Роуэн? – настойчиво повторил он, не дождавшись ответа. – Не представляю, чем мог расстроить тебя, но если так, скажи мне чем, чтобы я мог принести свои извинения.

Он говорил так искренне, что она почти поверила. Поковыряв носком ботинка куст пижмы, Роуэн наконец произнесла:

– Ты... и Элис, – сказала она, не в силах дольше сдерживаться.

– Я и Элис? – озадаченно переспросил он. – Мы едва знакомы. С ней что-то случилось?

– Разве она сама тебе еще не рассказала? – сердито покосившись на него, отозвалась Роуэн, но Томми по-прежнему смотрел непонимающе.

– Нет. Я не разговаривал с ней. По крайней мере, недавно.

– У нее будет ребенок, – украдкой оглядевшись, прошептала Роуэн.

Недоумение в его глазах сменилось неподдельным потрясением.

– И я все еще не представляю, при чем здесь я.

– Полноте. Ты точно уверен?

В его глазах на мгновение мелькнуло осознание и ярость.

– Не знаю, кто распространяет эти слухи, и если узнаю, я им задам, получат по заслугам, – с негодованием пообещал он. – И ты

поверила этим злобным сплетням! Я был о тебе лучшего мнения, Роуэн Кэзвелл. Кто тебе об этом сказал? – потребовал ответа он. – Кто?

Выражение его лица было ледяным и ясным, точно колодезная вода. Зря она сомневалась в нем. Роуэн покачала головой.

– По всей видимости, я ошибалась, мои извинения. Я должна идти. – Обойдя его, Роуэн поспешила в дом.

– Элис? Она здесь? – снова обратилась она к Пруденс. Горничная хозяйки уже оправилась от приковавшей ее к постели болезни, но выражение лица у нее стало еще более кислым, чем в самом начале.

Пруденс сидела за столом с миской яблок, счищая кожуру по кругу длинными пружинящими лентами, жуя один конец.

– По-моему, она у госпожи, – ответила Пруденс. – А что это она тебе так срочно понадобилась?

– Я одолжила ей свои рукавицы, – нашлась Роуэн. – А снаружи очень уж холодно без них. Ветер пробирает до костей. – Она вздрогнула для правдоподобности.

Пруденс подняла брови, но вновь опустила взгляд на яблоко в руках.

– Что ж, теперь ты в тепле. Проходи, погрейся немного у огня, раз продрогла. Но смотри, недолго, еще стол к обеду накрывать. Вечером спросишь Элис про свои рукавицы.

– Да, – согласилась Роуэн, накинув на плиту тряпку и уже потом опуская сверху озябшие руки. – Раньше они мне не понадобятся.

Пруденс зацокала языком:

– Надеюсь, дело только в этом. Не думай, что я не вижу, как вы двое едва сдерживаетесь друг с другом. Когда вернется хозяин, он не потерпит вражды в доме.

«Это если он вообще приедет», – раздраженно подумала Роуэн, так как от мистера Холландера не было вестей уже почти две недели, хотя вернуться из своей поездки он планировал максимум через неделю.

Роуэн пришлось дожидаться вечера, чтобы поговорить с Элис начистоту; в конце концов она нашла ее в спальне хозяйки, где горничная готовила постель ко сну.

– Я сегодня видела Томми, – внимательно наблюдая за ее реакцией, произнесла Роуэн. – Он утверждает, что понятия не имеет о

твоим положении. Скажи, как такое возможно? – Роуэн с трудом удавалось говорить спокойно.

– Он лжет, – быстро возразила Элис, но Роуэн все же уловила миг промедления перед ответом.

Она ничего не сказала, ожидая продолжения.

– Он оставил меня, не хочет иметь со мной ничего общего. Да падет на него проклятье!

Элис резко села на не до конца убранную кровать, и Роуэн заметила поблескивающую на ресницах слезинку, в тот же миг скользнувшую по скуле. Прежний гнев ушел, и она спросила уже более миролюбиво:

– И я должна тебе верить? Брось, я не такая простофиля. И знаю, что ты не из тех девушек. – Роуэн села рядом с Элис, и горничная не отодвинулась. – Чей это ребенок? Хозяина?

– Если бы ты проявила ко мне хоть чуточку доброты, прошу, – заламывая руки, всхлипнула Элис. – Хотя я, наверное, этого не заслужила. Я могу тебе доверять?

Роуэн взяла ее за руку и слегка сжала:

– Ты же знаешь, что да.

– Твоя догадка была верна, – пытаюсь сдержать слезы, призналась девушка. – Это его. Он утверждал, что госпожа Холландер ему не нужна, что он хочет быть со мной и желает меня больше, чем кого-либо. Но теперь, когда она ждет ребенка, все изменилось. Он получил то, что хотел – законного наследника.

– Ох, Элис, – вздохнула Роуэн, начиная осознавать последствия.

– Он не должен узнать о моем положении, он выгонит меня, это точно! А идти мне некуда. – Она всхлипнула снова, в этот раз громче. – Я не могу попасть к Петру и Павлу!

Роуэн вздрогнула при мысли о рабочем доме на окраине города, названном в честь двух апостолов, но далеко от святости настолько, насколько это вообще возможно. За время, проведенное в Оксли, Роуэн слышала немало историй о жизни за этими толстыми стенами, об избиениях, голоде и болезнях – Элис бы и года там не продержалась, сомнений не было: количество смертей там говорило само за себя.

– Тебе же знакомо это желание, добиться чего-то в этой жизни. Неужели ты бы отказала мне в этом праве? – настаивала Элис с мольбой в голосе.

– Не я причина твоих бед, – напомнила Роуэн, хотя как только она это произнесла, ее охватила жалость к девушке. Если Патрик Холландер желал Элис, горничная вряд ли могла остановить его, хотела она того или нет. Роуэн призадумалась. – Долго скрывать причину твоего недомогания у нас вряд ли получится. И ты точно не можешь куда-то уехать и родить ребенка в безопасности.

– Раз ты смогла приготовить снадобье, чтобы ребенок появился, можешь ли ты сделать другое, которое избавило бы от него, еще не до конца сформировавшегося? – спросила Элис, часто и судорожно дыша.

Роуэн втянула воздух сквозь стиснутые зубы. Этой просьбы она боялась больше всего; как ей держать ответ перед собственной совестью? Потушить огонек жизни, едва успевший затеплиться. Она помнила, как за подобным снадобьем обращались к ее матери, выражение ее лица и неестественно прямую спину, когда она его готовила.

– Я думала, ты к подобной волшбе относишься с подозрением? – заметила Роуэн, уходя от ответа. – Ты первой обвиняла меня во всех прегрешениях.

– Я знаю. И мне очень жаль. Ты должна мне верить, – умоляла Элис.

«Множество женщин оказываются в беде, – говорила ее матушка. – Но я не могу сказать, что мне приятно готовить это снадобье, и всегда есть опасность, что прошло слишком много времени».

Роуэн постаралась вспомнить, когда именно все началось.

– Когда у тебя в последний раз были регулы?

– В начале этого года.

Если бы с таким вопросом столкнулась ее мать, что бы она сделала? Как же Роуэн не хватало ее поддержки и совета. Одно дело, когда обращаются с просьбой вызвать жизнь, и совершенно другое – помочь уничтожить ее.

– Ты можешь это сделать? – спросила Элис со смесью надежды и страха. – Еще есть время?

Сама не до конца веря, что делает, Роуэн медленно кивнула. Так будет лучше и для Элис, и для Кэролайн, так как, случись госпоже узнать о предательстве супруга, от такого удара она может не оправиться, и тогда придет конец всему.

– Нужно торопиться, с каждым днем ребенок становится сильнее. И риск изрядный. Ты уверена, что хочешь этого?

Элис упала на покрывало, словно лишившись сил.

– Разве у меня есть выбор?

– Как пожелаешь. Я поищу нужные травы, хотя что-то, возможно, придется купить у аптекаря. Тебе есть чем заплатить?

Элис кивнула, шмыгнув носом.

– Немного сбережений. Сколько ты возьмешь за работу?

– Мне не нужны твои деньги, – с сочувствием взглянув на девушку, покачала головой Роуэн. – Заплатить нужно аптекарю.

– Спасибо, – слабо, даже смиренно поблагодарила Элис, без той насмешки в голосе, что Роуэн так часто слышала.

Элис хотела сказать что-то еще, но Роуэн ее прервала:

– Будем надеяться, еще не слишком поздно. Иначе нас обоих ждут неприятности.

Никаких вестей от хозяина следующим утром так и не пришло. Роуэн была этому рада, так как в его отсутствие она могла быстро закончить с утренними делами по дому и успеть в аптекарскую лавку. Но прежде чем отправиться за травами, она заглянула на церковное кладбище, где рос один необходимый ей ингредиент. Его нужно высушить и растереть в порошок, но добавить совсем чуть-чуть – иначе он мог привести к смерти, причем не только той, которую ждали.

Пройдя через железные ворота, Роуэн сразу же увидела это дерево. Высокое, вечнозеленое, с густой кроной напоминающих плоские иголки листьев и багряными ягодами. Яд содержался в листьях, но не в ягодах. Она почти потянулась за ними, как заметила движение за могильным камнем и остановилась, замерев на месте. Увидь кто-нибудь, что она собирает тисовые ягоды, слухи разнеслись бы с такой скоростью, что ей, скорее всего, пришлось бы бежать из города.

К ней приближался священник.

– Нужна ли вам помощь? – спросил он, а затем, внимательнее приглядевшись к ней, добавил: – Не думаю, что видел вас прежде.

– Роуэн Кэзвелл, сэр, – почтительно сделал книксен, представилась она. – Служу горничной в доме Холландера, торговца

шелком.

– Я и впрямь знаю мистера Холландера, хотя мне бы хотелось чаще его видеть в церкви, – вздохнул священник.

– Он часто в разъездах, сэр.

– Понимаю. А что же привело вас сюда?

Роуэн в спешке пыталась подобрать подходящее объяснение. Ей вовсе не хотелось открывать свою истинную цель служителю церкви, он не задумываясь обрушит на нее гнев Господень при малейшем подозрении.

– Хотела поскорее добраться до мельницы, – выпалила Роуэн, понимая, что отговорка крайне неубедительная.

Священник нахмурился, и Роуэн затаила дыхание. Поверит ли он ее выдумке?

– Полагаю, вреда в этом нет, – наконец произнес он, все еще с подозрением ее разглядывая.

– Доброго дня, сэр, – попрощалась Роуэн и, подхватив юбки, чуть ли не бросилась прочь. Ей пришлось пройти мимо дерева, и она не осмелилась оглянуться, чтобы узнать, смотрит ли он ей вслед.

Дойдя до реки, Роуэн неторопливо двинулась вперед по тропинке. Когда прошло достаточно времени, как если бы она действительно возвращалась с мельницы, она повернула обратно и вновь вошла в церковные ворота. В этот раз, внимательно осмотревшись и никого не заметив, она потянулась к ветке и схватила горсть ягод, тут же спрятав их в прикрепленный к талии карман.

Оставив их сохнуть у огня до следующего утра, Роуэн объяснила Пруденс, что это для настойки от «семейной скуки», и хотя кухарка недоверчиво подняла брови, вслух ничего не сказала. С сухими ягодами дело пойдет быстрее. Роуэн надеялась, что в точности запомнила наставления матушки, включая меры всех составляющих, время настаивания и приема – и действие снадобья.

Не сразу ей удалось убедить аптекаря продать ей два недостающих ингредиента:

– Разве вы не обращались ко мне несколько месяцев назад? Искали болотную мяту и дикий бадьян?

– Да, сэр.

– А теперь желаете приобрести сушеную руту и еще дикой мяты? – По его пристальному взгляду Роуэн поняла, что аптекарь

догадался о ее планах. – Я не в состоянии понять, зачем вы вновь пришли ко мне, столь очевидно стремясь к противоположной цели, чем в первый ваш визит. Вас снова отправила сюда ваша госпожа?

Роуэн покачала головой:

– Это... это не для нее.

Аптекарь тяжело вздохнул.

– Что ж, хорошо, – уступил он, отходя за стоявшей в углу лавки лестницей. – Но если станет известно, что я отпустил такой товар в одни руки... – угрожающе предупредил он. – Если что-то пойдет не так...

– Ни одна живая душа не узнает, – пообещала она, передавая ему несколько монеток. – Клянусь своей жизнью.

– Случись что, я вас никогда прежде не видел и не увижу. К подобным делам я не желаю иметь отношения. Но возьмите. – Он протянул ей томик в алой кожаной обложке. – «Действенные травы и растения». Там вы прочтете, что делать дальше.

Роуэн не хватило храбрости признаться, что читать она едва умела. Ей придется полагаться на собственную память о приготовлении данного снадобья и инструкции матушки. Она молилась, чтобы этого хватило.

Убедившись, что все необходимое собрано и готово, Роуэн смешала травы и порошки в чашечке бренди из графина, стоявшего на секретере хозяина. Готовое снадобье она, передав Элис, велела принимать по ложке утром и вечером в течение недели.

– Будем надеяться, что оно вызовет... нужное действие. Не удивляйся, если крови будет больше, чем обычно. Может понадобится больше тряпок. И хорошенько спрячь его, подальше от глаз.

Элис выглядела очень бледной.

– А если не сработает? – спросила она.

– Тогда, боюсь, я не смогу тебе помочь.

Глава 31

Май, 1769 год, Оксли

Роуэн подметала коридор у входа в магазин и видела, как принесли посылку. И как Джеримая, разрезав веревки острыми ножницами для ткани, начал распаковывать бумагу. Перейдя с веником в помещение, Роуэн подобралась ближе к прилавку, украдкой бросая на него взгляды: ей было очень любопытно увидеть новый узор, так как работая в доме торговца шелком, она со все большим восхищением любовалась шелками, тафтой и другими тканями, они пленяли ее, как и прекрасные платья, сшитые из таких роскошных материй. Слишком часто она гадала, каково это – надеть платье такой красоты. Перед сном она мечтала об этом, представляя, как все будут сворачивать головы при виде молодой девушки со светлыми волосами в сверкающем платье, и в мыслях этой девушкой была она. Роуэн знала, что это так и останется мечтами глупенькой горничной, но по ночам ей снился блеск и шорох шелка.

Джеримая снял оберточную бумагу и разложил отрез на прилавке, который замерцал на свету, точно был не шелком, а живым существом. Роуэн так и застыла с веником в руках, несколько раз моргнув, не веря своим глазам.

В великолепном бледном шелке поблескивала серебряная нить, и Роуэн завороженно смотрела на эту опасную красоту, забыв, как дышать. Но не из-за цвета или сияния ткани, а из-за самого узора, точнее, сочетания цветов и трав, вьющихся по ткани точно по снежному покрову: здесь были пурпурные цветы белладонны и аконита, пенные шапки болиголова, переплетающиеся с розовыми колокольчиками наперстянки, светящимися изнутри, точно в лучах рассветного солнца.

– Ведьмин цветок, – прошептала она тихонько и уже протянула руку, когда раздался знакомый голос:

– Что это?

Роуэн вздрогнула: в дверях магазина стояла Кэролайн, которая должна была завтракать у себя.

– Я пришла узнать, привезли ли молоко к каше. Что это за ткань, Джеримая? – Подойдя ближе, Кэролайн взяла ее в руки, рассматривая и перебирая складки. – Я хочу знать немедленно. – Похоже, шелк притягивал ее точно магнитом, как и Роуэн.

– Не уверен, госпожа, – ответил мужчина. – Нужно свериться с конторской книгой, что за заказ.

– Я бы очень хотела отложить ее для себя, – решила Кэролайн. – На новое платье к грядущему балу в Оксли: этот диковинный узор мне очень по сердцу. – Щеки ее порозовели в предвкушении, глаза заблестели.

– Роуэн, скажи, ты же разбираешься в растениях – наперстынку я узнаю, а что за лиловый цветок?

– Их два, госпожа, – помедлив, отозвалась Роуэн. – Белладонна и аконит. Это могущественные растения, страшные яды, особенно если их соединить, как здесь.

Кэролайн рассмеялась, и от этого звука Роуэн пробрало холодом до костей.

– Какая оригинальная идея! Ручаюсь, никому прежде и в голову не приходило ничего подобного.

– Да, госпожа. – Роуэн хотела предупредить ее об опасности: она видела, как в комнату вновь напоззли зловещие тени, несмотря на ярко светившее в небе солнце, но не смела до конца открыть свои опасения из боязни навлечь подозрения. И в любом случае вряд ли госпожа поверит ей: она смотрела на ткань точно зачарованная.

– Уверена, мистер Холландер не станет возражать. Обязательно отложите отрез для меня. – С некоторой неохотой она все же выпустила шелк из рук.

– Как скажете, госпожа, – согласился Джеримая, складывая ткань и заворачивая обратно.

Позже днем Роуэн вновь заглянула в магазин, обычно закрытый в обеденное время. Она хотела еще раз увидеть новый шелк, убедить себя, что это просто отрез ткани и что она сама выдумала его зловещие силы. Посылка так и лежала на прилавке, и когда Роуэн раскрыла упаковку, у нее вновь перехватило дыхание от притягательности узора.

В уголке рисунка виднелся крошечный паучок, в другом – жучок. Едва осознавая, что делает, она схватила ножницы, лежавшие там же рядом, и аккуратно отрезала с краю полоску ткани сантиметров десять шириной, без лапки паучка, но сохранив белладонну и наперстянки. Вернув на место ножницы и запаковав ткань обратно, Роуэн спрятала украденный кусочек в карман и, выбежав из магазина, быстрым шагом направилась прочь из дома, по направлению к мельнице. Вина тяжелым камнем тянула ее вниз, и Роуэн хотелось оказаться как можно дальше от дома. Если об этом узнают...

– Госпожа хочет тебя видеть, – крикнула Элис с другого конца кухни, окинув Роуэн странным взглядом. Роуэн, которая как раз вынесла ночные горшки из уборной и вернулась, ощутила новый укол вины, не давшей ей сомкнуть глаз этой ночью.

Госпожа узнала про кражу? Ее выкинут на улицу? Отправят на суд? Она не могла поверить, что под влиянием момента поступила так неосмотрительно, оказалась такой глупой, что смогла что-то украсть, пусть и всего лоскуток. Ей смутно подумалось, что, возможно, она схватила ножницы, надеясь развеять чары или хотя бы ослабить исходящую от шелка темную магию. Но правда была в том, что Роуэн сама не могла с точностью сказать, зачем ей понадобился этот кусочек шелка: он будто обладал над ней властью, которую она была не в состоянии объяснить. Будто сам дьявол наложил эти чары.

Приведя себя в порядок в прачечной и получше заправив волосы под чепец, Роуэн поднялась в малую столовую, где госпожа обычно завтракала, и сердце у нее замирало в тревоге. Встав у дверей, она тихонько кашлянула, оповещая о своем присутствии.

– А, Роуэн, пожалуйста, подойди. У меня для тебя поручение. – Кэрлайн улыбнулась, и бешено стучащее сердце Роуэн немного успокоилось: она снова могла дышать.

– Да, госпожа.

– Возьми ту ткань, что пришла вчера, и отнеси ее швее. Нельзя терять времени, до бала осталось всего несколько недель. Скажи, что я прибуду незамедлительно.

Роуэн замешкалась, зная, что в магазине еще никого нет.

– Ну же, девочка, поторопись. У тебя есть мое разрешение забрать сверток. Джеримае об этом я сообщу сама.

– Да, госпожа. – Сделав книксен, Роуэн вышла.

Проскользнув в темный магазин, Роуэн подошла к полкам за прилавком, и тени будто следовали за ней по пятам. Осмотревшись, поначалу она не могла найти вчерашнюю посылку, но затем заметила на верхней полке смятую упаковку. Дотянувшись до нее, Роуэн пошатнулась: отрез оказался гораздо тяжелее, чем она ожидала, и ей пришлось обхватить его обеими руками точно младенца.

Дом миссис Пеннифезер был всего в нескольких метрах дальше по главной улице. Дверь была заперта, и Роуэн пришлось довольно долго колотить, пока ей не отворили.

– Меня послала госпожа Холландер, из дома торговца шелком, – сообщила она выглянувшей на стук девочке. – Она велела доставить это госпоже Пеннифезер.

– Рань несусветная, – вздохнула девочка. – Но вы найдете ее за работой. Лучше войдите в дом.

Роуэн прошла вслед за своей провожатой через комнату в заднюю часть дома, где сидела портниха: темный корабль в море разноцветных шелков.

Роуэн объяснила причину своего визита и положила сверток на стол, в последний раз проведя по нему ладонью, не желая выпускать из рук – такой силой он обладал над ней. С раскаянием она вспомнила об украденной полоске, спрятанной под матрацем.

– Она должна без промедления прийти ко мне, снять мерки, – сообщила швея, не отрываясь от работы. – Мне и так надо закончить несколько платьев, а времени твоя госпожа дала всего ничего.

Пообещав, что миссис Холландер прибудет через несколько часов, Роуэн ушла.

В последующие недели швея работала днем и ночью, так как в городе их было всего двое, а почти каждая женщина, собирающаяся посетить ежегодный первый бал, заказала себе новое платье. Город процветал, и каждый торговец желал похвастаться своим состоянием, а есть ли способ лучше, чем показать его на своей жене?

В «Изысканных шелках Холландера» тоже был наплыв покупателей, и мистер Холландер отпускал товар наравне с подручным.

– Боюсь, если так и дальше пойдет, у нас ни кусочка не останется, – как-то утром пожаловался Джеримая подметавшей полы Роуэн.

– Но раз торговля так бойко идет, это же хорошо?

– Будем надеяться, – натянуто улыбнулся мужчина.

Тем временем платье Кэролайн было готово, его доставили вскоре после полудня. Сама хозяйка вышла навестить подругу, так что еще не видела его. Роуэн вместе с Элис, так как посылка весила изрядно, отнесли ее в спальню, положили на кровать и развернули.

Разложив наряд на покрывале и разгладив каждую складочку, обе отступили, потеряв дар речи. В лучах солнца серебряная нить в ткани и паутинках засияла, пурпурные и розовые цветы ярко выделялись на кремовом фоне. Портниха сделала пышную юбку, с плеч множеством складок спадал длинный шлейф, и хотя талия была гораздо шире, чем у других платьев Кэролайн, как того требовало ее положение, благодаря дополнительным вставкам корсет впоследствии можно будет утянуть до нужного размера.

– Я все равно пойду, – заявила как-то Кэролайн супругу, когда он спрашивал, не передумала ли она по поводу бала. – Обещаю, я лягу в своей комнате на следующий же день и не буду вставать, – умоляла она. – Но дайте мне сперва хоть чуточку повеселиться.

И впервые на памяти Роуэн Патрик Холландер не воспользовался своей властью над ней и не стал настаивать.

– Оно будто само по себе светится, – выдохнула Элис спустя какое-то время.

– Ты только взгляни, – указала Роуэн. – Изгиб стебельков идет как раз по корсажу, как умно сделано.

Они никак не могли оторваться от платья, но Элис, услышав грозный оклик Пруденс, подхватила юбки и поспешила в кухню, вниз по черной лестнице.

Роуэн задержалась еще немного, замороженно разглядывая ткань. А затем, не осознавая, что делает, сбросила передник и ослабила шнуровку своего серого рабочего платья, которое послушно соскользнуло на пол.

Она аккуратно надела новое платье, и ее пробрала дрожь. Роуэн точно знала, что, если ее поймают, выговором наказание не ограничится; власть цветов над ней пугала ее, но остановиться не

было никаких сил. Ростом они с хозяйкой равные, но плечи у Роуэн были чуть шире; ткань плотно натянулась на спине, но в целом платье оказалось по фигуре, даже без кринолина, хотя слишком широкую талию пришлось придерживать. У нее вырвался вздох от ощущения шелка на голой коже, такого восхитительно прохладного в жаркой комнате. Кружева у локтей и шеи пенились, точно шапки полевых цветов. В таком великолепном платье Роуэн была другим человеком, девушкой почти без изъянов.

Сделав несколько шагов к зеркалу, она стянула с головы чепец, вытаскивая удерживающие его шпильки, и золотистые до белизны волосы рассыпались по плечам, поблескивая на свету, как и серебряная нить в платье.

Она обернулась посмотреть, как смотрится шлейф, каскадом шелка спадающий с плеч, и в этот миг заметила в углу зеркала тень. Ее вдруг охватило чувство обреченности, неизбежной гибели – острое и неожиданное, как удар грома, и платье вмиг растеряло свою привлекательность, оно будто пыталось подчинить ее своей воле, словно в него вселился злой дух.

Дрожащими пальцами Роуэн расстегнула крючки корсажа и сняла юбки, но зацепилась за крошечного паучка в узоре. С большим трудом заставила она себя успокоиться и не сорвать платье – так сильно в ней было желание поскорее избавиться от него. Она знала, что в этом платье кроется зло, в узоре ли, в том, кто ткал его или во всем сразу.

Должна ли она предупредить госпожу? Она не питала особых надежд, что Кэрлайн удастся убедить надеть другое платье. Даже если ее выслушают, то наверняка спросят, каким таким даром предвидения обладает ее горничная, чтобы утверждать об опасности и зле, исходящем от такой прекрасной ткани? И ей повезет, если дело ограничится только этим вопросом.

Роуэн аккуратно разложила платье на кровати, разгладив переливающуюся ткань, а затем торопливо облачилась в собственную одежду. Никогда еще серый шерстяной наряд не действовал на нее так успокаивающе.

К концу недели Роуэн удалось убедить себя, что причина ее страхов – разыгравшееся воображение и что очень глупо полагать, что

зло может таиться в шелковых нитях и узоре из цветов, пусть и самых ядовитых.

В субботу утром Элис помогала хозяйке готовиться к балу, а Роуэн до этого успела подготовить любимый камзол Патрика Холландера с оранжевыми цветами, в котором он был в тот день, когда принял ее на работу, и чистую пару кюлот. Заслышав шум из коридора, она выскользнула из кухни, успев увидеть, как оба они выходят из дома. Даже в тусклом свете платье так и сияло, и Кэролайн вся светилась от удовольствия, а ее супруг не мог скрыть восхищения:

– Для моей жены все только самое лучшее. Вы будете королевой бала, моя дорогая.

– О, перестаньте, – рассмеялась Кэролайн. – С такой талией, точнее, без нее, это крайне маловероятно. – Но Роуэн видела, что она все равно рада.

Через несколько минут господа ушли, и Роуэн воспользовалась этой возможностью, тоже выскользнув через черный ход в сад, по тропинке, ведущей вдоль дома. Стоял приятный вечер, солнце только начало садиться. Воздух звенел от оживленного щебетания птиц, разлетающихся по гнездам, пахло яблоневым цветом; аромат доносился из глубины сада, где росли фруктовые деревья.

Роуэн поспешила к реке, где они с Томми договорились встретиться. Ей не терпелось не только увидеть его, но и поделиться с кем-то, рассказать о тяжести на душе.

Томми сразу же притянул ее к себе, и Роуэн обняла его в ответ, наслаждаясь чувством покоя и безопасности.

– Я поговорила с Элис, и она призналась, что солгала, сказав, что это твоя вина.

– Зачем вообще ей было так поступать? Ничем не лучше гулящей девки... прошу прощения.

– Не думаю, что все так просто, – вздохнула Роуэн.

– Чей же он?

Помедлив, Роуэн отстранилась.

– Господина Холландера.

Томми выдохнул:

– И что она собирается делать?

– Она попросила моей помощи... – Роуэн прикусила губу.

– Твоей помощи? – переспросил Томми. – Но какой... – Он запнулся, осознав смысл ее слов. – Это неправильно. Ты идешь наперекор самой природе.

– А что мне остается делать? Если я не помогу, ее выкинут на улицу и она закончит свои дни в работном доме или еще хуже и сможет обвинить меня бог знает в чем. Я знаю, она на это способна. И тогда меня, вероятнее всего, тоже выгонят, так как господин Холландер не потерпит даже намека на подобные неприятности. Мне никак не выпутаться.

– Но ты же сможешь найти другую работу, – сказал он, беря ее за руки.

– Я в этом не так уверена. Некоторые люди в городе уже стали что-то подозревать, не пройдет и дня, как все станут меня сторониться, виня во всех бедах Холландеров. В любом случае уже слишком поздно, дело сделано.

Томми смотрел на нее какое-то время, раздумывая, и Роуэн затаила дыхание.

– Я буду на твоей стороне, что бы ни случилось, – сказал он наконец.

Она выдохнула и благодарно улыбнулась ему:

– Томми Дин, ты настоящий джентльмен.

– В отличие от некоторых по праву рождения, – мрачно заметил он.

Глава 32

Сейчас

Тея не могла поверить, что согласилась. Чем дольше она думала, тем нелепее это все казалось. Экзорцизм? Люди – и не просто люди, а священнослужители – в самом деле проводят такие обряды? На дворе же не Средние века, ради всего святого, а 2019 год. Суеверия давно остались в прошлом. И все же маленькая ее часть интересовалась, нет, даже надеялась, что оно сработает, и необъяснимые, обременительные и, да что уж там, просто зловещие явления прекратятся, и все смогут вернуться к обычной школьной жизни. Иногда не нужны доказательства и факты, чтобы поверить. Надо просто довериться.

За полчаса до прибытия Фионы Тея сидела в пустом доме, прислушиваясь к его скрипам и стонам, бульканью горячей воды в трубах и свисту ветра, стучащего в окна. Отец поднял бы ее на смех. Она так и слышала его голос: «Суеверная чепуха», – сказал бы он. И до недавнего времени она бы согласилась.

На неделе осушили и наполнили чистой водой декоративный пруд и выкопали погибшие растения. Тея упомянула о произошедшем в отчете директору Фоксу, но не стала говорить о своих подозрениях по поводу мистера Баттла. В качестве аргументов она могла привести только не прекращающуюся враждебность к себе и рассказ Джой о том, что, по его мнению, девочки не продержатся в школе и года. Для выдвижения обвинений ей придется предоставить конкретные доказательства действий с его стороны, а не только слухи. Отчет службы по борьбе с вредителями никаких определенных результатов не показал, но по ее настоянию они вернулись и обработали кабинет Теи средством против паразитов. С тех пор она в комнату не заходила.

Раздался стук в дверь, и Тея, вздрогнув, хотя как раз сидела и ждала посетителей, бросилась открывать.

На пороге стояла Фиона в традиционной черной сутане с белым воротничком. Войдя, она извлекла из скромной дорожной сумки металлический горшочек с прикрепленными к центру цепочками.

– Кадило, – пояснила она. – Для ладана, он очищает пространство. Ох, бесовы кальсоны!

– Что? – Тея правильно расслышала? «Кальсоны»?!

– Испугалась, что забыла ладан. Но нет, вот он. – Фиона широко улыбнулась ей. – Не беспокойтесь, все останется на своих местах, ничего трогать не буду.

– А больше никто не придет? – спросила Тея. – Вы упоминали помощников?

– Они придут позже, – беззаботно отмахнулась Фиона, уже исчезая в глубине дома. За ней тянулся дымный след ладана.

Больше часа женщина переходила из комнаты в комнату: Тея периодически мельком замечала ее,двигающуюся точно в танце, размахивающую кадилом, тихонько что-то напевающую. Вскоре весь дом пропах сандаловым деревом и дымом. Тея бросила взгляд на часы. До возвращения дамы Хикс оставалось еще несколько часов, а девушки сделают уроки и подойдут к ужину. Она надеялась, что до этого момента успеет все проветрить.

Тея так и сидела в гостиной, пытаясь читать, но на самом деле ждала, пока Фиона закончит. Все казалось каким-то нереальным. Песнопения звучали немножко нелепо и непрофессионально, особенно вместе с ладаном, и все же Тея хотелось верить, что это сработает, хотелось так сильно, что она сама удивлялась. Фиона переместилась на кухню, и Тея уже не могла больше выносить это напряженное состояние. Она отправилась следом и обнаружила, что дверь в сад открыта. В опускающихся сумерках она увидела Фиону у цветника, а в конце сада с удивлением разглядела даму Хикс, почти невидимую за деревьями, укутанную в хотя и потрепанный, но плотный длинный плащ, в неизменных очках, скрывающих глаза. Она уже собиралась пойти к ней, постараться все объяснить, но тут из дальних ворот появилось три женщины, их Тея никогда прежде не видела.

– Что... – начала она, но Фиона подняла руку, призывая к тишине, и поманила женщин к себе.

– Присоединяйтесь к нам. Тея, будьте добры, встаньте вон туда. – Она указала на место чуть дальше у цветника, и Тея, по-прежнему не понимая, что происходит, послушно шагнула в ту сторону. И только потом ее осенило, где стояла каждая из них. Пять женщин. Пять лучей пентаграммы.

Дама Хикс так и стояла в тени сада, и Тея гадала, что же она, должно быть, думает обо всем этом, но шанса спросить у нее не было: Фиона вновь начала едва слышно напевать. Разобрать слова не удавалось, и было непонятно, молитва это или заклинание. Ей очень хотелось сбежать, сбежать как можно дальше от этого места, потому что она перестала что-либо понимать. Все происходящее было так далеко от сухих и четких фактов, к которым она привыкла и которым доверяла.

Одна из женщин, дотянувшись, взяла ее за руку и успокаивающе сжала. Стоявшая с другой стороны Фиона сделала то же самое. Пять вставших в круг женщин держались за руки в саду позади старинного особняка, под загорающимися в ночном небе звездами, где уже ярко светила полная луна.

Будь на дворе другой век, они бы и за меньшее уже горели на костре у позорного столба.

Позже, когда все разошлись, вновь раздался стук в дверь. Тея пошла открывать, решив, что Фиона что-то забыла, но с удивлением увидела мистера Диккенса из библиотеки.

– О, мисс Раст. Рад, что застал вас. Простите мне подобное вторжение, но... – Он протянул ей прямоугольный сверток в коричневой бумаге. – Я нашел ее. Ту книгу, что вы искали.

– Но вы говорили, что ее нельзя выносить из библиотеки?

Мистер Диккенс только вложил сверток ей в руки, поднес палец к губам и, уже собираясь уходить, попрощался:

– Мне пора.

Тея закрыла дверь, вздохнув с облегчением, что библиотекарь не пришел раньше: бог его знает, что бы он подумал о той сцене в саду. Даму Хикс Тее разыскать не удалось, но она не сомневалась, что рано или поздно ей придется объясниться. Ей не хотелось, чтобы слухи дошли до директора – вряд ли он отнесется к подобным решениям благожелательно.

Когда она наконец добралась до спальни вечером, дверь в комнату была распахнута настежь и в воздухе по-прежнему висел тяжелый дух ладана. Щелкнув выключателем, Тея тут же заметила, что что-то изменилось. Все лежало на своих местах, как она и оставила, только железная банка упала с полки и теперь валялась на боку в другом углу

комнаты. Наверное, Фиона смахнула, несмотря на свое обещание ничего не трогать. Тея подняла ее, проверив, что крышка завернута плотно, и поставила обратно на полку. Может ли это быть как-то связано с происходящим в доме? Другая мысль, всегда маячившая на задворках сознания, напомнила о себе, и Тея вздохнула. Это нужно сделать. Нужно было еще несколько недель назад пойти и... Но уже не сегодня. Позже.

Захватив книгу, которую принес мистер Диккенс, Тея улеглась на кровати, листая страницы, пока не нашла то место, на котором остановилась. Шрифт был слишком мелким и убористым, читать было тяжело, но она не сдавалась. Уже было далеко за полночь, когда Тея добралась до последней главы, не в силах поверить прочитанному.

Той ночью ей вновь приснился странный сон. Тея оказалась у себя в кабинете, хотя комната выглядела более древней, другая краска на стенах и ни следа письменного стола и книжного шкафа. Рядом с ней стояла женщина. Из-под капюшона плаща выбивались пряди светлых волос, а не темных, как в предыдущий раз, но лица было не разглядеть. И женщина, судя по всему, указывала на стену.

Проснувшись в холодном поту, Тея посмотрела на часы. Два ночи. В это же время она просыпалась почти каждую ночь с момента приезда. Судя по всему, «очистительный ритуал» Фионы желаемого эффекта не оказал. И снова откуда-то донеслись звуки игры на фортепьяно. Тея прищурилась, глядя на будильник, вдруг это он сломался, но, судя по всему, нет. Но кому придет в голову играть на инструменте внизу в такое время? Тея уже собиралась встать и пойти разобраться, как вдруг вспомнила. Фортепьяно. Ну конечно. Она же читала о том, как доставили первое в городе пианино – подарок хозяйке дома.

Кто-то или что-то пыталось дать ей подсказку. Она уже начала догадываться кто, но до сих пор не понимала, что от нее хотели.

Глава 33

Июль, 1769 год, Оксли

Роуэн проснулась от того, что ее трясли за плечи и фонарь светил прямо в глаза.

– Вставай скорее. Скорее, говорю, – шепотом торопила склонившаяся над ней Элис.

– Что... Что такое? – моргая от света, спросила Роуэн.

– Там кровь, так много крови, – всхлипнула горничная.

Это от снадобья? Уже начало действовать?

– Элис, ты должна лечь, – сказала Роуэн. – Будешь двигаться – станет хуже.

Но Элис только яростно замотала головой:

– Не у меня.

– Кто-то из города? – не поняла Роуэн. – Пришли за помощью?

Элис вновь покачала головой, потянув Роуэн к двери.

В тот же миг Роуэн уже все знала: кроме Элис в доме был только один человек, с кем могло случиться подобное. Рыдания хозяйки становились все громче, пока они спускались по лестнице, и у Роуэн все похолодело внутри. Однажды летом, когда отец еще был жив, они с ним рано поутру наткнулись на угодившего в ловушку зайчонка. И сейчас доносящиеся из комнаты крики напомнили ей тот пронзительный плач животного, извивающегося в тисках ржавого металла.

Они вместе с Элис бросились к спальне, и Роуэн с ужасом вспомнила охватившее ее чувство, когда она две недели назад примерила платье, сшитое к балу. Надеясь, что ошибается, она беззвучно произнесла молитву.

– Что такое? – спросила Элис, поднеся фонарь к лицу Роуэн.

– Ничего.

В спальне им открылось зрелище, которое Роуэн надеялась никогда в жизни больше не увидеть. Такой она представляла себе бойню: простыни были залиты кровью, в слабом огоньке свечи

казавшейся темной до черноты. Роуэн зажала нос и рот рукой от стоявшего в комнате отвратительного запаха, и по коже побежали мурашки при воспоминании о том, когда она последний раз сталкивалась с этим вьевшимся в память смрадом. Матушка тогда принимала роды и взяла Роуэн с собой, но головка ребенка застряла и никак не могла высвободиться, и кровотечение не удалось остановить. Ни роженица, ни ребенок не выжили.

Роуэн понадобилась вся ее решимость, чтобы перешагнуть порог. Смочив в умывальном кувшине кусочек ткани, Роуэн приблизилась к изголовью кровати, обойдя лужу рвоты на турецком ковре. Кэролайн металась по кровати, и Роуэн положила мокрый компресс ей на лоб, плотно прижав рукой.

– Элис, это ты? – всхлипнула Кэролайн.

– Роуэн, госпожа, – тихо ответила она. – Где больно?

У женщины вырвался низкий гортанный стон, но она все же ответила:

– Живот, плечо... болит так, словно сам дьявол сидит внутри и пытается вырваться.

Роуэн отправила Элис за свечами и постаралась как можно точнее оценить, насколько кровотечение сильное. Покрывало было отброшено в сторону, и на фоне темных, уже подсохших пятен, пропитавших простыни, поблескивала свежая кровь.

– Скажи, что это не ребенок, – умоляла она. – Все, что угодно, только не это.

– Разрешите? – попросила Роуэн, мягко нажимая женщине на живот, сначала под ребрами, затем спускаясь ниже.

Вырвавшийся у Кэролайн крик перебудил бы весь дом, да и всю улицу, не будь окна плотно закрыты. У двери послышался шум: в дверях стояла Пруденс в накинутаой поверх ночной рубашки шали.

– Что случилось? – спросила она, и глаза ее расширились при виде Кэролайн. – Я принесу воды, ее надо помыть.

Пока она не успела выйти, Роуэн подошла к кухарке и что-то тихонько сказала ей на ухо. Пруденс понимающе кивнула.

Элис тихо застонала.

– Это все она! – Горничная указала на Роуэн. – Она видит то, что не видят другие. Это черная магия. Я подловила ее, когда она сейчас шептала слова заклятья!

– Это правда? – внимательно глядя на Роуэн, спросила Пруденс.

Роуэн переводила взгляд с кухарки на горничную, злясь на Элис и огорчившись, что Пруденс не отмела эти обвинения сразу.

– Что за чушь, – наконец смогла произнести она. – Это была молитва. А сейчас помолчите, нельзя тревожить госпожу. Давайте сделаем, как предложила Пруденс, надо поменять простыни и все отмыть, – добавила Роуэн. – И принесите все тряпки, что есть под рукой, она вся горит.

Несмотря на юный возраст, Роуэн, оценив состояние хозяйки, взяла ситуацию в свои руки, будто матушка направляла ее. Вместе с вернувшейся с грудой тряпья Пруденс они, сняв окровавленные простыни, перестелили постель, стараясь как можно бережнее перемещать Кэролайн. Кровотечение вроде бы остановилось, и признаков выкидыша как будто не было, так что Роуэн пробормотала еще одну благодарственную молитву.

– Нужно послать за коновалом, пустить кровь?

– Нет! – воскликнула Роуэн, наслышанная о том, какой непоправимый вред могли нанести эти люди, порой ничем не отличающиеся от мясников.

– В таком случае, за доктором?

Роуэн нехотя кивнула, и кухарка велела замершей в дверях Элис бежать к дому лекаря. Пока Пруденс оставалась с госпожой, Роуэн поднялась наверх, чтобы одеться, и вернулась. Сделав и хорошенько отжав холодный компресс, она положила его на лоб Кэролайн, горячий, точно раскаленная печь. От прикосновения женщина приоткрыла глаза, пустые и ничего не выражающие, и снова закрыла. В этот миг Роуэн всерьез опасалась за ее жизнь, так как сил у нее, похоже, уже не осталось. Пока они ждали доктора, Роуэн тихонько напевала ей старинную песню, которую сама слышала еще девочкой: «Когда луна сиянием лица его коснется, когда ветра далекие домой скликать устанут, когда мороз и стужа отступят навсегда, тогда, тогда вернется к тебе любовь моя».

Пока она напевала, мысли ее обратились к хозяину, который до сих пор не вернулся, уехав из Оксли через пару дней после бала, как он сказал, вновь по делам в Бат.

Когда прибыл доктор, он выгнал из комнаты всех, кроме Роуэн, подробно рассказавшей, в каком состоянии они нашли госпожу.

– Немедленно откройте окна, надо избавиться от гнилостных миазмов^[12], чтобы не началось заражение, – отрывисто велел он. – Где мистер Холландер?

– В отъезде, сэр. Мы не знаем, когда он вернется, – ответила Роуэн, бросившись выполнять поручение. Солнце уже поднялось, и холодный воздух принес в комнату шум просыпающегося города: скрип колес повозок и почтовых карет по мостовой, ржание лошадей, оклики цветочников. Как жестоко и несправедливо, что весь остальной город продолжал жить как обычно, заниматься своими делами, а ее госпожа оказалась на грани между жизнью и смертью.

– Да поторопит его Господь, – заметил доктор, подходя к кровати и внимательно осматривая свою подопечную. – Давайте ей ячменный отвар и говяжий бульон, если она сможет их выпить, и немедленно пошлите к аптекарю за полынной солью. Я снова зайду завтра.

– А ребенок? – спросила Роуэн.

– Движения не чувствую. Но делать выводы рано.

Проводив доктора, Роуэн вернулась к постели госпожи, разочарованная, что такой уважаемый и образованный человек не смог больше ничем помочь. Жар не спадал, Кэролайн трясло точно в припадке, и прохладный ветерок из окна ничуть не остудил горячую кожу. Весь день Роуэн ухаживала за ней, а от Патрика Холландера не было ни слуху ни духу. Пруденс принесла бульон и холодный перекус для Роуэн, и при виде их обеих залегшие на лбу кухарки морщинки стали глубже.

Уже к вечеру, когда померкли последние солнечные лучи, Роуэн закрыла ставни и зажгла масляную лампу. Наклонившись поставить ее на прикроватный столик, она заметила, что Кэролайн уже не трясет в лихорадке. Лицо осунулось и побледнело, уже почти не выделяясь на фоне простыни, светлые волосы потемнели от пота, но дыхание успокоилось, а лицо вновь приобрело спокойное выражение. Веки затрепетали, и Роуэн отпрянула, смутившись, что ее застали так близко.

– Госпожа? – позвала она.

– Пить, – прошептала Кэролайн.

Взяв чашку с бульоном, Роуэн влила ложечку ей в рот. Она словно кормила птенца – настолько мало могла проглотить Кэролайн.

Даже такое усилие, похоже, измотало ее, и, выпив едва ли половину, она откинулась на подушки и вновь уснула. В комнату заглянула Элис, которой не было почти весь день:

– Как... как она?

– Думаю, лучше, – тихонько ответила Роуэн. – Кровотечение остановилось. Ей надо отдыхать.

– А она...

– Что?

– У нее еще...

– Ну говори же, – раздраженно поторопила Роуэн, недовольная вторжением и все еще сердясь за утреннее обвинение.

– Она потеряла ребенка?

– Кровотечение было такое сильное, что в самом деле есть вероятность, что выжить ему не удалось.

Роуэн не могла разгадать выражения лица Элис, но что-то в ее поведении настораживало. Горничная выглядела почти довольной.

Следующим утром вернулся доктор и после поверхностного осмотра объявил, что худшее позади и температура спала. Поручив Роуэн и дальше давать лекарство, разведенное в воде, он добавил перед уходом:

– Пока неясно, растет ли ребенок, но я считаю, что госпожа Холландер спасена. Пока что.

Буквально через пару минут снаружи поднялась суматоха, следом за ней хлопнула входная дверь, и с лестницы донеслись тяжелые быстрые шаги. Кэролайн слегка приподнялась с подушек:

– Это мой муж?

Патрик Холландер ворвался в комнату, и выглядел он точно одержимый.

– Я видел его на улице! – воскликнул он. – Доктора! Что произошло? Вы в порядке, моя дорогая?

Роуэн чуть не ахнула, но все же сдержалась: с ее хозяином вбежавший в комнату мужчина имел весьма слабое сходство. Парик сбился набок, белые чулки и кюлоты все заляпаны грязью, камзол болтается на одной руке, жилетка разорвана. Он выглядел так, словно на него напали разбойники и ему пришлось несладко.

Но Кэролайн будто не заметила его растерзанного вида, слабо улыбнувшись супругу:

– Всего лишь слабость. Мне уже гораздо лучше.

Патрик переводил взгляд с жены на Роуэн и на Элис.

– Это правда? Ничего более серьезного?

Роуэн промолчала. Не ей опровергать слова хозяйки, что бы она ни говорила.

– Не беспокойтесь за меня. Небольшое кровотечение, вот и все, – упорно настаивала Кэролайн.

– Но как же ребенок?

– С ним все хорошо, – перебила она. – Мне только надо набраться терпения, отдыхать и ждать.

– Чего? Ждать чего? – допытывался Патрик.

– Чтобы он... или она... окрепла, конечно же. Но что произошло? Ваша одежда...

Патрик тяжело опустился на кровать.

– Нашему экипажу не повезло. Перевернулся на дороге недалеко от Мелкшема. Пришлось вытаскивать его из канавы. Но нет нужды останавливаться на подробностях. В Бате все прекрасно, и я рад сообщить, что сумел договориться об аренде отличного здания в центре города. Я вернулся немедленно организовать доставку товара.

– А кто будет управлять тем магазином? – спросила Кэролайн.

– Ну как же, я сам, разумеется.

– То есть вы вновь нас покидаете? – Кэролайн не могла сдержать разочарования.

– Да, рано утром. Я должен вернуться незамедлительно.

– А как же магазин здесь?

– Джеримая превосходно обслуживает покупателей. Не тревожьтесь о подобных мелочах, как и прежде, в этом нет никакой нужды, – пообещал он, взяв ее за руку и нежно сжав.

Роуэн повернулась, собираясь выйти, и заметила пораженное выражение Элис, не сводившей с хозяина взгляда. Чудовищная мысль пришла ей в голову. Могла ли Элис подливать снадобье, приготовленное для нее, их госпоже? Роуэн не осмеливалась дальше задуматься о подобном гнусном деянии, так как, окажись оно правдой, в этом будет и ее вина.

Глава 34

Сейчас

Не считая грозы в день того злополучного похода, осень стояла не по сезону сухая. Тея внимательно следила за прогнозом, удивляясь, когда же эта славящаяся своими дождями страна наконец дождетса положенной погоды. Пока что все ограничивалось одними туманами, но ей был нужен настоящий продолжительный ливень, причем ночью, что скрыло бы и ее присутствие, и помогло выполнить задуманное незаметно для чужих глаз. А дождь смыл бы потом все следы.

Перед отъездом из Мельбурна мама передала ей простой железный цилиндр, попросив взять с собой. Последний дочерний долг.

На этой неделе прогноз обещал низкое атмосферное давление и циклон, надвигающийся с запада через окружающие город холмы, и в воскресенье небо действительно скрылось за низкими свинцовыми тучами, обещая бурю.

За день Тея вся издергалась, меряя шагами комнату и не в силах ни на чем сосредоточиться. С облегчением она смотрела, как постепенно темнеет небо, а по окну начинают ползти мокрые дорожки. Рассеянно выполнив свои вечерние обязанности, она дождалась ночи и, убедившись, что все девочки крепко спят, надела куртку, в один вместительный карман убрала фонарик, а в другой – жестяную банку. Она оказалась тяжелее, чем выглядела, и куртка странно перекосилась на одну сторону, но Тея не стала ничего поправлять и на цыпочках спустилась по лестнице.

Стараясь двигаться бесшумно, она зашнуровала ботинки и медленно приоткрыла входную дверь. Снаружи вовсю хлестал ливень, и на каменных плитах пола начали быстро собираться лужи.

Пора было довести дело до конца, и, может, тогда она сможет спать спокойно.

Время стояло позднее, на главной улице было темно, и только в некоторых пабах еще горел свет, но и они должны были скоро закрыться. Оксли словно превратился в город-призрак, и только тени

фонарей плясали на мокром асфальте. Затянув капюшон потуже под подбородком и опустив голову, Тея решительно направилась к школе. Порывы ветра с дождем иголками впивались в лицо, жаля кожу, и ей несколько раз приходилось снимать и протирать очки.

Проклятье.

Тея дошла до входа в школу, но высокие кованые ворота оказались заперты. В отчаянии подергав за них, она отругала себя за то, что не проверила, когда их закрывают на ночь. Щелкнув фонариком, она посветила вокруг, проверяя, есть ли другой способ войти.

Ничего.

Но тут луч света скользнул по левой створке, высветив небольшую боковую калитку; днем, когда ворота распахивались настежь, ее обычно не было видно, и Тея подошла ближе. Тяжелый навесной замок тоже оказался заперт, но на нем виднелся символ. Колчан со стрелами.

Неужели?..

Достав из кармана ключи, Тея выбрала один с узором из стрел, для которого так и не подобрала замка, и вставила в скважину. Она чуть не вскрикнула от радости, когда металл легко провернулся, выпуская ее на школьную территорию без дальнейших неожиданностей. Оставив замок болтаться в дужке, Тея поспешила вперед.

Петляя по тропинке, избегая самых больших луж, ниже пояса она промокла насквозь, но зато куртка неплохо защищала от стоящего стеной дождя. Очки заливало, она едва видела, куда идет, но все равно не останавливалась. Оттягивающая карман банка больно стучалась о бедро, служа ненужным напоминанием о предстоящей задаче.

Вскоре Тея добралась до игровых полей, в том числе и хоккейного, где Гарет пытался обыграть ее и девочек, но с треском провалился. Эти же поля летом использовали как теннисные корты и стадионы для игры в крикет; места, которые с такой теплотой вспоминал ее отец.

Горел всего один прожектор, освещающий лишь часть полей, но Тея держалась в тени, чтобы не попасться камерам наблюдения, захватывающим всю территорию.

Постояв немного, чувствуя, как дождь стекает за воротник и под куртку, она достала жестяную банку. Простой металлический цилиндр размером с небольшой телескоп, без надписей или чего бы то ни было,

выдававшего его предназначение. Прижав его к себе, она открутила крышку. Стоило ей подумать об отце, и любовь, разочарование, сожаление, обида и злость смешивались в едином чувстве, запутывались в клубок, который, как она теперь знала, вероятно, уже никогда не размотать. Силой воли остановив трясущиеся руки, она наклонила банку и высыпала содержимое на землю. Коричнево-серый порошок тут же исчез в траве, как раз как она надеялась. Прах к земле, и больше ничего. По щеке скользнула слеза, слившись с каплями дождя. Отец хотел закалить их с сестрой, сделать из них воинов. Похоже, ему не совсем удалось.

Ливень и не думал стихать, и, вытряхнув последние крупинки, Тея перевернула банку и потрясла для верности, а затем, набрав дождевой воды, тщательно сполоснула, пока не осталось и крупинки.

Все закончилось. Она промокла до нитки, куртка уже не спасала, но Тея ничего не замечала. Этот груз давил на нее столько месяцев, а теперь растворился вместе с прахом: она освободилась от прошлого.

Темную фигуру на поле она заметила, только услышав оклик:

– Тея!

К ней шел одетый в дождевик и полускрытый зонтом Гарет.

– Вот те на, – пробормотала Тея себе под нос. Только его не хватало. – Вы что тут делаете? – прошипела она ему, когда мужчина подошел ближе. Внутрь его дождевика дождь не попадал.

– Как раз собирался задать вам тот же вопрос. Я видел, как вы вышли из дома. Сидел в баре по дороге.

– Вы меня преследовали? – Она не могла поверить своим ушам.

– Каюсь, виноват, – поднял руку он. – Признаю, мне было любопытно, но я не собирался вас пугать.

– И тем не менее напугали, – ошетинилась Тея.

– Простите. – Он протянул ей зонтик в знак примирения. – Я не хотел мешать, поэтому и подождал, пока вы не закончите. Не беспокойтесь, я не выдам ваш секрет.

Тея смерила его настороженным взглядом.

– Ну же, пойдете, пока оба тут не зачоченели до смерти.

– Мне ваша помощь не нужна, – упрямо возразила она.

Усмехнувшись, он уже собирался ответить, как новый крик эхом разнесся по полям. Тея оглянулась.

– Баттл!

Привратник приближался со вполне ощутимой скоростью, надвигаясь на них, словно безумный краб. Тея моргнула. Она и не думала, что Баттл мог двигаться с такой скоростью.

– Эй! – снова крикнул он. – Что вы себе позволяете!

Гарет схватил Тею за руку:

– Скорее! Бежим, пока он нас не поймал!

– Как вы сюда пробрались? – кричал им вслед Баттл, когда они с Гаретом удирали прочь. Исходящие от него волны недовольства и раздражения были почти физически ощутимы.

Думать времени не было, и Тея бежала вслед за Гаретом, подчиняясь слепому инстинкту, а внутри от нелепости всей ситуации клокотали пузырьки смеха. Она чувствовала себя непослушной школьницей, а не ответственной учительницей. Обернувшись через плечо, Тея увидела, что Баттл их догоняет.

– Вы сами дали мне ключ! – крикнула она ему, чуть ли не сгибаясь пополам от смеха.

Вместе с Гаретом они добежали до ворот, оставив преследователя позади. Следующий крик Тея бы так и пропустила мимо ушей, но в нем послышалась нотка боли. Обернувшись, она увидела, как привратник пошатнулся, схватившись за сердце.

– Стой! – крикнула она Гарету. – Ему плохо!

Пожилой мужчина осел на землю, и Гарет, не теряя ни секунды, бросился к нему, Тея следовала по пятам.

– Положи его на бок, – велел он, держа зонтик над мистером Баттлом. – Он плохо выглядит.

Привратник беспомощно лежал на земле, будто став меньше ростом. Даже в полутьме Тея видела, что лицо у него нездорового серого цвета. Вытащив телефон из кармана, она набрала номер.

– Звони девять-девять-девять, – напомнил ей Гарет.

– Да, да, – торопливо нажимая кнопки, кивнула она, чувствуя приступ вины, что это все из-за нее.

Не прошло и четверти часа, как темноту разорвали прожекторы и сирены, а через поле к ним широкими шагами приближался директор. Даже в халате и резиновых сапогах он выглядел внушительно.

Не успел директор Фокс ничего спросить, как Гарет шагнул к нему и вкратце обрисовал ситуацию, опустив при этом, как и почему они с Теей оказались на территории школы в такое позднее время.

– Все ясно. Я оденусь и поеду в больницу. Вам двоим там делать нечего, возвращайтесь в свои дома.

Больше вопросов он не задавал, но Тея знала, что в конце концов им придется объяснить, что они делали у школы почти в полночь.

Мистера Баттла уложили на носилки, надели кислородную маску и аккуратно погрузили в машину «Скорой помощи». «Мигом довезем вас до больницы Святой Анны», – донеслось до Теи. Машина рванула вперед, а Тея не двигалась с места, не зная, что делать. Если мистер Баттл не поправится... А если он поправится и расскажет директору, что она делала...

– Пойдем, – позвал ее Гарет, прерывая ее страдания. – Я точно знаю, что нам нужно.

Глава 35

Июль, 1769 год, Лондон

– Я должна ехать, – объявила Мэри, врываясь в дом. Прошло два месяца с тех пор, как она отправила шелк в лавку Холландера, и до сих пор ответа не было. – Не могу поверить, что была настолько глупой и поверила ему! – бушевала она. – Ему это так с рук не сойдет.

– Что? – переспросила сидевшая у стола Фрэнсис, опустив наполовину заштопанный носок. – Куда ты должна ехать?

– В Оксли, конечно же. Здесь я ни минуты больше не останусь. Мне надо убедиться лично, что мистер Холландер получил шелк, и выяснить точно, почему он не соизволил ничего ответить.

– Выйдет ли из этого что-то хорошее? – мягко спросила Фрэнсис. – У меня были сомнения с самой первой встречи, он показался мне человеком очень ненадежным.

– И ты ничего мне не сказала?

– Ты была... мы были в отчаянии, – пожала плечами Фрэнсис.

Мэри яростно замотала головой, разбрызгивая дождевые капли на пол.

– Я не могу позволить этому так закончиться, ради собственной гордости! И нам нужно вернуть матушкино ожерелье. Я не позволю себя облапошить, и в отличие от мистера Ле Мэтра не могу месяцами ждать обещанной платы. Уезжаю завтра утром, в Оксли буду к среде. Надо торопиться, успеть собрать вещи – нельзя терять ни минуты.

Мэри упаковала шелк с вытканными аквилегиями и ломоносом вместе с рисунками, тщательно обернув их в несколько слоев простой холстины. К ним она положила несколько обычных платьев, подходящих для путешествия, нижних рубашек, чулок и так далее, а сверху – пару простыней, так как в гостиницах по дороге вряд ли будут чистые кровати без клопов, и Фрэнсис посоветовала взять свои.

Той ночью Мэри никак не могла уснуть, ходя из угла в угол. Щеки у нее горели, мысли крутились в голове: теперь, решившись действовать, она не могла ни за что взяться и поэтому репетировала

слова, которые скажет мистеру Холландеру. Как ей вести себя? Гневно? Самоуверенно, как мужчина? Или лучше говорить спокойнее, убеждать его мягче? Она знала, что последний вариант, вероятнее всего, подходит лучше, хотя ей ужасно хотелось выплеснуть на него свою ярость из-за того, что он пренебрег их соглашением. Он больше не посмеет отмахиваться от нее и игнорировать. То, что она женщина, не дает ему права изменять своему слову и отказываться от долгов.

Стук дождя по оконным стеклам затих, осталась лишь морось, почти незаметная в опустившейся темноте ночи, и Мэри надеялась, что и она постепенно остановится, тогда экипаж отправится вовремя; путешествие предстояло долгое и без дополнительных задержек.

О графствах к югу от Лондона Мэри имела слабое представление, но Фрэнсис заверила ее, что там в основном равнины и весьма приятные глазу виды.

– Хотелось бы и мне поехать с тобой, но я привязана к больнице. – Фрэнсис была явно обеспокоена.

– Мы и один билет с трудом можем себе позволить, – откликнулась Мэри. – Кроме того, дать ему отпор я прекрасно смогу и сама. – Она столько подпитывала горевший в ней гнев, что теперь это пламя едва ли удастся потушить.

Перед отъездом Фрэнсис вложила ей в руки сверток:

– Немного еды с собой. Бог в помощь, пусть Он защищает и направляет тебя.

Вспыхнувшее в груди сомнение, пусть и слабое, оказалось непросто подавить: а что, если с мистером Холландером произошло что-то непредвиденное? Он мог заболеть... и этой тишине может найтись простое объяснение. Может, именно сейчас он уже вновь ехал в Лондон – как будет ужасно разминуться с ним!

Нет, напомнила себе Мэри, это как раз самый маловероятный исход, она не могла просто сидеть и ждать, пока решится ее судьба. Терпение ее кончилось. Она больше ни секунды не выдержит в неведении.

До этого дня Мэри лишь раз отправлялась в настолько длинную поездку, когда переезжала из родного дома в Йорке к сестре в Спиталфилдс, и когда она наконец добралась до Оксли, ей вспомнилось схожее чувство потерянности в пространстве. Постоялый

двор оказался большим зданием из известняка медового оттенка, и Мэри неожиданно осознала, как далеко она оказалась от дома и знакомых мест. Но стоило ей задуматься об этом, как экипаж остановился, и вот она уже оказалась у дверей со своим багажом, а от ее спутников осталось только облачко пыли вдали по дороге в Бат.

День клонился к вечеру, опускались сумерки. Мэри понимала, что прическа у нее растрепалась, дорожное платье помялось, и в подобном невыгодном положении разговаривать с мужчиной, причинившим им с сестрой столько мучительных страданий, она не могла, поэтому приняла решение отправиться к нему рано утром, чтобы застать еще дома.

Не обращая внимания на открывающийся из комнаты приятный вид на холмы, Мэри с облегчением легла на кровать, радуясь, что путешествие закончилось, так как от постоянной тряски все кости будто выпали из суставов.

Позже, поужинав у себя в комнате принесенным ей холодным мясом с хлебом, Мэри достала тщательно обернутый в холст шелк и бережно развернула, стараясь не запачкать. Разложив отрез на кровати, она в который раз подивилась его сияющей красоте. Один вид придавал ей храбрости.

Зазвонил церковный колокол, и Мэри рассудила, что до темноты у нее есть еще полчаса. Убедив себя, что в городе достаточно безопасно для короткой прогулки по главной улице, она, торопливо свернув и закрыв свой драгоценный груз, поспешила на поиски лавки торговца шелком.

Накинув плащ и капюшон, она быстрым шагом прошла мимо еще нескольких гостиниц, мастерских сапожника, шорника и модистки, миновала две мясные лавки, бакалейщика, свечных дел мастера и торговца выпивкой; все названия были крупными буквами написаны на дверях или вывесках над окнами. Городок процветал, что и неудивительно: здесь останавливались все дамы и господа из высшего общества, направляющиеся в Бат на воды и приемы в новых бальных залах.

Мэри почти дошла до конца и уже начала беспокоиться, что пропустила нужный ей дом, как он возник прямо перед ней, с яркими отрезами шелка и ножницами на вывеске. При мысли, что она скоро встретится с Патриком Холландером, сердце у нее забилось чаще.

Сделав вид, что разглядывает товар, она всмотрелась в помещение и слегка отпрянула, заметив в темной комнате человека. Однако это был не тот, кого она искала. Этот мужчина был более худым и ходил, ссутулившись, а опущенные плечи напоминали крылья летучей мыши. Он поднял голову, почувствовав взгляд, и Мэри, сделав вид, что торопится по делам, быстро пошла вперед.

Когда сердце перестало так судорожно колотиться, она, приподняв юбки, чтобы не испачкаться, перешла дорогу и вернулась уже по другой стороне, украдкой бросив последний взгляд на дом торговца шелком.

Теперь, когда она увидела это место, горевшая в ней ярость лишь усилилась. Патрик Холландер просто игнорировал ее. Он не выполнил данные ей обещания. Скорее бы наступило утро.

Глава 36

Сейчас

Они вошли в паб через боковую дверь, и Тея с удивлением увидела, что и после официального времени закрытия зал оставался почти полон и расходиться никто не спешил. При их появлении к ним обратилось несколько взглядов, но, узнав Гарета, все вернулись к своей беседе и пиву. Кто-то поднял бокалы в знак приветствия.

В тепле и без дождя Тея сразу почувствовала себя лучше. Пока она вешала на крючок над ковром у двери куртку, которую теперь можно было выжимать, Гарет принес виски и полотенце, которое передал ей. Она благодарно кивнула ему, снимая и протирая запотевшие очки, а затем вытирая лицо и волосы.

Они нашли отгороженный столик в уголке у камина, от которого шло долгожданное тепло, и устроились напротив друг друга на деревянных скамьях.

– Как думаешь, с ним все будет хорошо? – спросила Тея. – Мне так стыдно. Если бы он не гнался за мной... Господи, я же могла убить его. – Так практически и получилось; теперь директор точно уволит ее, не пройдет и недели.

– Тея, – серьезно произнес Гарет, – с ним это не первый раз.

– Что не первый раз?

– Когда Баттлу стало немного нехорошо.

– Это не «немного нехорошо», – изумленно возразила Тея. – Больше было похоже на сердечный приступ.

– Он пожилой человек, – напомнил ей Гарет, говоря так тихо, что ей пришлось наклониться ближе, чтобы расслышать его за шумом других посетителей. – Правда такова, что вот уже несколько лет как работа для него в тягость, но Фокси держит его из личного расположения. Баттл в школе уже столько лет, что никто и не помнит, когда он пришел. Ему было пора выйти на пенсию еще лет двадцать назад.

– А у него есть семья? Жена?

Гарет покачал головой:

– Думаю, школа и есть его семья. – Он чокнулся с ее бокалом. – Расскажешь, что ты там делала? – спросил он, отпивая глоток. – Хотя, конечно, если ты не хочешь...

– Мой отец. – Тея мотнула головой. Говорить было тяжело, голос охрип, слезы рвались наружу.

– Конечно. Покойный Генри Раст.

– Ты о нем знаешь?

– Все знают. Староста школы. Легендарный игрок школьной сборной. Играл в крикет за Австралию, верно?

– Да, за Новый Южный Уэльс.

– Я знаю, что это произошло совсем недавно. Тебе, должно быть, очень тяжело. – Откинувшись на спинку скамьи, он какое-то время смотрел на нее, и во взгляде она заметила тепло. – Не только у тебя отец был помешан на спорте.

– В самом деле?

– Мой отец с ума сходил по регби. Меня назвали в честь Гарета Эдвардса, лучшего полузащитника Уэльса и лучшего игрока – во всяком случае, по мнению отца. То, что я выбрал не регби, а хоккей, стало для него источником вечного разочарования, – поморщившись, добавил он. – Травмы мне не очень нравились.

Тея улыбнулась. Отцы и их недостижимо высокие стандарты – это ей знакомо.

– А ты, получается, пошла по его стопам? – спросил он.

– Не уверена.

– Ты скромничаешь. Я недооценил твои навыки и опыт. Прочитал про тебя в интернете – впечатляет. Чувствую себя виноватым за то, что усложнил тебе жизнь. Прости, Тея. – Он мягко коснулся ее руки, и теплое прикосновение оказалось необъяснимо успокаивающим.

– Я тоже должна извиниться, – покаянно призналась она. – За свои слова и умозаключения, которые не стоило делать.

– Перемирие? – с серьезным видом предложил Гарет.

– Перемирие. – Тея чокнулась с ним бокалом и отпила. Виски ожег горло, согревая изнутри, и она наконец перестала дрожать.

– Что движет тобой? – с искренним интересом спросил он, наклоняясь ближе.

– Прошу прощения?

– Что заставляет тебя побеждать?

– Боязнь поражения? – чуть улыбнувшись, предположила она. – Нет, на самом деле все не совсем так. Думаю, мне хотелось, чтобы отец мной гордился.

– У тебя получилось?

– Честно, не знаю. Нелегко было понять, что у него на душе. Вряд ли даже мама знала его достаточно хорошо. Наверное, я и приехала сюда потому, что надеялась найти ответы. Хотя думаю, что в моем присутствии больше нет необходимости, и директор Фокс наверняка с этим согласится.

Но, произнеся эти слова, она осознала, что дело вовсе не в этом. Тея хотела остаться. Не чтобы каким-то образом добиться уважения отца – что за нелепость, а потому что она успела полюбить и девочек, и даже школу, и то хорошее, что она символизировала.

– Да, я слышал о Сабрине. Но все же в порядке?

Тея пожала плечами, и они какое-то время молчали. Пальцы рук и ног наконец вновь обрели чувствительность, ощущения возвращались покалывающими иголочками. Потирая руки, согреваясь, Тея видела уменьшенную копию ладоней отца с квадратными пальцами.

– Мне не всегда он нравился. – Ну вот, она это сказала. Правду. Наконец произнесла вслух. Как там звучало то банальное выражение? «Истина сделает вас свободными». Что ж, к единому мнению на этот счет суд еще не пришел. – Очень сложно перестать чувствовать себя виноватой за это. – Допив бокал, она поставила его на стол с громким стуком. – Еще по одной?

– Тея, мы не наши родители. И не должны ими быть. В любом случае они никогда не были идеальными. А порой вообще оказывались от этого очень далеки.

– Я знаю. – Она наконец это поняла.

– Может показаться, что ничего не меняется, – продолжил он, подняв голову к низкому потолку и старинным балкам. – Но на самом деле это не так.

Поднявшись, Тея пошла к барной стойке за новыми напитками.

– А как же твоя мать? Братья? Сестры? – спросил Гарет, когда она вернулась. – Бойфренд, который поддержал бы?

У Теи вырвался неловкий смешок.

– Скажем так, хоккей мне удастся лучше, чем отношения.

Ближе к вечеру следующего дня Тея проскользнула мимо поста медсестер вдоль по коридору к палате мистера Баттла, хотя часы посещения уже закончились. Зайдя внутрь, она на цыпочках подошла к единственной занятой кровати. Рядом стоял букет пурпурных лилий, таких же, как носил в петлице мистер Диккенс, но больше ничего не разбавляло безличный серо-голубой интерьер.

Глаза мужчины были закрыты, так что Тея какое-то время ждала, пока он проснется. Но только она собралась уходить, как мистер Баттл посмотрел прямо на нее.

– Простите, что побеспокоила вас. Я просто... – забормотала Тея. – Просто хотела узнать, как вы.

Фыркнув, он отрывисто рассмеялся.

– Пока вам не удалось меня убить.

Тея улыбнулась:

– Мне так жаль.

– Мимо меня и мышь не просвистит, – сообщил он со слабой ноткой гордости в голосе.

– Я уже поняла, – уныло согласилась Тея. – Как вы себя чувствуете?

– Лучше не бывает.

– Я вижу.

– Это моя жизнь. Эта школа, – помолчав, произнес он.

Тея кивнула. К глазам подступили слезы. Она знала, чего ему стоило это признание.

– И я не могу сказать, что рад изменениям. Традиции, – подчеркнул он. – Когда-то это слово что-то значило – не то чтобы вам оно о чем-то говорило, в этих ваших колониях.

Тея пропустила шпильку мимо ушей, зная, что он подначивает ее, как и в их первую встречу, хотя сейчас насмешка звучала как поддразнивание, а не колкость.

– Все так и есть и сейчас, – ответила она. – Школа ничего не теряет. Только приобретает. Может быть, вы путаете традиции с историей? Знаете, есть такое понятие, как эволюция.

Баттл чуть не подавился слюной, и Тея на краткий миг испугалась, что зашла слишком далеко, но он задышал нормально и махнул рукой

в сторону графина с водой у изголовья. Она поднесла стакан к его губам.

Глава 37

Июль, 1769 год, Оксли

Не в силах лежать дольше, Мэри поднялась с первыми лучами солнца, быстро ополоснула лицо и начала тщательно одеваться. Застегнула корсет поверх нижней рубашки, затянула корсаж потуже на талии, старательно расправляя складки юбки, немного помявшейся в дорожном сундуке. Пристегнув рукава, Мэри уложила волосы, закрепив шпильками под шляпкой, морщась от ее старомодного фасона и потрепанных полей.

Желудок скрутило в тугий узел, и она вряд ли смогла бы проглотить хоть кусочек завтрака, но, спустившись в общий зал, все же сделала несколько глотков предложенного чая. Из-за раннего времени внизу было тихо, за столами сидело всего несколько других гостей. Заставив себя отпить еще немного, она ждала, когда пробьют часы. С восьмым ударом Мэри поняла, что больше не выдержит, поднялась наверх за вторым отрезом, сотканным Бриджет О'Нил, и вышла.

Мэри шла по главной улице с решительным выражением, контрастировавшим с бунтующим желудком. Был базарный день, и в центре улицы разместились лотки со всевозможными товарами, так что она держалась ближе к домам, обходя цветочников и пекарей, лотки с сырами и молоком, прилавки с корзинами яиц и речной рыбой. Дойдя до обитой железом двери дома торговца шелком, она, не дав себе времени на раздумья, твердо постучала.

Сначала никакой реакции не последовало, но после второго стука послышались шаги.

Ей открыла молоденькая горничная с необычным шрамом у глаза.

– Мы закрыты еще час или больше, если вы за тканью, – сообщила она с мягким южным выговором.

– Нет, нет. Я пришла к Патрику Холландеру, это же его лавка, верно?

Девушка кивнула:

– Да, но, боюсь, его нет.

Мэри не могла поверить своим ушам. Она даже мысли не допускала, что может его не застать, и была уверена, что сможет все выяснить уже этим утром. С отчаянием она подумала о прекрасном матушкином ожерелье в руках алчного ростовщика.

– Он отбыл два дня назад, – добавила горничная.

– Но я приехала из Лондона... – Мэри уже была не в силах сдержать отчаяние. Сделав над собой усилие, она взяла себя в руки, пытаясь придать мыслям хотя бы подобие порядка. – Меня зовут Мэри-Луиза Стивенсон.

Горничная лишь непонимающе взглянула на нее:

– Он ожидал вас?

– Мы работаем вместе. По крайней мере, – кивнула она на принесенный с собой сверток, – меня так заверили. – Мэри говорила гораздо громче, чем собиралась, и горничная бросила взгляд на улицу за нее, где некоторые прохожие уже с любопытством посматривали в их сторону. – Он должен был получить посылку с моим первым узором из фиолетовых цветов.

В глазах горничной мелькнул испуг.

– Вам лучше зайти. Я спрошу госпожу, что можно сделать. – Она провела Мэри по лестнице в малую гостиную, где в камине ярко горел огонь.

– Вам придется немного подождать, миссис Холландер еще не вставала. Она несколько нездорова... – Горничная смущенно умолкла, и Мэри со всей ясностью ощутила неуместность своего визита. Деловые визиты в такой час были совершенно неприемлемы. Женщины ее положения, какую бы нужду они ни испытывали, не позволяют себе приходить без предупреждения.

– Возможно, я могла бы... – начала она, но было уже поздно, так как горничная вышла. Мэри аккуратно положила сверток на кушетку, сняла обертку и развернула шелк. Огляделась вокруг, заметив роскошные занавеси на окне и толстый турецкий ковер под ногами. Патрик Холландер был определенно человеком состоятельным. И от того, что, живя с такими удобствами, он посмел так бессердечно нарушить свои обязательства по отношению к ней, прежний гнев вновь вспыхнул в душе, утверждая ее в своем намерении.

Когда в комнату вошла миссис Холландер, Мэри увидела, что она ждет ребенка: расшитый корсаж не мог скрыть увеличившегося

живота.

– Прошу прощения за столь ранний визит, – начала она, поднимаясь на ноги.

– Не стоит, мне было крайне любопытно познакомиться с создателем такого чарующего шелка, – ответила Кэролайн, опускаясь на кушетку и приглашая Мэри сделать то же самое. – Как я поняла из слов горничной, узор с белладонной ваш?

Мэри кивнула.

– Рада слышать, что вы его получили, так как от мистера Холландера не было никаких вестей по поводу оплаты моей работы и труда ткача. Я также привезла второй отрез, вытканый по его поручению.

– Да, я вижу. – Кэролайн потянулась к шелку, ее изящные ручки погладили блестящую поверхность. – И желаю оставить себе и его тоже. Джеримая, наш служащий, оплатит вашу работу, я ему передам.

Мэри позволила себе чуть улыбнуться, и сведенные от напряжения плечи немного расслабились. Возможно, теперь, когда ей дала слово миссис Холландер, к ней отнесутся справедливо.

– Весьма рада это слышать. Однако за первый отрез шелка я платы не получила, и этот вопрос не решен. – Мэри не нравилось говорить о деньгах с дамой такого происхождения, как миссис Холландер, особенно в ее деликатном положении, но она не отступилась, несмотря на чувствительный для обеих вопрос, так как о возвращении в Спиталфилдс с пустыми руками и помыслить было невозможно.

– Боюсь, в этом я посодествовать не могу, – ответила хозяйка дома. – Так как о ваших договоренностях с моим супругом мне неизвестно. Вам придется дождаться его возвращения. Он отправился в Девицес, как я полагаю, за казимиром и драгетом. Возможно, вы зайдете завтра? – прикрыв рот нежной ручкой, она подавила зевок, и Мэри стало ясно, что ее присутствие становилось нежелательным. Ей не оставалось ничего другого, как взять плату за шелк, который она привезла сейчас, и дожидаться мистера Холландера.

Мэри вышла из особняка с банковым билетом и горстью гиней в кармане в уплату за шелк. И хотя она старалась договориться о наилучших условиях как можно тактичнее и не настаивать, ей заплатили справедливую сумму, и Мэри была довольна. Эти деньги

помогут выкупить ожерелье и оплатить еще несколько дней в гостинице, так как она была решительно настроена поговорить с Патриком Холландером. Прodelав такой путь до Оксли, она не собиралась уезжать, лишь частично добившись цели. Мэри хотела лично увидеть его, выяснить, почему он нарушил их договоренности.

Когда Роуэн вновь зашла в малую гостиную, ее взгляд тут же привлекла распростертая на кушетке ткань. Бледный шелк мягко поблескивал, будто вобрав в себя весь свет в комнате, притягивая взгляд своей неотразимой красотой. Этот узор уже не вызывал тех дурных предчувствий, как первый; вовсе наоборот, изысканный узор из полевых цветов наполнял сердце радостью.

– Исключительная красота, не правда ли? – произнесла Кэролайн. – Она очень талантливая женщина.

Роуэн кивнула, соглашаясь.

Оказавшись на улице, Мэри отнюдь не собиралась немедленно возвращаться на постоянный двор; было еще довольно рано, и она решила осмотреть окрестности, неторопливо направившись по главной улице и дальше из города, где камни мостовой уступали место грунтовой тропе. Вдоль нее в опасной близости несла свои воды стремительная река, предостерегая ни о чем не подозревающих путешественников. Вскоре Мэри увидела мельницу, чьи широкие лопасти приводил в движение бурный поток. Грохот механизма и воды оглушал, но Мэри как замороженная смотрела на стремнину.

Через какое-то время она повернулась, чтобы вернуться в город, и так и замерла, увидев прямо за собой девушку.

– Ой! – воскликнула она, уверенная, что была здесь одна. – Ты из дома торговца. Ты специально пошла за мной?

Горничная ничего не ответила.

– Это не может быть простым совпадением, что мы так столкнулись.

Роуэн сделала книксен:

– Прошу прощения, госпожа, но дело в том, что ткань, тот первый узор... Я видела, как ее принесли. – Помедлив, она продолжила: – Я хотела предупредить вас. Дело в том, что в этих растениях скрыта темная магия. Использовать их без нужных знаний – к несчастью.

– Это просто узор на ткани, – фыркнула Мэри. – Какой может быть вред тому, кто ее наденет? Госпоже Холландер она явно очень понравилась. И кто ты такая, простая горничная, чтобы подвергать ее слова сомнению?

Украдкой оглянувшись, Роуэн торопливо прошла мимо, пробормотав:

– Доброго вам дня, госпожа.

– погоди, – остановила ее Мэри, неожиданно вспомнив кое о чем.

– Да, мисс? – обернулась к ней Роуэн.

– Меня крайне опечалила кончина матушки мистера Холландера.

Искренне надеюсь, что она не страдала.

Роуэн непонимающе взглянула на нее:

– Боюсь, мне об этом происшествии ничего не известно, госпожа, но я служу здесь меньше года. Возможно, это случилось до моего появления? Признаюсь, никогда не слышала, чтобы хозяин говорил о своей матушке.

– Вот как. В таком случае я, должно быть, ошиблась. – Подозрения Мэри подтвердились. Патрик Холландер в самом деле оказался лжецом и плутом. Что же до суеверий служанки о ткани, это просто бессмыслица. Однако в памяти всплыли слова сестры об этих цветах, ее желании избавиться от шелка, и на краткий миг Мэри посетило дурное предчувствие.

Глава 38

Июль, 1769 год, Оксли

Утром следующего дня Роуэн начищала крыльцо у входа в дом и не заметила художницу по ткани, Мэри Стивенсон, пока она не встала прямо перед ней.

– Как я слышала, мистер Холландер вернулся, – сказала она, когда Роуэн оторвалась от своего занятия, заправляя выбившуюся прядку под чепец.

Роуэн кивнула:

– Он очень обеспокоен, – предупредила она, зная, что хозяин пребывает в своем капризном и непредсказуемом настроении, так как вчера он опрокинул одно из блюд за ужином, обнаружив, что мясо приготовлено не по его вкусу.

– Что ж, мне придется прибавить ему хлопот, – заявила Мэри, решительно подходя к двери в лавку и дергая за ручку.

Хотя Роуэн почти закончила работу, она немного замешкалась на пороге, гадая, что же будет. Долго ей ждать не пришлось, так как дверь осталась открытой, и Роуэн без усилий могла посмотреть, что происходит на первом этаже, где ее хозяин вместе с помощником отбирали отрезы шелка в Бат, куда он собирался вскоре вернуться вновь. И она чуть не попала под колеса экипажа, отшатнувшись от двери, когда мистер Холландер издал удивленный возглас при виде мисс Стивенсон. Но потом, рискуя получить взыскание или того хуже, она проскользнула внутрь и юркнула за открытую дверь, где ей было все прекрасно слышно.

– Мадам. – После первой вспышки эмоций Патрик Холландер вновь овладел голосом. – Признаюсь, я вовсе не ожидал увидеть вас в этих краях, так далеко от Лондона.

– У меня бы не было причин для подобного путешествия, если бы не ваш определенный отказ от нашего соглашения. – В ответе Мэри слышалась сталь. – Соглашения, хочу добавить, основанного на

принципах добросовестности и доверия, так как я считала вас человеком слова. Вы хотели обвести меня вокруг пальца?

– Скажу откровенно, это не так, – ошеломленно возразил он. – Уверяю вас.

– Боюсь, ваши заверения стоят мало, – фыркнула Мэри. – Вы получали от меня эскизы и шелк? Я направила их несколько месяцев назад.

– Мисс Стивенсон, – начал он, и на лице его читалось недоумение. – Признаюсь, я был убежден, что это вы решили разорвать наше соглашение, так как я не получил от вас ни слова за это время. Разумеется, если бы я не был столь занят другими делами, в свой следующий визит в столицу я непременно бы вернулся потребовать обратно оставленный вам аванс.

– Но я направила вам эскизы. Полгода назад.

– И какие у вас есть доказательства? – Он раскрыл руки, обводя помещение. – Их нигде нет.

– Но вы, конечно, не можете отрицать, что получили ткань, которую я послала, шелк с одним из тех узоров, который я выткала на собственные средства?

Патрик лишь изумленно смотрел на нее.

– Ваша супруга лично сообщила мне, что он ей настолько понравился, что она велела сшить из него платье.

– Я знаю, о каком шелке речь, – признал он. – Но так как меня не было в городе, когда пришла посылка, я не имел ни малейшего представления, что это ваша работа.

От такого неубедительного заявления у Мэри вызвался недоверчивый возглас.

– Неужели ваш помощник не вел соответствующие записи в ваше отсутствие?

– В конторской книге ничего нет, – пожал плечами Патрик.

Роуэн не могла поверить тому, что слышала. Несмотря на ее отношение к Патрику Холландеру, он все еще оставался ее нанимателем, и Роуэн должна была служить ему со всей преданностью, но ее окружали лжецы и мошенники, и это мучило ее честную душу.

– Но у меня есть подтверждение вашей жены, что ткань получена. Разве это не имеет значения?

– Мисс Стивенсон, моей супруге сейчас тяжело, в ее положении... И как вы видите, я чрезвычайно занят другими вопросами. Возможно, вы можете зайти завтра днем, я как раз смогу просмотреть регистр заказов, и мы проясним это маленькое недоразумение.

– Для вас это может быть и пустяк, сэр, но для меня это единственные средства к существованию.

– Конечно, я не сомневаюсь, все разрешится наилучшим образом, но я в самом деле ничем не могу помочь, пока не разберусь во всем лично.

Роуэн заставила себя прикусить язык, слушая, как Мэри соглашается вернуться на следующий день. Она знала, что ее хозяин собирался уехать в Бат рано утром и что Мэри его уже не застанет. Как коварный паук, Патрик Холландер плел свою паутину из лжи.

Все еще обдумывая вероломство хозяина, Роуэн по поручению Пруденс отправилась к мяснику, заказать еще баранины. Торговец взглянул на нее с некоторым недовольством:

– Уже три месяца как по этому счету не платят. Пожалуйста, сообщите своему хозяину, что я в последний раз отпускаю заказ в долг.

Выйдя из лавки, Роуэн неожиданно стало ясно, что это не просто оплошность. Она вспомнила, как всего неделю назад видела, как Пруденс спорит с бакалейщиком. Заметив ее, кухарка тогда объяснила, что картошка кишела мучными червями, но теперь Роуэн и в этом сомневалась. Были ли деньги, вернее, их отсутствие, причиной сумасбродного поведения хозяина? Он проиграл все состояние в карты? Или взял на себя непосильную задачу, занявшись магазином в Бате? Или же он просто утратил чувство реальности?

Роуэн не стала возвращаться домой, вместо этого направившись к постоянным дворам в конце улицы. В первой гостинице ей не повезло, зато во второй велели подождать в общем зале, а владелец отправился за мисс Стивенсон.

– А, это ты, – кивнула ей спустившаяся вниз Мэри. – С сообщением от мистера Холландера? Он проверил все записи и счета? – с надеждой спросила она.

Роуэн покачала головой, посмотрев по сторонам и заметив, что хозяин гостиницы не спешит уходить, явно рассчитывая подслушать какую-нибудь сплетню.

– Мы можем отойти в более уединенное место? – понизив голос, предложила она. – Пожалуйста, в ваших интересах услышать то, что я хочу сказать.

– Что ж, хорошо. Погода весьма приятная, но я все же возьму накидку.

– Я буду ждать вас у церкви, что на окраине города.

Мэри кивнула, соглашаясь, и Роуэн поспешила прочь. Долго ждать ей не пришлось, она заметила приближающуюся к ней фигуру за несколько метров. С такого расстояния ее красный плащ выглядел как тот, что носила Роуэн, но когда женщина подошла ближе, стало заметно, что ее накидка сделана из ткани гораздо лучшего качества, хотя местами и была побита молью.

– Ну, – встав напротив, кивнула ей Мэри. – Что ты хотела рассказать?

Роуэн словно предстояла игра словами вместо игральные кости, пришел ее черед бросать, но она не представляла, сколько ей нужно для победы.

– Когда я услышала, что мистер Холландер не получал ваших писем, я больше не могла молчать. Могу поклясться, что видела их собственными глазами вскоре после Йоля.

Мэри вздрогнула.

– Ему нельзя доверять, – шепотом продолжила Роуэн, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что они здесь одни.

Мэри выглядела озадаченной.

– Но вы же у него служите. Почему рискуете своим местом, рассказывая мне все это? И зачем ему врать мне, он же сам пообещал встретиться со мной завтра?

– Он планирует отправиться в Бат на рассвете, – призналась Роуэн.

– Он что? – недобро сощурилась Мэри. – Я все еще не понимаю. Зачем ему играть со мной? Если ему не нравится моя работа, зачем вообще было давать мне заказ? Он только тратит наше время.

– Если позволите, госпожа, я имею основания думать, что он повредился рассудком.

– Повредился рассудком? Как так?

– Теряет связь с настоящим, не говоря уже о прошлом. Забывает о своих обещаниях. Будто в один миг хочет кого-то осчастливить, а затем

все отрицает. – Роуэн замолчала, боясь, что и так сказала слишком много. Она помнила истории матушки о позорной маске, и хотя Роуэн знала, что их больше не используют, если откроется, что она говорила о хозяине в таком тоне, ей это с рук не сойдет.

– Но как же он может вести дела? Это просто нелепица.

– В этом доме все не так, как кажется, и я подумала, что правильно будет вас предупредить.

– Как когда ты предупредила меня об опасности моего узора? – спросила Мэри, меряя шагами лужайку. – Я не могу вернуться в Лондон и сказать сестре, что все усилия оказались напрасны. – Мэри повернулась к ней, скрестив руки на груди и сжав зубы. – Я не дам выставить себя на посмешище, будь он проклят! Он пожалеет об этом, я позабочусь.

– Пожалуйста, – попросила Роуэн. – Он не должен узнать, что это я рассказала.

Выражение лица Мэри смягчилось.

– Ты многим рисковала, и я очень благодарна. Он не узнает, почему я так быстро вернулась. Вот, – она протянула ей медную монетку, – за твои труды. Прости, больше дать не могу.

Роуэн покачала головой:

– Я пришла к вам не в надежде на вознаграждение. Только из чувства справедливости.

– Очень хорошо.

– Мне пора идти, иначе меня хватятся. – Роуэн поспешила прочь, готовя оправдание, случись Пруденс спросить, где она была.

Мэри ходила туда и обратно по тропинке вдоль кладбища, не заботясь о запачканных юбках. Какой же она была глупой, что позволила такому человеку одержать над ней верх. Она проклинала себя за то, что доверилась его слову, что, как она теперь была готова признать, была так ослеплена его явной состоятельностью, приятной внешностью и обращением. Похоже, все было лишь притворством.

Но она не даст водить себя за нос. В конце концов ее шелк будут покупать, шепотки подмастерьев и реакция миссис Холландер служили доказательством ее таланта. Она не перестанет верить в себя после одного неверного шага, но в будущем доверять людям поостережется.

Глава 39

Июль, 1769 год, Оксли

На город опустилась несвойственная ему тишина, и Роуэн выполняла работу по дому с непривычной для себя медлительностью, долго возясь даже с простыми поручениями и делая между ними продолжительные перерывы. Растущее напряжение ощущалось в воздухе, как в часы перед грозой. Хозяин вновь отсутствовал, и Роуэн, видевшая, как он направлялся в таверну в конце главной улицы, втайне подозревала, что там его ждет карточный стол.

Перед уходом Патрик велел ей уложить ему в дорогу чистые вещи, но, закончив, Роуэн не могла заставить себя взяться за привычные дела. Она устала от лжи, потока притворства и фальши, просочившегося в дом, отравляющего воздух точно язва. Он коснулся всех. Даже Пруденс в последнее время ее избегала. Могли ли обвинения Элис стать причиной? Она сделала все возможное, чтобы помочь девушке, но та, похоже, желала ей лишь зла.

Роуэн едва дождалась обеда, а когда наконец раздался бой часов, она с первым ударом набросила плащ, так как небо действительно предвещало грозу и было готово в единый миг разразиться ливнем. Она выскользнула через черный ход и обошла дом по узкому проходу, ведущему на главную улицу. В нескольких метрах она заметила две знакомые фигуры: своего хозяина и мисс Стивенсон, стоявших под вывеской таверны «Семь звезд». Разговора ей было не расслышать, и Роуэн, скрыв лицо капюшоном, чтобы ее не заметили, двинулись вперед. Ей не стоило беспокоиться, ни один из собеседников не обратил на нее внимания – так они были заняты своим спором. Делая вид, что рассматривает витрины лавок, она украдкой бросила на них взгляд. Похоже, разговор шел на повышенных тонах, и в эту секунду ее хозяин схватил мисс Стивенсон за запястье и потащил по улице. Роуэн сразу поняла, что они направляются к реке. Перед глазами мелькнуло видение стремительного потока у мельницы и исчезающий в бурлящей пене силуэт в красном плаще. С женщиной из Лондона произойдет

что-то ужасное. Роуэн почувствовала это, точно удар кинжалом в живот.

От мясной лавки ее окликнул Томми, но она не обернулась, торопясь дальше.

Пара исчезла из виду, но Роуэн быстро прошла следом и свернула на узкую улочку, которая вела к мельнице с другой стороны. Зацепившись плащом за куст дрока, она споткнулась и порвала чулок, но не остановилась, бросившись бежать, чтобы оказаться у реки первой.

Она уже задыхалась от нагрузки, рвано вдыхая и выдыхая, но не могла позволить себе хотя бы замедлиться, даже когда в груди уже все горело. Но, оказавшись на берегу, она увидела совершенно другого человека.

Кэролайн Холландер. В алом бархатном плаще, с распущенными волосами и диким взглядом, она будто потеряла рассудок. Хозяйка протянула к ней руки, и Роуэн заметила, что они трясутся, как у больного.

– Разве вам не нужно быть дома, госпожа? – охнула Роуэн.

– Ты знала? – потребовала ответа Кэролайн, будто не слыша вопроса.

– Знала что? – Боясь, что раскрылось ее предательство, Роуэн приготовилась принять наказание, каким бы оно ни было. Проглотив комок в горле, она готовилась к худшему. Но ее хозяйка назвала имя, которое она не ожидала услышать.

– Об Элис и моем муже.

Роуэн молча смотрела на нее, не решаясь ни подтвердить, ни опровергнуть подозрения госпожи, в то же время ощутив облегчение при мысли, что о ее собственных грехах еще не стало известно.

– Я должна знать правду, – сквозь сжатые зубы настаивала Кэролайн. – Я обошла весь город, каждую таверну и аллею. Он здесь?

– Я шла за ними... за ним, – сказала Роуэн. – Пойдемте, продолжим поиски.

Они подошли к реке и сразу же увидели обоих, чуть дальше на тропе впереди, у мельничного пруда.

Мэри-Луизу Стивенсон и Патрика Холландера.

Роуэн с Кэролайн ускорили шаг, и вскоре Роуэн различила резкие движения, увидела, как они размахивают руками, при этом

наклонившись друг к другу. Патрик Холландер нетвердо стоял на ногах, пошатываясь точно пьяный. Чулок сбился, карманы вывернуты, будто чтобы показать, что в них ничего нет. Из-за шума воды ей не удавалось расслышать ни слова, хотя враждебность обоих сомнений не вызывала.

Ее хозяин поднял руки, будто признавая поражение, но при этом задел мисс Стивенсон по плечу. Она покачнулась, оказавшись так близко к воде, что Роуэн ахнула. Губы ее хозяина шевельнулись, но слов не было слышно.

– Патрик! – закричала Кэролайн так громко, что ее услышали.

Патрик с Мэри оба остановились словно от изумления, что они оказались не одни.

Кэролайн, подхватив юбки, бросилась к ним, несмотря на увеличившиеся размеры талии. Подбежав к мужу, она коснулась его плеча, но он сбросил ее руку с такой силой, что Кэролайн сделала шаг назад. Споткнувшись, она зацепилась о запутавшийся в ногах плащ.

Застыв от ужаса, Роуэн смотрела, как ее госпожа стоит на берегу и в следующую же секунду падает как подкошенная, и ее уже нет, беспокойные воды сомкнулись над ней в одно мгновение.

Патрик взревел. Роуэн не могла шевельнуться, а ее хозяин, сбросив камзол, зашел в воду, выкрикивая имя жены.

Роуэн не могла заставить себя думать, мысли словно застлал туман, в ушах стоял грохот потока. Время словно замедлилось, превратилось в стекающий с пчелиных сот мед. Наконец она вновь обрела дар речи, хотя слова, которые она прокричала ему вслед, даже ей больше напомнили проклятия. Роуэн смотрела только на всплывший плащ – видение, ставшее жуткой правдой.

Рядом вдруг оказался Томми. Не тратя времени на вопросы, она просто указала на алое пятно. Он без промедления скинул верхнюю одежду и вошел в воду, а Мэри тем временем двинулась дальше по реке, вглядываясь в стремнину.

Патрик уже добрался до середины пруда, ныряя там, где появился плащ, но каждый раз выныривая с пустыми руками.

– Кэролайн! – кричал он, дико озираясь по сторонам и всматриваясь в воду. – Кэролайн! Покажись! – Третий, четвертый, пятый раз он нырял, и все безрезультатно. – Я не... я не вижу ее, –

крикнул он им. – Я не могу ее найти! Ее будто утянуло в водоворот! – Он вновь исчез под водой, но на поверхность уже не вынырнул.

Томми, добравшись до этого места, сам нырнул в клокочущий поток. Через мучительно долгий миг он, показавшись на поверхности, повернулся к Роуэн, отряхнулся и покачал головой. Но он не сдавался и продолжил нырять.

– Она здесь! – раздался крик Мэри. Она добежала по берегу до места, где пруд соединялся с рекой, и течение было поспокойнее. – Сюда!

Роуэн бросилась к ней, все еще видя красный плащ, пролитой кровью расплескавшийся по воде.

Уже не думая о том, что боится воды, Роуэн, пробежав по тропинке, на ходу сбрасывая накидку, кинулась в воду. Споткнувшись, она чуть не упала, юбки намокли, и течение тянуло ее за собой вглубь. С трудом она все же шла вперед, тяжело дыша, собственная безопасность ее уже не волновала. Наконец она добралась до Кэролайн и, подхватив ее подмышки, потащила к берегу. Мэри, зайдя в реку по пояс, помогала.

Вместе они смахнули с лица Кэролайн звездчатку, точно кружевом опутавшую ее, и наклонились ближе, проверяя, остался ли хоть малейший шанс, что искра жизни еще теплится в ней.

– Он толкнул ее, – выдохнула Мэри. – Я видела. Возможно, он не собирался, но это он толкнул ее. И чуть не толкнул меня. – Ее трясло от холода и потрясения, с рук и платья ручьями стекала вода. – Он сам дьявол. – Она обняла Роуэн. – Ты в порядке? Ты сама чуть не утонула.

Тепло руки даже сквозь промокшее насквозь платье немного успокоило Роуэн. Вместе они держали Кэролайн над водой, не зная, что делать. Несколько мгновений ничего не происходило, но затем, будто целую вечность спустя, с губ женщины сорвался слабый вздох.

Дыхание постепенно становилось все более ровным, и Роуэн почувствовала невероятное облегчение. Вместе с Мэри они вытащили Кэролайн на берег. Убедившись, что ее госпожа все еще цепляется за жизнь, Роуэн вновь замерла, пытаясь осознать все, что произошло за эти несколько чудовищных минут.

– Надо отнести ее в дом, – наконец произнесла она, когда к ней вернулось самообладание.

– Но как? – спросила Мэри.

– Бегите за помощью. У мясника есть подвода. – Теперь уже Роуэн решительно взяла ответственность на себя.

Мэри встала, как смогла отжала юбки и нетвердым шагом, так как мокрая одежда цеплялась за ноги и мешала идти, направилась в сторону города.

Роуэн оглянулась, ища взглядом Томми, опасаясь худшего, боясь даже вздохнуть – но тут она его увидела. Его голова показалась над водой, как могла бы вынырнуть выдра. Но не успела она обрадоваться, как заметила движение на дальнем берегу. Тело ее хозяина перекатилось на бок, и на мгновение Роуэн решила, что это течение вынесло безжизненное тело. И когда он сел, отряхиваясь и откашливаясь, она вскрикнула.

– Томми! Помоги ему! – Несмотря на то что Патрик Холландер сделал или не сделал, она не могла просто смотреть на человека, нуждавшегося в помощи. Кроме того, она знала, что, когда ее хозяин в конце концов осознает, что он сделал, ему придется с этим жить.

А это было наказанием куда большим, чем любое другое.

Глава 40

Июль, 1769 год, Оксли

Кэролайн лежала в спальне, прерывисто, тяжело дыша. Мясник и его другой помощник, которых привела Мэри Стивенсон, помогли вытащить ее. Хотя они и привыкли больше к телам животных, мужчины на удивление бережно погрузили миссис Холландер на подводу под молчаливыми взглядами Роуэн, Томми и Мэри. Патрик Холландер побрел к ним, спотыкаясь, и взвыл от ярости и боли, увидев неподвижное тело жены.

– Она не... она... – невнятно бормотал он. – Она не может... – Томми схватил его за руку, оттащивая с дороги, прочь от тронувшейся повозки.

– Они справятся, – сказал он. – Вам лучше послать за доктором.

Патрик сбросил руку Томми и, пошатываясь, поплелся следом.

Когда они дошли до дома, мясник и его помощник подняли Кэролайн наверх, в ее спальню. Элис сняла промокшее платье, и Роуэн положила руки хозяйке на живот, вопреки всему надеясь, что новая жизнь еще растет внутри, и перекрестилась. Они подоткнули одеяла вокруг неподвижного тела. Оставалось только ждать доктора.

На исходе часа он прибыл и потребовал, чтобы все покинули комнату. Вскоре он вышел, помрачневший, и направился в гостиную, где сидел мистер Холландер. Роуэн не нужно было слышать его слова лично; она уже знала, что госпожа может больше не проснуться.

Мэри вернулась в гостиницу только после того, как Роуэн заверила ее, что ничего больше сделать нельзя. Она промокла насквозь, платье было все заляпано грязью, но Мэри едва замечала пронизывающий холод, ее тело и разум будто онемели. Об этом ужасном происшествии, случившемся на ее глазах, думать было невозможно, и она словно наблюдала за всем издалека. Мэри боялась, что миссис Холландер может не выжить. Никогда прежде она не видела такого бледного, лишившегося всех красок лица. Кожа

Кэролайн посерела, и эта картинка так и стояла перед глазами всю дорогу до гостиницы, пока она шла по главной улице, спотыкаясь, не замечая озабоченных и любопытных взглядов. Стуча зубами, она наконец поднялась в свою комнату, уже еле держась на ногах, стянула платье, с трудом расшнуровала замерзшими пальцами корсет и, только избавившись от всего мокрого, заползла под одеяла, но дрожать перестала очень нескоро.

Позже вечером ее разбудил стук в дверь, и Мэри поспешно накинула чистую нижнюю рубашку.

– Кто там? – спросила она.

– Я слышала о случившемся, – сказала жена хозяина гостиницы, когда Мэри приоткрыла дверь. – Жуть какая трагедия. Кто бы поверил? – Она сочувственно поцокала языком, качая головой, и так и стояла, явно надеясь услышать что-то в ответ.

Мэри молчала. Кажется, она вообще забыла, как говорить.

Женщина поняла, что ждать смысла нет, и показала принесенный с собой поднос:

– Поможет вам согреться. И письмо еще пришло. На ваше имя. Сначала отправили в «Семь звезд», а потом решили проверить здесь.

Без особого воодушевления взглянув на поднос, Мэри отступила, пропуская женщину в комнату.

Проглотив немного супа и чуть не подавившись – так он обжигал горло, – Мэри взглянула на письмо, написанное знакомым почерком.

Кэролайн провела в постели три дня, становясь все бледнее, дыхание было прерывистым, с хрипами, а у ее постели день и ночь на страже сидел ее муж, отказываясь уходить и не притрагиваясь к еде, которую ему приносила Роуэн.

Она ходила к аптекарю, спросить, не знает ли он о каком средстве, способном ускорить выздоровление госпожи, но он ничего не смог предложить.

– Время, – мрачно произнес он. – Только время покажет.

На второй день в дом торговца шелком пришло письмо, адресованное Роуэн. Она немного растерялась, так как никогда прежде не получала писем. Мельком подумав о братьях, она взмолилась, чтобы с ними не случилось ничего дурного, так как кругом, как ей тогда казалось, были одни несчастья.

– Я не узнаю почерк, – сказала она, передавая письмо Пруденс, потому что кухарка читала лучше ее.

– Это от мисс Стивенсон, – сказала Пруденс, сломав печать. Держа бумагу в мясистых пальцах, она близоруко прищурилась. – Пишет, что должна возвращаться в Лондон, так как получила весточку от сестры, что приходили торговцы шелком, интересовались ее работами. – Она перевернула листок. – Говорит, что будет молиться за миссис Холландер и просит тебя сообщить ей новости, когда сможешь. И адрес. – Сложив письмо, Пруденс вернула его Роуэн и сделала глоток из своего стакана.

Рано утром четвертого дня Патрика наконец убедили покинуть комнату жены, оставив ее на попечении Роуэн и Элис. Подняв одеяла, Роуэн заметила движение. Движение в ее животе. Опустив на него ладонь, она отчетливо его ощутила.

– Думаю, ребенок вот-вот появится.

– Что? – удивилась Элис. – Он еще жив?

– Слишком рано, – прошептала Роуэн. – Слишком.

– Привести доктора?

– Нет, это женское дело. Нужна повитуха.

Роды были быстрыми. Судя по церковному колоколу, который прозвонил всего один раз, прошло меньше часа. Роуэн присутствовала на нескольких родах вместе с матерью, но ни разу не видела, чтобы женщина не плакала или не выкрикивала проклятия. Кэролайн молчала, глаза ее закатились так далеко, что их не было видно вовсе. Повитуха говорила мало, только если нужно было подать еще чистой ткани, и в конце, когда попросила Роуэн подержать ноги роженицы, чтобы помочь новой жизни высвободиться.

Роуэн никогда не видела такого крошечного младенца, едва ли больше кролика и такого же худенького. Девочку. Все ее тельце покрывали волосы, такие густые, что она больше напоминала не человеческого детеныша, а обезьянку. У Роуэн сердце сжималось от жалости. Как же рано она родилась, настолько раньше срока.

Когда все закончилось, повитуха передала бедную малютку, обернутую в муслин, хозяину дома. Кэролайн Холландер ни разу не пришла в себя во время родов, не реагируя ни на что с того самого дня, когда они вытащили ее из реки.

Хозяин оцепенело сел в кресло у кровати с ребенком на руках, едва ли понимая, что у него родилась дочь.

– Вы уже выбрали ей имя, сэр? – спросила повитуха, прибираясь в комнате.

Он поднял голову и посмотрел на них обеих, будто видя в первый раз.

– Диана, – прошептал он. – Диана Грейс.

Роуэн сосредоточилась на ребенке. Розовая кожа постепенно темнела, прямо на глазах она становилась пунцовой, почти синей. Малышка захныкала.

– Бедняжка, – ласково сказала повитуха.

В дверях показалась Пруденс:

– Ее нужно крестить.

Но Патрик Холландер и слышать ничего не хотел.

– Оставь меня, женщина! – воскликнул он. – Я не могу мыслить ясно! – Солнце уже село, и в комнате сгустились тени. Взгляд его остановился на неподвижной фигуре жены на постели рядом. – Я так отчаянно хотел ребенка, но никогда, никогда – вот так. Это все моя вина. – Он передал малютку Роуэн и, с трудом держась на ногах, вышел из комнаты, чуть не упав на ступеньках и хлопнув входной дверью.

– Будем надеяться, он пошел за священником, – произнесла Роуэн.

– Я скорее боюсь, что в таверну, – заметила Пруденс, наблюдая за ним из окна.

Тут повитуха охнула, и они обе стремительно обернулись к ней. Укрывавшие хозяйку простыни пропитались кровью.

– Сердце не бьется, – прошептала повитуха, прижав палец к шее Кэролайн.

Прошло меньше часа с тех пор, как ее мать оставила этот мир, и Диана с последним вздохом скончалась на руках Роуэн, кожа ее стала белее мрамора.

Хотя Патрик Холландер и согласился на похороны своей жены, ребенка он отдать не захотел. Когда вместе с гробом для Кэролайн пришел маленький гробик, даже меньше шляпной коробки, он взял его и выпроводил всех из дома.

Когда им разрешили вернуться, гробика нигде не было, и никто из них, ни Пруденс, ни Джеримая, ни Элис с Роуэн, не осмелились спросить у Патрика, где он.

Глава 41

Июль, 1769 год, Оксли

Хотя телом Патрик Холландер и оправился от болезни, когда чуть не утонул, и смог пережить потерю жены и ребенка, дух его ослаб. Его прежняя бескрайняя уверенность в себе пошатнулась, походка выдавала в нем сломленного человека, который уже не понимал и даже не хотел быть частью этого мира. Утром в день похорон Роуэн видела, как он стоит на церковном кладбище, дрожа как тополь на ветру. О привлечении его к ответственности за трагедию речи, безусловно, даже не шло. Хотя они с Мэри и Томми точно видели, что произошло, Роуэн с Томми не осмеливались заговорить, а Мэри давно вернулась в Лондон.

Кэролайн похоронили в платье из шелка, которым она так восхищалась, переплетение смертоносных цветов стало ее погребальным покровом. Роуэн так и не смогла избавиться от чувства вины за свою роль в этой трагедии, оно тянуло ее к земле, словно тяжелое облачение, которое она была обречена носить вечно. Она не сумела предупредить госпожу об опасности, которую ощущала, о зле, вплетенном в самую ткань, и не помешала ей надеть тот наряд. Это она приготовила снадобье для Элис, которое послужило не для того, чтобы спасти ее от беды, а стало причиной смерти младенца госпожи. Угрызения совести не оставляли ее в покое.

Как-то вечером, когда хозяина не было, Роуэн не выдержала. Встав на верхнем пролете лестницы для слуг, за дверью, она ждала в тени, пока не появилась Элис. Когда горничная шагнула внутрь, Роуэн схватила ее за запястье и изо всех сил прижала к стене.

– Скажи-ка, – прошипела она, – ты дала нашей госпоже то снадобье?

Элис дернулась, но Роуэн не собиралась отпускать ее, пока не услышит правду.

– Ведьма, – выплюнула горничная.

– Как ты смеешь называть меня так! Еще недавно ты умоляла помочь тебе, помнишь? А теперь, – продолжила Роуэн, усилив хватку так, что Элис застонала от боли, – скажи правду.

Элис яростно замотала головой, но Роуэн держала крепко.

– Это ты приготовила зелье. Может, тебе стоило быть осторожнее, – в конце концов ответила Элис.

Роуэн вскипела, получив подтверждение своим подозрениям.

– Как ты могла использовать такое снадобье в своих черных целях, и хуже того, пытаться обвинить меня, когда госпоже стало плохо? Тебе самой оно вообще нужно было? – Не успела она произнести последние слова, как последний кусочек головоломки встал на свое место.

Элис рассмеялась:

– Ты попала на мою жалостливую историю? Легковерная клуша. Убедить тебя не стоило труда. – Она жестами показала, будто придерживает живот, и снова рассмеялась злым глухим смехом. – Если бы она потеряла ребенка, Патрик бы освободился и вернулся ко мне. У меня не было выбора.

Глаза Элис поблескивали в лунном свете, и в этот миг Роуэн показалось, что в них светится огонек безумия. Она ослабила нажим, перестав бороться. Элис ловко ее одурачила.

– Мне жаль тебя, – произнесла Роуэн. – Ты перехитрила саму себя. Разве ты не понимаешь, что он никогда бы не признал тебя, простую служанку? Он хоть раз обещал тебе это?

На этих словах Элис помрачнела.

– Я знаю, он бы так сделал, будь у него возможность. Причину я бы нашла.

– Но у тебя не получилось, ведь так? Несмотря на придуманную тобою ложь, ты не носишь его дитя.

Элис снова извернулась, воспользовавшись смятением Роуэн, и высвободилась. Покачнувшись, она упала на дверь. Та была лишь прикрыта, а не заперта, и под весом тела поддалась, ударившись о стену. За долю секунды Элис взмахнула руками, потеряв равновесие, и начала падать. Движение почти напоминало танец: вихрь юбок и ярких платьев из воздушной ткани. Чепец слетел с ее головы, прическа развалилась, черные волосы взметнулись, закрывая лицо. Как Роуэн ни старалась, а она в самом деле старалась поймать ее, удержать, было

уже поздно: ее пальцы схватил воздух, а Элис покатила вниз по крутым ступенькам, тяжелой кучей свалившись у перил.

Роуэн всмотрелась в темноту, различая только раскинувшееся на лестничном пролете тело. Элис лежала неподвижно, но даже с того места, где стояла Роуэн, было видно, что шея горничной искривлена под неестественным углом.

Воцарилась леденящая кровь тишина.

А затем раздался стук другой двери и звук шагов, поднимающихся по лестнице с первого этажа.

– Я все слышала, – выдохнула Пруденс, стоило ей подняться.

– Это была случайность, честное слово, – пролепетала Роуэн. – Вы должны мне поверить. Я не хотела ей зла. – Ее трясло от ужаса и мысли, что она стала причиной новой смерти.

– Да, девочка, я знаю. – Пруденс перевела дух и склонилась над Элис, прижав ладонь к ее шее.

– Что нам делать?

– Схожу кое за кем, кто не будет задавать вопросов, – ответила кухарка, удивив Роуэн столь быстрой реакцией. Выпрямившись, Пруденс в последний раз огорченно взглянула на Элис и поспешила вниз по ступенькам.

Вскоре она вернулась с Томми.

Следуя указаниям Пруденс, втроем они снесли тело Элис по лестнице и вынесли через заднюю дверь, где уже стояла его тележка.

– Ты согласился на это ради меня? – прошептала Роуэн, пока они укрывали тело Элис старой простыней.

– Конечно. Ради Пруденс и ради тебя. Не тревожься, Пруденс мне все рассказала. Твоей вины в этом нет, ни в коей мере.

– Но куда ты ее отвезешь?

– Лучше тебе не спрашивать.

– Смотри, чтобы тебя никто не увидел, – напомнила Пруденс уже двинувшемуся вперед Томми.

Кивнув, что услышал, он исчез в темноте сада.

Пруденс с Роуэн вернулись в кухню, и кухарка, достав из буфета бутылку, налила им обоим по стакану джина. Роуэн, поперхнувшись, все же заставила себя проглотить горькую жидкость. Алкоголь притупит ощущения, во всяком случае, на какое-то время, хотя она знала, что этой ночью уснуть не сможет. Как и остальные.

– Хозяину скажу, что она бросила нас, – сообщила Пруденс, делая большой глоток. Мистер Холландер так и не появился, и Роуэн предположила, что, если судить по предыдущим ночам, вернется он только под утро. – Скажу, что уехала к семье в Саммерборн. Бьюсь об заклад, он не удивится.

– Но как же ее вещи? – спросила Роуэн.

– Я разберусь. Нет ничего такого, с чем бы не справился хороший костер.

– А ее семья? Разве они ее не хватятся?

– Никого не осталось. Она пришла к нам из работного дома.

Теперь Роуэн поняла, почему Элис так боялась туда вернуться.

– Надеюсь... – дрогнувшим голосом начала Роуэн, – надеюсь, вы не думаете, что это я виновата... во всем.

– Ш-ш-ш, дитя. Как бы я могла такое подумать? Элис все равно бы получила то, что заслужила. – Пруденс осушила стакан. – Слишком много смертей в этом доме, – мрачно произнесла она. – Не будем больше об этом.

Слова Пруденс немного успокоили Роуэн, но она никак не могла избавиться от опасений, что тело Элис найдут и ее роль в этом трагическом несчастье вскроется. На следующий день раздался громкий стук в парадную дверь: двое мужчин требовали проводить их к мистеру Холландеру. Роуэн прежде их в городе не видела и, снедаемая дурными предчувствиями, осталась у дверей гостиной, держась в тени, чтобы ее не заметили.

– Мы прибыли расследовать обвинения в том, что вы укрываете преступницу.

– Это просто возмутительно, – ответил Патрик. – В доме только я и мои слуги, и за каждого я могу поручиться. Вы действительно пришли мучить человека, только что потерявшего жену?

Гости смутились, но не отступили:

– Мы ищем девушку. Роуэн Кэзвелл, – сказал один из них.

Роуэн застыла, ее бросило в жар и в холод одновременно. Они пришли за ней.

– У меня служит горничная с таким именем, но, уверяю вас, никакая она не преступница. И я готов это засвидетельствовать.

Несмотря на его слова, Роуэн затаила дыхание, разрываясь между желанием узнать больше и броситься прочь, спасая свою жизнь.

– У нас есть свидетельства об обратном. О том, что она якобы изготавливает так называемые «целительные снадобья от всех болезней» с пугающими последствиями. Что она, если точнее, готовит яды.

– Мне о подобной деятельности неизвестно, – сообщил Патрик. – И я крайне сомневаюсь, что подобное произошло бы под моей крышей, так как всем известно, что я этого не потерплю.

– В таком случае вы согласитесь, что данного рода деятельность нам в городе не нужна. Давно эта горничная служит у вас?

– Достаточно, чтобы не сомневаться в том, что она надежная и способная работница.

– Тем не менее вы можете ее позвать?

Тяжело вздохнув, Патрик чуть склонил голову в знак согласия.

– Но вы будете задавать вопросы здесь, в моем присутствии. Я не позволю забрать ее.

Пока мужчины совещались вполголоса, Роуэн проскользнула мимо по коридору и бросилась в кухню, столкнувшись с выходящей из прачечной Пруденс.

– К хозяину пришли люди, – выдохнула она. – Они хотят меня допросить.

– Об Элис? – обеспокоенно спросила Пруденс, не сводя с нее внимательных глаз.

– Нет, они считают меня отравительницей. – Роуэн рухнула на стул. Пруденс взяла ее под руку, усаживая ровнее.

– Кто эти люди?

– Никогда их прежде не видела, – покачала головой Роуэн. – Хозяин настаивал, что они ошибаются, но они не поверили.

Пока они думали, что делать, сверху донесся голос мистера Холландера, зовущего Роуэн.

– Помогите мне, – умоляюще прошептала Роуэн.

– Соберись с духом и иди к ним. Бежать слишком поздно.

– Нет, сэр, – ответила Роуэн на вопрос первого мужчины, кротко опустив глаза. – У меня нет познаний в этой области. – Она старалась стоять как можно ровнее, чтобы ее не выдали дрожащие ноги.

– Скажите, а какие у вас доказательства? – спросил Патрик, будто ему это пришло в голову только что.

Роуэн впервые заметила, что мужчины выглядят уже менее уверенными.

– На данный момент мы действуем на основании неподтвержденных заявлений, сэр.

– И кто же сделал подобные заявления? – фыркнув, уточнил Патрик.

– До нас дошли слухи, и мы были вынуждены взяться за расследование.

– Неужели. Что ж, я и присутствующая здесь горничная поклялись, что оснований для расследования нет. – Он встал и подошел к двери: – Пруденс? – позвал он. – Пруденс, пожалуйста, зайди.

Пруденс поднялась по лестнице вместе с Роуэн, но осталась нервно расхаживать в коридоре, поэтому появилась на пороге в ту же секунду.

– Слушаю, хозяин?

– Эти господа, – сообщил Патрик, – утверждают, что под крышей этого дома скрывается отравитель.

– Это совершенно невозможно, хозяин, – заявила Пруденс, приняв изумленный вид. – Мы богобоязненные люди, служим в уважаемом доме и не желаем зла ни человеку, ни скотине.

– Именно так, – заключил Патрик и обратился к мужчинам: – Я говорил, что никаких оснований для подобных подозрений нет. А теперь уходите, не мешайте вдовцу горевать о своей потере.

Полностью убежденными в невиновности Роуэн их посетители не выглядели, но им оставалось только отступить.

– Что ж, хорошо. Если вы готовы поручиться за нее, мы пока что оставим этот вопрос.

– Но если окажется, что вы каким бы то ни было образом ввели нас в заблуждение, последствия будут более серьезными, – добавил второй мужчина.

– Меня это более не волнует. За последние недели со мной произошли вещи много худшие, чем вы в состоянии вообразить. Пруденс, пожалуйста, проводи господ.

– С-спасибо, сэр, – выдавила Роуэн, когда хлопнула входная дверь. – Что вступились за меня.

Патрик оставил ее слова без ответа и молча вышел из комнаты.

Это столкновение будто бы ненадолго оживило хозяина дома, но шли дни, колокольчик в магазине звонил все реже, и Патрик Холландер все больше погружался в отчаяние. До него едва дошли слова Пруденс о том, что Элис уехала; он лишь отметил, что это к лучшему, так как он больше не мог позволить себе держать столько слуг. Друзья, которых он прежде принимал у себя, оставили его, так как на дом уже пала тень скандала. Сам он практически не выходил из гостиной, требуя приносить еду туда и до поздней ночи засиживаясь над бутылкой-другой.

Роуэн тоже больше почти никто не спрашивал; похоже, новости о выдвинутых против нее обвинениях уже распространились по всему городу. Она была благодарна, что ее оставили в покое; ее не отпускал страх, что те люди вернутся, и в этот раз с доказательствами, или еще хуже – что всплывет правда о смерти Элис. Она беспокоилась, что хозяин не сможет платить и ей, но из преданности, вызванной его поступком, она не искала другой работы. Кроме того, половина города была явно настроена не иметь ничего общего с домом торговца шелком.

Все это время она гадала, что же хозяин сделал с детским гробиком, но эту загадку решить так и не смогла. Как-то днем, когда Патрик сидел в гостиной, пустым взглядом уставившись в камин, она набралась храбрости спросить его об этом:

– А ребенок, сэр? Диана? Разве она не должна быть похоронена на церковном кладбище?

– Что?! – взревел мужчина, вновь давая волю дурному настроению. – Как смеешь ты говорить со мной о моей дочери? Это не твое дело! Она с Господом, как и моя жена. Убирайся с глаз моих!

– Да, сэр. – Роуэн попятилась. – Простите меня, мне не следовало говорить об этом. – Он лгал, Роуэн не сомневалась, но могла только сделать, как было велено.

В конце сентября, когда деревья начали сбрасывать листья, а в воздухе уже ощущались близящиеся морозы, Патрик дал расчет Джеримае.

– Откровенно говоря, у нас не осталось покупателей, – произнес он то, что было очевидно обоим. Полки, где когда-то лежали ткани, покрылись пылью, а сам дом погрузился в тишину, хотя порой, если прислушаться, Роуэн чудилось, что кто-то играет на фортепьяно. Печальная мелодия, колыбельная, которую когда-то пела ее матушка. Она быстро отбрасывала эти мысли, так как никто в доме больше не играл.

Томми перестал доставлять им мясо, так как хозяин ел так мало, что оно было не нужно, но как-то днем, когда Роуэн, избегая реки, возвращалась с прогулки по полю к югу от города, она столкнулась с ним на улице. Кивнула, проходя мимо, так как даже не ждала, что он остановится, особенно после их последней встречи. Да и весь город теперь всячески старался обходить стороной оставшихся обитателей дома торговца шелком.

– Роуэн, – позвал он, когда она отошла на пару шагов.

Остановившись, она обернулась.

– Как ты справляешься? – спросил Томми, подойдя и робко улыбнувшись.

– Неплохо, – ответила она, уже делая шаг в сторону.

– Мы не можем снова стать друзьями? – спросил он.

От этих слов у Роуэн мелькнула надежда, что мир вокруг еще не целиком превратился в пепелище.

– Не уверена, что это мудрое решение, – медленно ответила она. – Я не тот человек, с кем сейчас хотят водить дружбу.

Стянув с головы шапку, Томми принялся нервно крутить ее в руках.

– Мне все равно, что думают другие.

Она осторожно улынулась:

– Приятно слышать.

– Вообще-то, возможно, мы можем стать больше, чем друзьями? – Замешкавшись, будто готовясь к разочарованию, он все же продолжил: – Могу я ухаживать за тобой, Роуэн Кэзвелл?

– Ты уверен? – вырвалось у нее от удивления – такой неожиданной была прямота его слов.

– Будь все иначе, я бы не спрашивал.

– В таком случае, Томми Дин, мне бы этого хотелось. Очень хотелось.

Глава 42

Сейчас

– Мистер Баттл, – поздоровалась Тея с привратником. Директор вызвал ее к себе, хотя с той ночи прошла целая неделя.

– Мисс Раст.

Тея улыбнулась при виде этого привычного выражения легкой надменности. Судя по всему, мистеру Баттлу стало гораздо лучше.

– Рада, что вы вернулись. У меня назначена встреча с директором. Мужчина поднял бровь, но промолчал.

– Он просил явиться срочно, – добавила Тея.

– Подождите. – Мистер Баттл что-то неразборчиво пробормотал в телефонную трубку и, положив ее, наконец кивнул Тее.

Приняв это за разрешение, она прошла в кабинет.

– Мы переселяем вас с девочками, как только все обустроим, – с порога сообщил ей директор Фокс.

– Прошу прощения? – Мысли разбегались, этого она явно не ожидала.

– Кое-что не в порядке... с грунтовыми водами. Вероятно, в Доме шелка лопнула труба, и из-за этого погибли рыбки и растения. Для вас с девочками риск минимален, но тем не менее будет разумно на время переехать, пока проблема не решится, а это займет какое-то время. Вам предоставят Джордж-Хаус, а мальчиков расселят по другим домам. Он будет готов в начале следующей недели, а пока что выход в сад строго запрещен и ученикам, и учителям.

– Разумеется, директор. Я понимаю, – согласилась Тея, радуясь, что он, судя по всему, решил не возвращаться к вопросу о происшествии с мистером Баттлом, в котором упрекал ее после той ночи.

– Мистер Баттл проследит, чтобы вас обо всем информировали своевременно.

Выходя от директора, Тея заметила всполох ярких красок на фоне серых зданий и обрадованно направилась к Клэр.

– Мы переезжаем, – сообщила Тея, поравнявшись с подругой.

– Что?

– Нас с девочками переселяют из Дома шелка. По-видимому, какая-то проблема с водопроводом, поэтому рыбки и умерли. – Тея пересказала ей недавний разговор.

Клэр ободряюще обхватила Тею за плечи.

– Думаю, это к лучшему. Держать девочек так далеко от самой школы с самого начала было так себе идеей.

– Но я не совсем уверена, что хочу уехать оттуда именно сейчас. Мне кажется, все не просто так, и надо в этом разобраться.

– В чем? – озадаченно уточнила Клэр.

– Если бы я знала. – Несмотря на обряд очищения, который провела Фиона, Тее по-прежнему было беспокойно, особенно на чердаке, в своей комнате и кабинете. Теперь у нее оставалось всего несколько дней на решение загадки.

– Не ломай голову, – попыталась ее приободрить Клэр. – Очень скоро это перестанет быть твоей заботой.

Но Тея знала, что она не сможет так быстро обо всем забыть. По дороге на уроки она заглянула в библиотеку, с удивлением обнаружив мистера Диккенса, практически невидимого за горой книг: только седой хохолок и виднелся.

– А, мисс Раст! – Он явно был рад ее видеть, и Тея улыбнулась в ответ, заметив, что в этот раз на лацкане у него еще один пурпурный цветок, калла.

У него, наверное, есть теплица, размышляла про себя Тея, так как даже она знала, что обычно такие растения не цветут зимой.

– У меня для вас кое-что есть, – сообщил мистер Диккенс, передвигая стопки книг и выбираясь из-за стола. Он провел ее в дальний угол библиотеки, свернул налево и неожиданно открыл дверцу, напоминающую вход в кладовую, но на самом деле за ней оказалась крошечная комнатка со множеством коробок на полках. Воздух внутри был сухой и холодный, и Тея обхватила себя руками, осторожно проходя внутрь.

– Здесь мы держим самые древние документы, относящиеся к колледжу: о его истории, основании, указы, акты и так далее.

Тея кивнула, все еще ничего не понимая.

– Когда вы спросили про историю Дома шелка, я не думал, что у нас есть еще что-то, кроме той книги, но все же решил поискать, не найдется ли документов со времен постройки здания. – Он снял с полки архивную коробку, где значились даты: «1750–1850 гг.». – Тут немного, разумеется, ведь прошло двести пятьдесят лет, и сам колледж основали только спустя лет сто с небольшим. Дом директора раньше был постоянным двором.

Ну разумеется. Тея знала, что в восемнадцатом веке город процветал благодаря своему расположению по пути в Бат.

– Но оказалось, что у нас чудом нашлось несколько любопытных вещей. – Витиеватым жестом, которому позавидовал бы фокусник, мистер Диккенс открыл коробку, и Тея, заглянув внутрь, увидела несколько старых изданий поверх того, что напоминало стопку конторских книг. – Просто удивительно, что они сохранились до нашего времени, – добавил библиотекарь, передавая Тее первый толстый томик.

– «Том Джонс», – прочитала Тея название на корешке. – Если это первое издание Филдинга, оно может стоить целое состояние, – ахнула она.

– Знаю, никому не говорите. – Его глаза сияли от восторга. – Но это не все. – Мистер Диккенс вытащил приходские книги, рискованно положив их на стопку папок. Тея терпеливо ждала. – Вот, – сказал он, доставая со дна коробки небольшой рисунок. – Кэролайн Холландер, жена Патрика Холландера. Они первыми поселились в Доме шелка. Я взял на себя смелость провести небольшое исследование. Похоже, она погибла при трагических обстоятельствах.

– Да, об этом говорится в книге. Пишут, что она упала в мельничный пруд. Платье пропиталось водой и камнем потянуло ее вниз, а в то время она, конечно же, вряд ли могла научиться плавать. Ходили слухи, что ее толкнул муж, но ему так и не было предъявлено обвинение. Трагедия сломала его, разрушила его жизнь и в конечном счете и бизнес тоже, – добавила Тея.

– Ей было всего двадцать четыре года, – кивнул библиотекарь.

– И она была беременна.

В Дом шелка Тея вернулась уже ближе к вечеру, но в особняке было тихо и пусто, и она поднялась в свой кабинет.

Опять они. Утром дом пропылесосили (уборку проводили дважды в неделю), но эти проклятые горстки земли были тут как тут. Теперь Тея понимала, что никакая дезинфекция здесь не поможет. После разговора с мистером Диккенсом она начала смутно догадываться, что они означали. Если ей с девочками предстоит уехать уже на следующей неделе, ждать дольше никак нельзя. И загадку она решит проверенным способом: возьмет все в свои руки и начнет искать вещественные доказательства. Если они вообще были. Хватит уже бояться.

Тея прошла в дальний угол комнаты, туда, где стена слегка поддавалась от нажатия. Вытащив телефон и пролистав фото до снимков старого плана здания из архива, она приблизила схему чердачных комнат. Чернила выцвели, но на бумаге еще можно было различить небольшую кладовку, потайное место или нечто в этом роде. Там что-то было, она чувствовала.

Снова надавив на стену прямо посередине, она увидела, как по краям пошли две трещины. Схватив со стола металлическую линейку, Тея острым концом расширила их. В отличие от остальной комнаты, где кирпичные стены были покрыты известковой штукатуркой, в этом месте поверх кирпича виднелся большой кусок гипсокартона. От нажима он отделился от стены с громким хрустом, и Тея подковырнула его с помощью той же линейки, моргая и кашляя от осыпавшейся штукатурки.

В нескольких сантиметрах за панелью была кирпичная стена.

Глава 43

Июль, 1789 год, Оксли

Двадцать лет минуло с тех пор, как Роуэн Кэзвелл, а ныне Роуэн Дин, вышла из дома торговца шелком и теперь вновь очутилась на его пороге. Над притолокой исчезла вывеска с ножницами, когда-то сверкающие окна заросли пылью.

– Я могу пустить вас всего на пару минут, – предупредил торговец из соседнего дома, открывший ей дверь. – Только из уважения к мистеру Дину. Зачем вам вообще понадобилось видеть это место?

– Когда-то я служила здесь. Мне бы хотелось попрощаться с домом – до того, как все переменится. – По слухам, здание хотели купить под новый постоялый двор; на воды в Бат представители высшего общества ездили регулярно, и спрос не спадал.

Последний раз она видела мистера Холландера, уже год как скончавшегося, на выходе из «Семи звезд», тогда он ее не узнал. Произшедшие в нем перемены поразили Роуэн: нетвердая походка, грязная одежда. По слухам, он так и не оправился от потери жены. Сейчас он ничем не напоминал молодого щеголя, который двадцать лет назад подошел к ней на ярмарке, но и она тоже изменилась, превратившись из худенькой горничной в статную женщину. Трое детей и замужество, сделавшее Роуэн хозяйкой мясной лавки, округлили ее фигуру, хотя она по-прежнему хорошо выглядела. В тот день на ней было платье из шелка, вытканного крошечными цветками с перистыми, как у маргариток, листочками: пиретрум девичий, одно из ее любимых лекарственных растений – узор, созданный Мэри-Луизой Стивенсон, ставшей самой знаменитой художницей по шелку в Лондоне. Роуэн вспомнила о прекрасных тканях, которые когда-то продавались в лавке на первом этаже особняка, о том, как она мечтала прикоснуться к ним, надеть платье из чего-то столь же красивого. Как давно это было.

Она вышла замуж за Томми следующим летом после произошедшего несчастья и, безо всяких опасений оставив службу у

мистера Холландера, перебралась в небольшой коттедж на окраине города, начав новую замужнюю жизнь. Дом торговца шелком стал мрачным и темным местом, погружившимся в тени, и ей не терпелось поскорее его покинуть. Несмотря на плотно закрытые окна и отсутствие сквозняка, ее не раз пробирал озноб. Порой ей казалось, что ночью рядом в кровати лежит Элис, хотя она понимала, как это глупо. Спокойно заснула Роуэн только в ночь после свадьбы, под крышей нового дома. Она была уверена, что тело молодой горничной рано или поздно обнаружат, но его так никогда и не нашли.

– Ну вот, входите. – Повозившись с замком, мужчина толкнул дверь. Войдя внутрь, Роуэн закрыла нос ладонью: в воздухе стоял кислый запах давно нестиранного белья и позабытых ночных горшков. Стены пожелтели от дыма, а лежавших повсюду роскошных ковров пропал и след. Изысканная мебель, обитые дорогой тканью кушетки, шелковые занавеси и дубовые серванты – исчезло все.

Роуэн не спеша ходила из комнаты в комнату, точно возвращаясь в те дни, окунувшись в воспоминания из прошлого. Тогда, в самом начале, она была довольна, радовалась, что с ней хорошо обращаются и что она впервые сама зарабатывает деньги. Роуэн гордилась своей работой, и ей нравилось, что вокруг было столько прекрасных шелков. Но когда она зашла в спальню хозяйки дома, мысли затопили другие воспоминания, кровь и крики, а затем опустившаяся на дом мертвая тишина. Роуэн села на кровать и закрыла глаза. Хотя счастливое замужество и дети принесли ей много радости, Роуэн до сих пор тревожили трагические события минувших лет. Нередко она лежала без сна, снедаемая чувством вины за то, что нечаянно запустила цепь событий, приведших к гибели ее госпожи. Конечно, другие несли больше ответственности, она знала, но все же не могла до конца простить себя.

Роуэн так и сидела с закрытыми глазами, как вдруг ей почудились отдаленные звуки колыбельной, а затем чье-то присутствие, словно кто-то сел на кровать рядом. Ее госпожа. Она пыталась ей что-то сказать. Затаив дыхание, Роуэн силилась разгадать, что же это значило. Затем в мыслях мелькнуло видение, то же самое, что и много лет назад: бледный, точно восковой младенец. Но в этот раз рядом был маленький гробик с серебряной табличкой. И в тот миг Роуэн знала, чего хочет ее госпожа.

На дубовой лестнице послышались шаги, и Роуэн открыла глаза.
Это вернулся торговец:

– Сейчас вам в самом деле пора уходить.

– Разумеется, – согласилась она, поднимаясь с кровати и оглядываясь в последний раз. Ей придется вернуться, хотя она и не знала когда, но она должна была проследить, чтобы невинное дитя похоронили как полагается. Ей придется найти способ покончить с прошлым.

Глава 44

Сейчас

Кирпичная стена. Просто отлично. Задумавшись на мгновение, Тея провела по каменной кладке рукой. Кирпичи были разного цвета, и, похоже, их уложили друг на друга просто так, без раствора. Надавив на них, она ощутила, как стена поддается, пусть на несколько миллиметров, но этого было достаточно.

Сходив в спальню, Тея вернулась с хоккейной клюшкой, старой, разумеется, а не самой любимой – «ну конечно», – сказали бы девочки.

Сердце колотилось как бешеное, а клюшку она сжала так сильно, что костяшки пальцев побелели, но нескольких точных ударов хватило, чтобы какие-то кирпичи провалились в полость за стеной. Еще пара ударов – и она уже смогла просунуть голову в образовавшийся проем. Больше расширять его Тея не осмелилась, не зная, что тогда будет со всей стеной. Включив в телефоне фонарик, она заглянула внутрь. Из-за поднявшейся от ее усилий пыли ничего не было видно, поэтому, подождав, пока все осядет, Тея просунула руку с фонариком вперед и сама осторожно наклонилась.

Внутри со стен свисали лохмы паутины, но пауков видно не было. На первый взгляд кладовка казалась пустой. Но в следующий миг Тея увидела нечто, от чего, дернувшись и ударившись о кирпичи, выронила телефон. Фонарик продолжал светить прямо на небольшую коробку, чья форма подразумевала только одно.

Выбравшись наружу, она села на корточки, разглядывая дыру в стене. Подбрав клюшку, Тея, в этот раз действуя аккуратнее, столкнула внутрь еще пару кирпичей, расширяя проем, пока не смогла забраться внутрь по пояс и забрать свою находку.

Она оказалась тяжелее, чем выглядела, и Тее пришлось приложить больше усилий, при этом больно оцарапавшись об острый край кирпича. Дерево треснуло и рассыпалось прямо у нее в руках; под ним оказался охлаждающий пальцы металл.

Свинец. Ну конечно. В прежние времена гробы часто покрывали свинцом.

Сверху виднелась небольшая табличка, покрытая пылью: серебро потемнело и потускнело, но, когда Тея протерла его, на поверхности появились слова:

«Диана Грейс Холландер. Июль 1769 года».

Дочь Кэрлайн. И дата соответствует.

Опустив гробик на пол перед собой, Тея задумалась. Ведь он пролежал там два с половиной века, и никто не знал о его существовании. Как историка это открытие восхитило ее: да любой археолог при виде такого памятника материальной культуры захлебнется от восторга. Но, хотя она и знала, что детская смертность в восемнадцатом веке была довольно высокой, ей все равно горько было видеть свидетельство такой прискорбно короткой жизни. Тея гадала, что могло случиться, чтобы гробик, причем дорогой, замуровали в доме, а не похоронили на церковном кладбище, и подозревала, что может так никогда и не узнать ответ.

Правильным было бы уведомить директора, но что-то удерживало ее от этого шага. Она знала, как сильно школа ценит конфиденциальность и не выносит публичности, а такая находка определенно привлечет толпы журналистов. Тея заколебалась, перебирая варианты. Наконец она неохотно вернула свинцовый ящичек на место и забрала уроненный телефон. Сложив вытащенные кирпичи друг на друга по одну сторону проема, она закрыла его гипсокартоном и вышла из комнаты.

Слишком серьезное решение, его необходимо обдумать.

Проснувшись следующим утром после череды кошмаров с младенцами, спеленатыми, точно египетские мумии, с обтянутыми высохшей кожей черепами с чернеющими глазницами, Тея точно знала, что нужно сделать. И довериться она могла только одному человеку, который, вероятно, сможет помочь.

Фиона открыла дверь в веселеньком рождественском переднике, так не сочетающемся с видневшимся из-под него пасторским воротничком.

– Доброе утро, – поздоровалась она, пропуская Тею внутрь. – Не думала, что увижу вас так скоро. Чем могу помочь? Если, конечно, вы

не просто по-дружески заглянули меня проведать? – Фиона улыбалась тепло и открыто, и Тея поняла, что сделала правильный выбор.

Фиона провела ее на залитую солнцем застекленную террасу, и от вида на зеленые холмы с чернеющими вдалеке деревьями Гровели-Вуд захватывало дух. Они сели в кресла, и Тея рассказала о своей находке и догадках.

– Просто потрясающе, – сказала Фиона, когда Тея закончила свою историю. – Даже не верится.

– Что же мне делать?

Фиона призадумалась.

– Есть три возможных решения, – наконец произнесла она. – Начну с того, что привлекать полицию смысла нет. Судя по вашему рассказу, он пролежал там слишком долго, и ничего хорошего из этого не выйдет. И, конечно, если их все же вызвать, вся история непременно выплывет наружу.

Тея согласно кивнула.

– Второй вариант – поговорить с директором, и пусть решает он. Или...

– Или я могла бы принести его вам? – с надеждой спросила Тея. – Вдруг удастся захоронить его на освященной земле? Мне кажется, именно это и означают горстки земли. – Она не могла подобрать логическое объяснение, но не сомневалась, что, если похоронить несчастное дитя как полагается, все явления в доме прекратятся.

Фиона прикусила щеку, раздумывая.

– Ну, честно признаться, это будет тот еще бюрократический кошмар.

Тея поникла.

– Но в целом не совсем невозможно, – с загадочной полуулыбкой подвела итог Фиона. – Думаю, лучше всего уладить все тихо. Я переговорю с боссом.

– В смысле с Богом? – уточнила Тея.

– Нет, – рассмеялась Фиона. – С преподобным Джеймсом. Хотя и Его совет мне тоже может понадобиться.

– Уверена, больше никому об этом знать не стоит, – решила Тея. – Наука ничего не выиграет, и останкам Дианы это тоже не поможет.

– Согласна, – коротко кивнула Фиона.

Вечером раздался звонок:

– Я знаю, как решить нашу дилемму. На рассвете принесите все на церковное кладбище, там завтра будут похороны, – инструктировала Фиона. – Будет открыт склеп местной семьи, и я смогу проскользнуть внутрь до всех. Это самый разумный вариант.

– Вы уверены? – переспросила Тея. – У вас не будет неприятностей?

– Это уже моя забота.

Когда Тея дошла до церкви, солнце еще не думало подниматься. Обернув свою ношу в кухонное полотенце, а затем положив в безобидного вида пакет, Тея с трудом донесла его до места. Сверток оказался тяжелее, чем она рассчитывала, и она очень старалась держать пакет ровно, чтобы не потревожить останки, надеясь, что ей не встретится никто из знакомых.

Фиона уже ждала ее у открытой двери поросшего мхом склепа. Тею пробрала дрожь, и не только от холода; особой склонности к прогулкам по темным кладбищам она за собой не замечала.

Прежде чем забрать у нее пакет, женщина осенила его крестным знаменем, а затем, развернув, прочитала надпись.

– Опоздали всего на двести пятьдесят лет, – заметила Тея, пытаясь разрядить обстановку.

Фиона ободряюще ей улыбнулась. Держа гробик перед собой, она тихо произнесла:

– Господь всемогущий, Отец небесный, я ныне предаю земле тело Дианы Грейс. «Силою своей людей Ты создаешь, и снова в прах их обращаешь, ибо тысяча лет пред очами Твоими, как день вчерашний...»

Еще несколько предложений, и Фиона знаком пригласила Тею за собой. Ей не очень хотелось заходить в сырой склеп, какой бы ни была причина, так что она осталась снаружи, глядя, как женщина исчезает в темноте. Но пару мгновений спустя Фиона вернулась:

– Тея, вам обязательно нужно войти. Это единственный способ.

Фиона протянула руку, и Тея, сама не веря, что делает, ступила под мрачный свод. Внутри оказалось затхло и еще более промозгло, чем снаружи. Когда глаза привыкли к темноте, Тея огляделась, но ничего не увидела.

– А вы... Куда он делся? – прошептала она.

Фиона покачала головой, молча указав на дальний угол. Скрытый урнами с прахом, там стоял детский гроб, выглядящий на их фоне еще меньше и печальнее.

Фиона начала петь, утягивая Тею все глубже за собой, и высокое сопрано эхом звучало в темноте. Дойдя до места последнего упокоения Дианы, Фиона брызнула на него святой водой и, произнеся последнюю молитву, склонила голову.

Молитвенное пение, подумала Тея, необъяснимо тронутая церемонией. Старинная традиция оплакивания мертвых во многих культурах.

Наконец Фиона знаком показала, что они могут уходить.

– Ее душа обрела покой, – выйдя на свежий воздух, сказала она и обняла Тею. На небе уже занимался рассвет, просыпались в гнездах и начинали чирикать птички, и их утренний хор напоминал нежные звуки фортепьяно. Вокруг посветлело, туман начал рассеиваться. Впереди был чудесный день.

Глава 45

Сейчас

– Помни, помни... – скандировали девочки по дороге в школу, идя друг за другом ровной цепочкой. Прошло две недели с тех пор, как Тея развеяла прах отца и обнаружила маленький гроб с останками Дианы Холландер.

Пятое ноября: печально известный день 1605 года, когда правительство раскрыло Пороховой заговор и схватило Гая Фокса, готовящегося взорвать парламент. Ночь костров, как рассказала Клэр, школа отмечала фейерверками и огромным костром на дальнем неиспользуемом поле. Когда на неделе девочки играли в хоккей, Тея видела, как под руководством мистера Баттла на огороженной площадке шли приготовления. По словам Гарета, врачи строго-настрого запретили ему физические нагрузки, но у мистера Баттла следовать предписаниям явно не получалось.

– Не пускайте сюда этих девчонок! – рявкнул привратник, когда они пробегали мимо. – Или проблем потом не оберешься, попомните мои слова!

Тея только улыбнулась, с радостью заметив, что уголки его губ тоже дрогнули в ответ.

Все прожекторы были включены, отбрасывая на поле длинные тени. Подойдя ближе, они увидели соломенное чучело – Гая Фокса, поверх целой горы веток и валежника. На мгновение Тея показалось, что сверху сам Баттл, так как на набитом чучеле был такой же старомодный сюртук.

– Имбирный паркин? Шотландский, с шоколадом, – предложила появившаяся из ниоткуда Клэр в черном бархатном плаще, завязанном у шеи широкими лентами, помахав у нее под носом блюдом с темным и липким на вид тортом.

Тея взяла себе кусочек и попробовала, различив специи и патоку, тут же ощутив, как крошки цементом пристают к зубам. Клэр исчезла в толпе детей и учителей, все весело переговаривались и смеялись, а

Тея старалась держать в поле зрения всех девочек сразу. Испугавшись, что упустила нескольких, она огляделась вокруг и заметила Фенеллу, Сабрину и Джой в очереди вместе с мальчиками у длинного стола, ломящегося от блюд с печеным картофелем в фольге, тертым сыром и баночками сметаны. Рядом стоял огромный электрический термос, миски с маршмеллоу и сотни чашек на подставках, уже расставленных для горячего шоколада. Вот Фенелла, запрокинув голову, рассмеялась над шуткой одного из мальчиков. Веселье оказалось заразным, и подавленное состояние Теи, державшееся с той ночи на поле и после склепа, немного улучшилось.

Когда все до отвала наелись лакомствами и теперь жевали ириски – «Береги пломбы», – предупредила ее Клэр – пришло время костра. Учеников под присмотром учителей отвели на безопасное расстояние, за ограждение. Мистер Баттл, приподняв натянутую веревку, подошел к массивному сооружению, рядом с которым он сам казался лилипутом, и Тея увидела огонек зажигалки, а затем неровные языки пламени факелов, которые мужчина бросал в кучу один за другим.

Через несколько мгновений все дружно ахнули, когда костер занялся, все громче щелкая и потрескивая, и наконец пламя загудело с такой силой, словно угрожало поглотить и всех вокруг тоже.

– Вот это зрелище, – произнес подошедший к ней Гарет.

– Да, – крикнула она в ответ, пытаясь перекричать рев костра. И вдруг в памяти неожиданно всплыл день, о котором она прежде не вспоминала: семейный отдых, ей тогда было лет десять, а Пип – восемь. Они поехали в путешествие на машине, и кондиционер не спасал от раскаленного январского воздуха. Навестив бабушку с бабушкой, они возвращались мимо Бичворта, к северу от Мельбурна, Тея с сестрой без сил валялись на заднем сиденье, обмазанные солнцезащитным кремом, липкие от остатков фруктового льда, а по радио предупреждали о красном уровне опасности и возможных пожарах. Все было точно в оранжевой дымке, запах гари просачивался даже сквозь закрытые окна, и страдавшая от астмы Пип кашляла, тяжело дыша. Тея помнила встревоженное выражение матери, оглядывавшейся назад, в окно. Хлопья пепла падали на машину точно снег. Отец пересказывал им смешную сценку из «Монти Пайтона» и обернулся к ним с ободряющей улыбкой, даже мама тогда

рассмеялась. Но Тея заметила, как сильно он сжимал руль, до побелевших костяшек, и почувствовала, с каким облегчением он подъехал к их дому. Воспоминание сверкнуло, как драгоценный камушек.

– Ты в порядке? – спросил Гарет, заметив ее отстраненное выражение.

– Да-да, все хорошо, – заверила она, улыбнувшись в ответ.

В конце концов от гигантского костра остался только остов тлеющих головешек, и учителя начали собирать своих подопечных. Каждый повел свою группу в их дома, и поле постепенно опустело, пока не остались только Тея с девочками и несколько других учителей, отвечающих за уборку.

– Нам пора! – крикнула Тея девочкам. – Фенелла, можешь найти Сабрину и Морган? Кажется, они были у столов вместе с ребятами.

Кивнув, Фенелла отправилась на поиски. Когда все наконец собрались, вместе они отправились к школьным воротам.

– А теперь все наверх! – скомандовала Тея, запустив их в дом и подталкивая к гардеробной. Пока все шумно переодевались и поднимались в свои комнаты, Тея ждала внизу, и тут вдруг раздался скрип: приоткрылась дверь в кухню. – Кто здесь? – позвала она. – Дама Хикс, это вы? – Тея не видела хозяйку целый день и уже начала беспокоиться, куда она пропала.

В ответ раздался какой-то звук, но это был явно не человек.

Глава 46

Сейчас

Надсадно мяукая, из двери выскользнула кошка.

– Исида! – удивилась Тея, наклонившись погладить ее. – Эй, где твоя хозяйка? – Почесав кошку за ушком, она нащупала что-то, прикрепленное к ошейнику. Сложно было разглядеть в тусклом свете, но Тея, найдя конец узкой ленточки, развязала узелок. Исида раздраженно зашипела и, высвободившись, прошмыгнула мимо, оставив в руках Теи тяжелый предмет вроде монетки.

Проведя пальцами по поверхности, она поднесла находку к глазам, рассматривая.

Брошь дамы Хикс. Тея никогда не видела, чтобы женщина ее снимала. Скинув покрытые грязью ботинки, она быстро прошла к комнате настоятельницы в дальней части дома. У двери Тея помедлила. Вдруг дама Хикс просто рано легла спать? Беспокоить ее не хотелось. Из-под створки пробивался слабый свет, и Тея решила, что не ошиблась.

Она вернет брошь утром.

На завтраке настоятельница не появилась, так что, проводив девочек в школу, Тея вновь подошла к ее комнате и постучала. Подождала, постучала снова, но ответа не было.

Разочарованно подергав за ручку, она с удивлением обнаружила, что дверь не заперта, и мягко толкнула ее.

– Ау?

Оклик эхом разнесся по пустой комнате. Заглянув внутрь, Тея закашлялась, вдохнув ледяного воздуха, и с удивлением огляделась.

Если не считать мебели и свернутого покрывала в изножье кровати, мало что указывало, что в комнате вообще кто-то жил. В комнате витал слабый запах трав, и, взглянув в сторону окна, Тея увидела горшочек с мазью поверх книги в вытертой обложке из красной кожи. А рядом белел клочок чего-то еще.

– Шелк! – Тея взяла его в руки и посмотрела на свет. Ткань казалась почти прозрачной, вытканые цветы словно висели в воздухе.

Тея бережно подняла с подоконника книгу с грозящим оторваться корешком. «Действенные травы и растения». Открыв ее, Тея вздрогнула. На форзаце выцветшими чернилами было выведено каллиграфическим почерком: «Роуэн Кэзвелл». Положив книгу на место, Тея беспомощно огляделась. Куда же делась настоятельница? В новый дом их должны были переселить только на следующей неделе, так почему же дама Хикс уже освободила комнату? И как у нее оказалась книга, принадлежащая бывшей горничной? Книга, которой несколько сотен лет?

Какая-то бессмыслица.

В главную дверь постучали, и Тея пошла открывать. На пороге стоял долговязый рыжеволосый мужчина, и она заморгала, пытаясь вспомнить, где могла его видеть.

– Джефф, – напомнил он и улыбнулся, показывая неровные зубы.

– Ну конечно, вы наш фотограф! Здравствуйте, как ваши дела? Боюсь, девушки сейчас на занятиях.

– Нет-нет, я принес вам снимки. – Он протянул ей большой коричневый конверт. – Простите, что так долго, завалили работой. Начало года, ну вы понимаете, – извинился он, отбрасывая волосы с лица. – Там по фотографии для каждой из девочек. Пришлось немножко поколдовать с обработкой, – сконфуженно добавил мужчина.

– А что такое?

– Непонятная тень на всех кадрах. Один оставил как есть, он сверху.

Попрощавшись, Тея провела пальцем по клапану конверта, открывая. И действительно, фотография сверху отличалась от других. На том месте, где стояла дама Хикс, когда они фотографировались в саду, белело размытое пятно. Единственный след, что она вообще там была.

И все кусочки головоломки с щелчком встали на место.

Видела ли она когда-нибудь настоятельница с кем-то еще? Кроме того утра в саду, она никогда не оказывалась в комнате одновременно с девочками, ни за ужином, ни когда они отправлялись утром в школу, ни когда готовились ко сну. Упоминал ли о ней вообще кто-нибудь из школы? Или Мойра и другие женщины, работающие на кухне? Клэр?

Директор Фокс? Тея пыталась вспомнить, но ничего в голову не приходило.

Неужели она была такой слепой?

Не могла же Тея просто выдумать ее, ведь дама Хикс принесла ей мазь, разговаривала с ней, подбадривала... но касалась ли хоть раз? А сама Тея – чувствовала ли тепло кожи и вообще живого человека под одеждой?

Она потрясла головой, пытаясь сопоставить, что же было реальным, а что нет, убедить себя, что не сошла с ума – хотя бы не совсем.

Не удосужившись взять ключи, Тея вышла из дома и побежала по тропинке в Саммерборн. Ей вдруг невыносимо захотелось выбраться из давящих стен, вдохнуть свежего воздуха, увидеть небо, смыкающееся на горизонте с холмами. В конце главной улицы путь ей преградила авария, маленький автомобильчик серьезно пострадал от столкновения с внушительным внедорожником. Полицейская машина уже стояла на месте, медленно мигая спецсигналами, и хотя сбившиеся в кучку пассажиры еще были в состоянии шока, похоже, обошлось без серьезных травм. Тея решила обойти место происшествия через церковное кладбище, подумала, что, возможно, даже встретит там Фиону и сможет немного успокоиться, поговорив с ней.

Из открытого окна лилась музыка, хор репетировал реквием: афиши с программой концерта повесили еще несколько недель назад. Мелодия парила в воздухе, голоса брали то высокие ноты, то низкие, придавая месту безмятежную атмосферу, и главная улица с ее гудящими машинами и шумом колес будто осталась далеко-далеко. На одной из могил покоился букет лилий. Из любопытства Тея подошла ближе. Скромный надгробный камень, небольшой, округлой формы, от возраста покрылся желто-зеленым лишайником.

Выбитую на нем надпись с трудом, но можно было разобрать, и у Теи перехватило дыхание.

«Незабвенной памяти Роуэн Кэзвелл. Любимой супруги Томаса Дина. Матери Люси, Уильяма и Грейс. Родившейся 31 октября 1754 года и скончавшейся 5 ноября 1804 года в возрасте 51 года».

Тея провела пальцем по высеченным в камне словам, словно доказывая себе, что это все взаправду и ей не чудится. Роуэн Кэзвелл

прожила долгую жизнь – по крайней мере, по тем меркам. А раз ее похоронили на церковном кладбище, получается, обвинения в колдовстве к ней не прилипли. Это странным образом успокаивало.

Дата ее смерти совпадала с датой вчерашнего дня. Двести пятнадцать лет спустя. В верхней части надгробья виднелась пятиконечная звезда, а внизу – стрела, точно такая же, как на броши дамы Хикс.

Общество женщин, которые оберегали друг друга. Теперь все приобретало смысл.

– Что там у тебя? – спросила Клэр, указывая на книгу в руках Теи.

Они встретились днем после уроков в учительской, когда Тея уже собиралась возвращаться в Дом шелка.

– Это история дома торговца шелком, Дома шелка. В ней упоминается о горничной, про которую я тебе рассказывала, ее обвинили в колдовстве, что прекрасно подходит для моего исследования. Похоже, я нашла ее могилу на церковном кладбище.

– Может, вот и причина остаться? – с надеждой спросил присоединившийся к ним Гарет.

– Ага, – широко улыбнулась Тея. – Я бы сказала, у меня множество причин.

Солнце уже садилось, расписав небо в восхитительной оранжевой гамме и добавив облакам розово-золотистый оттенок, так что Тея решила пройти к особняку по тропинке вдоль реки. Проходя у самой границы школьной территории и игровых полей, она спустилась к реке, в итоге обойдя Дом шелка сзади, а подойдя к калитке, ведущей в сад, все же решила пройти дальше, в Саммерборн, по-прежнему размышляя о своем необычном открытии.

До Теи доносился шум мельницы и рокот бурного потока. На тропе показалась развилка: часть ее, извиваясь, вела к воде. К самой реке было не подобраться из-за колючих зарослей ежевики и боярышника в шипах и без единой ягодки. Туда она спускаться не стала, а свернула к деревне, и так и не увидела темную фигуру черноволосой горничной, скрючившейся в зарослях крапивы и вьюнка.

Благодарности

Одним из первых фильмов в моей жизни была история о привидениях: в старинном поместье обитали призраки детей из прошлого. «Изумительный мистер Бланден» произвел на меня неизгладимое впечатление, приводя одновременно в ужас и восторг, и прочно поселился в памяти. Возможно, отчасти поэтому мне давно хотелось написать книгу, где события из прошлого переплетаются с настоящим.

Идея пришла ко мне на выставке в музее Виктории и Альберта^[13]. За эти годы я много раз побывала там, особенно когда жила в Лондоне, и экспозиция с историей костюма, бесспорно, моя любимая. Посетив ее три года назад, я обнаружила там невероятное шелковое платье восемнадцатого века и не могла отвести глаз. Кремовая ткань была выткана букетиками цветов и будто светилась изнутри, несмотря на прошедшие века. Я сфотографировала его и сделала пометку о дизайнере, Анне Марии Гартуэйт, и позже узнала, что она была признанной создательницей узоров по шелку в то время, когда эту роль в основном выполняли мужчины. И я начала представлять, как тяжело далось ей, женщине, пробиться и добиться успеха в мужском на тот момент ремесле.

Я выросла в английском рыночном городке, где есть реконструированный дом торговца шелком, так что, вновь оказавшись там, я получила новый виток развития своей истории и хотела бы поблагодарить Линду Нанн за ее помощь в координации и взаимодействии, а также Ильс Никольски из дома торговца шелком в Мальборо за подробные ответы о жизни в восемнадцатом веке. В Мальборо также находится одна из самых известных и уважаемых частных школ Англии, и я хотела бы подчеркнуть, что она не имеет никакого отношения к колледжу в моей книге.

Мне известно, что не только в Уилтшире за прошедшие века женщин обвиняли в колдовстве, но за время своих исследований я нашла множество свидетельств о женщинах графства, как правило, бедных и пожилых, часто разбирающихся в травах и лекарствах, которых винили во всех бедах, болезнях и неурожаях. Их преследовали

на протяжении пятнадцатого, шестнадцатого, семнадцатого веков, даже в начале восемнадцатого, и некоторые истории и судьбы там помнят и сейчас. История сестер Хандсель – одна из них.

Мой интерес к лекарственным и ядовитым растениям заставил меня задуматься, а как бы выглядел шелк, вытканый такими цветами. И мне показалось, что будет очень кстати объединить в сюжете необычную и обладающую определенной силой ткань со знахарством и подозрениями в колдовстве.

Моя мама при жизни много лет была служительницей Англиканской церкви. Особенно ее интересовали экзорцизмы, она даже прошла дополнительную подготовку в этой области. И у меня дух захватывало от этих историй о силе призраков и воплощений человеческой мысли, а мама еще была прирожденной рассказчицей. Меня завораживает идея, что трагические события могут оставлять свой след, что эту энергию можно почувствовать и столетия спустя; так я и начала представлять старинный особняк, где до сих пор живут призраки прошлого, а герои в нашем времени могут помочь им и подарить покой.

Как и всегда, хочу поблагодарить моего мужа Энди за его терпение и моральную поддержку, моего агента Маргарет Коннолли, чей энтузиазм так воодушевляет, и всех в издательстве «Хэтчет Австралия» за помощь. Отдельное спасибо Алекс Крейг, которая всегда видит главное за деталями, и за ее бесценные советы, а также Селин Келли и Клэр де Медичи за их глубокое понимание темы и за то, что направляли меня в нужную сторону. Спасибо Бекки за мозговой штурм именно в тот момент, когда он был так необходим. И, наконец, есть один человек, чье мнение о моей работе важнее всех остальных: к моему восторгу, Ребекка Сондерс приняла рукопись с невероятным энтузиазмом, и мне просто фантастически повезло, что у меня такой издатель и редактор.

notes

СНОСКИ

1

Mop Fair (*англ.*) – ярмарка вакансий, дословно «Ярмарка швабр», где можно было нанять прислугу на определенный срок: эту традицию ввел Эдуард III в середине XIV века. – *Здесь и далее – прим. переводчика.*

2

От англ. rowan – рябина обыкновенная.

3

Батан – один из основных механизмов ткацкого станка, обеспечивает правильное движение и направляет челнок, вводящий уток в основу.

4

1 ярд – 91,44 см.

Knot garden – цветник с регулярно разбитыми клумбами четкой формы, как правило, с ароматными травами.

Оксбридж – Оксфорд и Кембридж, привилегированные высшие учебные заведения.

Нетбол – традиционно женский вид спорта, его предложила Мартина Бергман-Остерберг в 1893 году, адаптировав правила баскетбола для женщин.

8

Бэтсмен – игрок с битой, отбивающий мяч.

9

Ел (*англ.*) – эль, старинная мера длины, примерно 114 см.

На карантинной станции Мэнли содержали иммигрантов и путешественников, прибывавших в Австралию с 1828 по 1972 год. Из-за немалого количества смертей место заработало репутацию дома с привидениями, куда также водят экскурсии.

11

От англ. trust – доверие.

От греч. *miasma* – загрязнение, скверна. До конца XIX века использовалось как определение заразных испарений и продуктов гниения; признаком считалось наличие соответствующего запаха.

Музей Виктории и Альберта в Лондоне – первый в Европе музей декоративно-прикладного искусства, основан в 1852 году.